

Елизавета Родина

**Я всё люблю
на ЭТОМ свете...**

(Автобиографическая повесть усольчанки)

**Оттиск
2013**

УДК 94 (571.53)
ББК 63.3 (2Рос-4Ирк)

Родина Е.Н. Я всё люблю на этом свете... (Автобиографическая повесть усольчанки). Иркутск: Оттиск, 2013. 336 с.

ISBN 978-5-905847-46-2

© Е.Н. Родина, 2013

*Светлой памяти моих дорогих родителей
Быкова Никиты Семеновича
и Быковой Ульяны Ефремовны
посвящается*

От автора

«Я всё люблю на этом свете» – моя 20-я по счету книга. Я считаю ее итоговой. Не потому, что она последняя – я надеюсь, что еще выйдут из печати мои стихи, которых за эти годы написано немало, в том числе, новые. А потому, что в этой книге я подвожу итоги моей жизни, жизни достаточно долгой и, смею надеяться, плодотворной, насыщенной интересными событиями, которые отражают жизнь нашей страны почти за столетие.

Я долго сомневалась, будет ли интересна моя искренняя исповедь кому-то, кроме моих детей и внуков, непосредственных участников моей биографии. И все-таки мне представляется, что в книге изложена не просто личная жизнь одного человека – это жизнь целого поколения с его проблемами, испытаниями, раздумьями, радостями и трудностями, которые выпали на нашу долю. Нашу общую долю. И если внуки и правнуки моих ровесников извлекут хоть какие-то нравственные уроки из истории моей жизни, я буду считать свою работу небесполезной.

Хочу выразить свою благодарность и признательность моему верному многолетнему другу Ливии Каминской, которая была не просто редактором этой книги, но вложила в нее много труда и, главное, частицу своей души, поддерживая меня в минуты сомнения в важности этой работы

Не живу я в Усолье

*Много лет я живу не в Усолье,
Только родина это моя.
Я люблю этот город до боли,
Дорога мне родная земля.*

*Меня солнце твое согревало,
Пенье птичек будило с утра.
Меня в волнах прохладных купала
Дочь Байкала, моя Ангара.*

*Я люблю золотые рассветы,
Изумрудных берез перелески,
И никем до сих пор не воспеты
И Шаманский, и Чебаевский.*

*Были улочки узкие, тихие,
Солеваренный старый завод.
Возле окон кусты облепихи,
И у каждого свой огород.*

*В огороде колодец с бадьею,
А забор назывался заплот.
Веселились детишки гурьбою,
В дождь по лывам вода хоровод.*

*В праздник все, нарядившись парадно,
Отдыхали на острове Спасском.
На плашкоут набившись изрядно,
На канаты смотрели с опаской.*

*Веселились почти до полночи,
Танцплощадки, оркестр и гармошки.
Пели рядом директор с рабочим,
Возвращались одною дорожкой.*

*Рано утром из сонных дворов,
Напоив молоком ребятишек,
К пастухам выгоняли коров,
И щелкали бичами мальчишки.*

*Шли рабочие чинно к заводу,
Приезжала к директору бричка,
И врачам подавали подводу,
И работала старая «Спичка».*

*Мы же, школьницы, в форме коричневой,
Одинаковой, скромной и строгой,
И с холщовой сумкой обычной
Шли знакомою к школе дорогой.*

*Стали ниже дома лиственничные,
Будто в землю по пояс вросли.
Комбинаты и трубы фабричные...
Старый город частично снесли.*

*Ну, а новый — он не узнаваем,
Но по-прежнему мною любим.
Тихо еду звенящим трамваем
По широким проспектам твоим.*

2001

Откуда я родом

*Много лет не живу я в Усолье,
Только родина эта моя,
Город ссылок, страданий и боли,
Где пропитана солью земля.*

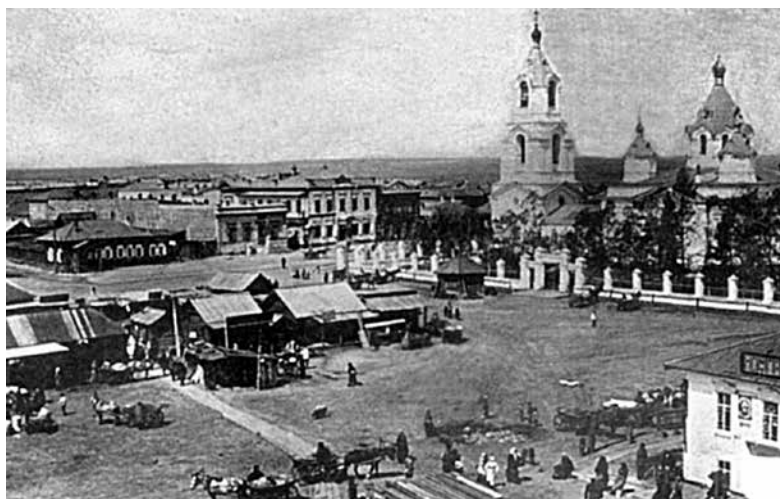

Усолье-Сибирское. Железнодорожный вокзал. 2013 г.

Я родилась в Усолье в 1924 году. Это сейчас Усолье-Сибирское – вполне цивилизованный город, с целым рядом крупных промышленных предприятий, многоэтажными домами и широкими улицами, с населением свыше 80 тысяч человек. Отсюда до областного центра – Иркутска ведет асфальтированная дорога, и езды – чуть больше часа. А когда-то это был захудалый поселок «у соли», в глубине Сибири, знаменитый лишь огромными запасами соли.

Соль, как и хлеб, всему голова. Из-за недостатка соли в старые времена возникали соляные бунты, контрабандная соль продавалась по спекулятивным ценам. Поэтому Российское государство на протяжении столетий вело контроль за добычей и продажей соли.

Основателями Усолья на Ангаре были братья Михалевы, начавшие добычу соли в 1670–71 годах. Соляные промыслы переходили к Волынскому, Куропте, Алексею Ушакову и, наконец, к иркутскому Вознесенскому мужскому монастырю. К 1755 году число жителей соляного поселка составляло 190 человек.

Усолье-Сибирское. Спасская церковь и базарная площадь в начале XX века

Потребность в соли требовала увеличения ее добычи и производства. Постепенно увеличивалось и население вокруг соляных разработок. В том числе, за счет того, что Сибирь, окраина России, со второй половины 17 века становится местом ссылки «лихих и опальных» людей. Трудности долгого пути и лишения, ожидавшие осужденных на месте заточения, были тяжелым, грозным наказанием.

Дорога назад, на родину, была им практически закрыта: ссылка в сибирскую глушь служила надежной гарантией

ограждения европейской части России от «вредных людей». Когда декабристов, осужденных на каторжные работы и поселение в Сибири, с июля 1826 года начали отсылать к местам заключения, часть из них, например, декабристы Е. Оболенский и А. Якубович, были направлены на солеваренный завод в Усолье, где работали дровосеками на заготовке дров. В усольской земле похоронен декабрист Петр Громницкий, проходивший здесь лечение после нерчинских рудников.

После поражения польского восстания 1863 года в Усолье стали прибывать участники польского национально-освободительного движения: П. Высоцкий, Ф. Мальчевский, Т. Ковнацкий, А. Люборадзский, Я. Богунский. Через некоторое время Высоцкий с товарищами организовали побег, но были пойманы и преданы суду.

Следующая группа польских «канарчиков» (так называли бунтовщиков по имени вождя восстания Канарского) прибыла к месту ссылки в 1838 году. Организатор восстания Шимон Канарский был казнен на месте, а П. Немировский, братья П. и Н. Яшины, А. Рожковский, П. Боровский, В. Уманьский (?) сосланы в Сибирь и остались в Усолье. Многие из них потом привлекались местным населением к воспитанию детей. В Усолье образованные люди тогда практически отсутствовали, а в колонии польских ссыльных было много интеллигентов: учителя, врачи, художники, музыканты, поэты.

10 июля 1864 года сюда, на островной завод, в казарму для политических преступников в сопровождении жандармов привезли на телеге в кандалах государственного преступника Н.Г. Чернышевского.

Мои дедушки и бабушки (со стороны матери – Ефрем Боросан и его жена Мария, а со стороны отца – Семен и Авдотья Быковы) тоже прибыли сюда по этапу как политические заключенные в начале XIX-го столетия, в годы столыпинской реформы. Боросаны были родом из Херсона, а Быковы – из Тамбовской губернии.

Паспорт жены арестанта бабушки М.К. Борсан

Этапирование заключенных в Александровский централ и другие места проходило через Усолье. Начиная с 1860 года, царская администрация в этом населенном пункте стала сосредоточивать тех политссыльных, кто оказался в сибирском изгнании со своими семьями – женами и детьми. Жены и дети либо с самого начала сопровождали своих мужей и отцов в ссылку, либо вскоре приезжали вслед за ними.

Мои бабушки шли по этапу вместе с мужьями и детьми (у одной было семеро детей, у другой – четверо). Днем жены с детьми ехали на телегах, а ночью спали под теми же телегами. Отцы шли пешком в кандалах, натирая ноги до крови. В дороге женщины заботились об арестантах – перевязывали им натертые ноги, стирали портянки. Дети на этом долгом пути болели, более слабые умирали. Недалеко от Красноярска в тайге Авдотья Ефимовна схоронила в канаве своего младшего сыночка.

По прибытии в Александровский централ жены арестантов работали прачками и шитницами (портнихами), шили одежду для заключенных. После отбытия наказания каторжан вместе с семьями направляли на поселение в Усолье, где они получали право приобрести или построить жилье. Одинокие снимали

угол у местных жителей. Вот как описывает тогдашнее Усолье ссыльный польский повстанец Аугуст Иваньский: «Местность Усолье известна многочисленными источниками соли... Поселение русского типа с широкими улицами, преимущественно с деревянными домами, лишенными растительного украшения, и церковь с зеленым куполом, имеющим в общем серый вид. Не украшали его и стандартные стены с зелеными кровлями, окружающими склад соли, такая же квартира директора солеваренного завода, который был одновременно комендантом ссыльных. За этим строго симметричным поселением были разбросаны совершенно свободно домишки возвращенных в права бывших приговоренных и их потомков. Климат континентальный, а именно – зима долгая и морозная, но без ветра, лето же короткое и знойное. Для европейца же самым тяжелым являлось лишение видов растения и зелени в течение 8 месяцев, но лица, предрасположенные к чахотке, приобретали здоровье в Восточной Сибири».

В Усолье сложилось две категории жителей: постоянные, потомки прежних каторжан, и подвижная волна политических ссыльных. Тем и другим выдавалось по три копейки ежедневно и по два пуда житной муки на одно лицо в месяц. Усолье было местом, предназначенным исключительно для политических «семейных изгнанников».

По церковным спискам 1882 года в поселении насчитывалось 611 дворов, где проживало 3069 православных, а еще 381 человек составляли в общей сложности раскольники, католики, лютеране, магометане и иудеи. В усольской колонии польских ссыльных каторжан выделялись группы врачей, педагогов, ученых, художников, музыкантов, поэтов.

Многие, отбыв срок наказания, уезжали на родину, но половина их потомков, людей интеллигентных и образованных, осталась в Усолье, они, можно сказать, и положили начало культуре Усоляя.

К 1916 году Усолье представляло собой уже довольно крупный поселок с более чем пятидесяти тысячным населением. Через поселок шла Транссибирская магистраль, железнодорожная станция называлась Ангара. В селе теперь кроме островного

солеваренного завода действовали спичечная фабрика, кожевенные заводы, овчинно-шубная, сапоговаляльная и другие мастерские – всего около 40 мелких предприятий. Село располагало тремя училищами, амбулаторией, больницей, аптекой, клубом и кинозалом, почтово-телеграфным отделением и пожарной дружиной.

*Никита Семенович Быков,
мой отец. 1950 г.*

Моему отцу исполнилось семь лет, когда срок высылки его родителей миновал. Он пошел в первый класс, а его отец, мой дед Семен, отправился на родину «в разведку», с целью последующего переезда всей семьи, но так и не вернулся. Бабушка Авдотья Ефимовна, добрая, благородная женщина, осталась одна с четырьмя детьми без средств к существованию. Кроме папы в семье было еще три дочери – две старше отца и одна младше. В школе мальчик не успел выучить даже азбуку. Как он рассказывал, освоил лишь 17 букв – вынужден был идти работать как единственный мужчина, ставший главой семьи. Их маленький домик стоял на улице Александровской, ныне это улица Советской Армии. Напротив стояла маслобойка «Барбаша», а позже – ветеринарная лечебница. Папу взяли на работу коневодом – по двенадцать часов в сутки он верхом на лошади ездил по кругу – сбивал масло. Бабушка «пошла по людям». Потом она всегда с благодарностью вспоминала тех, кто давал ей работу. «Эту юбку мне подарила моя благодетельница Ивлева Мария Ивановна», – говорила она. Труд ее стоил гораздо дороже, но, как говорится, дорого яичко ко Христову дню: разная работа и такие формы оплаты помогали ей не только накормить, но и одеть-обуть и, в конце концов, сохранить семью, вырастить детей.

Мамины братья и сестры. Мама вторая слева

Старшую дочь выдали замуж в Иркутск за почтмейстера. Жизнь потихоньку налаживалась, и потому женитьба отца на семнадцатилетней девчонке, моей маме, конечно, не обрадовала семью, ведь это означало появление лишних ртов.

Накануне мою будущую маму, Ульяну Ефремовну Боросан, сватал один из польских врачей, но свадьба не состоялась, хотя ее родители считали этот брак престижным. Мама «убегом» ушла к любимому, моему отцу, вернее, он ее выкрал.

В 17 лет мама родила первую дочку – девочку назвали Галей. А через полтора года мама почувствовала, что ожидает второго ребенка, хотя она старательно кормила дочку грудью, а тогда считалось, что в период кормления женщина забеременеть не может.

Я была не ожидаемым и значит нежеланным ребенком. Родители мамы не признали ее избранника и старались разрушить этот брак. Отцовские родственники, мать и сестры, несмотря на взаимную любовь молодых, тоже плохо приняли

семнадцатилетнюю красавицу, не умеющую, по их мнению, правильно печь хлеб. Один отец всегда хвалил молодую жену, видя ее старания.

Возможность появления второго ребенка привела в раздражение обе семьи. Решили от меня избавиться. Маму привели в хорошо натопленную баню, и бабушка-повитуха использовала все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы выжить ребенка. Маме садились на живот, выталкивали плод массажными движениями – ничего не получалось. Я, видимо, упираюсь, цепляясь за жизнь. Мама потеряла сознание. Ее вынесли

*Мама, Быкова Ульяна Ефремовна.
1965 г.*

и бросили голую на снег, и она так лежала, пока сама не очнулась.

А через несколько дней мама увидела сон, или это было видение. Мама рассказывала это так. Среди ночи она вдруг услышала приятный женский голос: «Ульяна, проснись, проснись! Пожар!»

Мама открыла глаза. Над ней склонилась женщина с распущенными длинными волосами. Мама взглянула в окно: во дворе полыхал огонь, освещая все вокруг. Женщина повернулась и пошла к двери. Спина ее была прозрачной, будто без кожи, отчетливо виднелись

все внутренности. Что тогда больше потрясло маму: пожар или явление ее ангела-хранителя в образе этой удивительной женщины?

Отцу удалось вывести из дома семью. Пожар вовсю полыхал и над стайкой, где стояла кобыла Маруська, главное наше богатство и общая любимица. С ее помощью папа возил с сользавода на вокзал мешки с солью, где они загружались в вагоны – это была его работа. Отец вбежал в горящую конюшню. Испуганная

красавица дрожала, забившись в дальний угол и сопротивлялась, не слушая никаких уговоров. Огонь уже захватил двери. Тогда, отчаявшись, отец больно ударил Маруську и закричал на нее. Она вдруг выпрямилась и резко выскочила во двор. Здесь все пылало, ворота были открыты, и Маруська убежала в поле. Утром она вернулась, подошла к воротам и стала горестно ржать. Из глаз у нее текли слезы. Подошел отец, она положила голову ему на плечо и так стояла в оцепенении. Потом Маруська еще долго и верно служила нашей семье.

После случившегося пожара все боялись, судача о том, что из-за пережитого стресса мама не сможет родить нормально-го ребенка. Но вырвать меня из маминого тела оказалось невозможно, и, поняв это, родственники смирились с неизбежным. Вопреки опасениям и предсказанием, я родилась вполне здоровым ребенком.

А вот для мамы эта экзекуция не прошла даром. После моего рождения у нее обнаружили туберкулез и отправили в больницу в Томск. Я осталась в семье отца, и бабушка, поневоле став моей няней, привязалась ко мне.

Детство

Первой, кого не устроило мое рождение, стала старшая сестра Галя. Она никак не могла смириться с тем, что меня теперь чаще брали на руки, что ей, уже двухлетней, отказывали в кормлении грудью. И она решила от меня избавиться. Выбрала время, когда никого не было в комнате, положила мне на голову подушку. Спасло мне жизнь появление бабушки.

Итак, я живу, папа и мама ходят на работу, бабушка нянчится с двумя внучками, а после работы папа строит новый дом в нашем дворе.

Мне не исполнилось еще двух лет, когда дом был построен, правда, крыльцо было пока временным. Настал день переезда в новое жилище. Первой в дом впустили кошку, потом меня с

иконой Божьей Матери и Иисуса Христа. Дом показался мне огромным. На улицу выходили три окна, во двор с одной стороны – два, с другой – одно. Большие сени заканчивались кладовой, куда сразу поместили большой сколоченный сусек – ларь для хранения муки и стряпни. Наверху – множество полочек для кринок. Дом казался большим, потому что не был пока перегороден и представлял собой одну большую комнату с большой русской печью посередине, которая потом обогревала одновременно все комнаты – прихожую, кухню, спальню и залу. Это была настоящая русская печка – с плитой, духовкой и лежанкой, где сушили валенки и спали те, кто простужался.

Мебели не было, она сгорела при пожаре, и папа сколотил полати, на которых лежали матрацы, набитые сеном. Я помню, что в течение всего моего детства летом ежегодно вытряхивали матрацы и набивали свежим сеном. Пахло от них вкусно, свежо.

Отец наш был участником первой мировой войны, воевал на германском фронте, заслужил Георгия. В гражданскую воевал в отряде Каландаришвили, участвовал в Финской компании, воевал на Ханхиголе, а потом стал прекрасным семьянином. Он имел несколько профессий, самостоятельно научился хорошо читать и писать и очень быстро и правильно считал в уме. Он помогал нам решать задачи по математике и никогда не ошибался. Когда я с восхищением спрашивала его: «Папка, как это у тебя так быстро получается, и всегда верно?» он отвечал: «Не знаю, у меня так мозговой аппарат устроен». Он умел все: построить дом, сшить обувь и одежду, вылечить скотину. К нему то и дело обращались за помощью, и он никому не отказывал. Дети на нашей улице говорили: «Самый главный человек в мире – Ленин, а на нашей улице – Никита Семенович». Я гордилась: это мой папа!

Он всегда трудился на нескольких работах. И везде добросовестно.

В те времена люди даже в городе держали всякую домашнюю живность: коров, свиней, птицу, почти в каждом дворе была скотина. Если корова объелась сурепки и ее раздуло, папа умел сделать прокол и выпустить газы. А когда определял у коровы смертельное заболевание, помогал ее вовремя заколоть и

реализовать мясо. И, конечно, умел содержать семью и умело воспитывал своих шестерых детей.

Мама была честной, верной, любящей женой, красивой женщиной (правда, она об этом не подозревала). Ее мать, Мария Карповна, была голубоглазой красавицей, в ней текла польская и украинская кровь. Отец, Ефрем Боросан, жгучий брюнет высокого роста, был молдаванином. С родителями мамы мы общались гораздо меньше – они жили отдельно, кроме того, они не могли простить маме этот брак. Желая выказать свое отношение к поступку дочери, они отправили семье «приданое» матери – большой тяжелый сундук. Когда его открыли, он оказался забит кирпичами – это было наказание за непослушание. Общение возобновилось только после того, как дед Ефрем ушел из семьи.

Отец много работал и еще очень молодым сумел купить хорошую лошадь, ту самую Маруську, которую с трудом спас при пожаре. Маруська имела суровый нрав. Если она находилась во дворе, женщины боялись выходить из дома. Во время сушки белья во дворе она изжевывала все вещи, принадлежащие женщинам, но никогда не трогала папиной одежды. Был такой случай. Взрослые, занятые делом, не заметили, как полтора-годовалая Галя выползла на середину двора, где разгуливала Маруська. Галя спокойно добралась до лошади, обхватила ее ногу и, довольно улыбаясь, поднялась на ноги. Отца дома не было, а перепуганные женщины не решались выйти во двор. Так и простояла девочка, пока не пришел отец. Маруська за все это время не шелохнулась, даже когда ее облепила мошкара.

Галя с самых ранних лет была моим идеалом. Мы были совсем маленькими, но ей хотелось быть большой. Она ущипнет меня, чтобы я заплакала, а потом садится рядом на маленький ящик, притянет меня к себе и вытирает слезы – ухаживает как старшая. Как только она начинала меня жалеть, я сразу улыбалась. И тогда она снова начинала меня щипать, чтобы можно было выполнять при мне роль няни-утешительницы. Галя была очень хорошенькой и озорной, никто на нее не сердился, ей прощались все ее проказы.

Как-то, когда ей было лет пять, она собрала ребятишек с улицы и повела их в огород соседки, сообщив:

– У тети Клавы под грядками музыка заиграет, когда мы будем там плясать.

Толпа малышей начала с восторженными криками прыгать на грядках, где тетя Клава только что посеяла лук, морковь и чеснок. Прибежала соседка, заплакала мама, решили наказать Галю. Я громко заревела, прося наказать вместо Гали меня.

Галю за ее постоянные проделки можно было наказывать по несколько раз на день. Иногда эти забавы кончались плохо. Однажды она решила показать «фокус» с прыжками на крыше. Крыша была деревянная. Одна из досок оторвалась, и Галя вместе с этой доской упала прямо на забор. А потом долго лежала в больнице с отбитыми почками.

Отец как-то купил нам детский сервиз и самовар. Ребятишки с нашей улицы собрались у нас во дворе. Галя взяла чайник из сервиза и объявила: «Сейчас я брызну из чайника в угол, и выйдет Бог!» Все замерли. Галя взмахнула чайником, он вылетел у нее из рук и разбился. Все перепугались. Галя деловито объявила: «Бог занят».

Я открыто восхищалась своей сестрой. Под ее руководством мы устраивали в нашем дворе представления. Сами сочиняли тексты, устраивали сцену и зрительный зал. Во дворе была «завозня», а в ней потайная дверь. Дверь открывали, как занавес, это была сцена. Зрители рассаживались на скамейках, которые изготовляли тут же: на кирпичи, по два уложенные друг на друга, укладывалась доска, получался целый ряд. Таких рядов делали пять или шесть, все они заполнялись зрителями. Начиналось представление. Это были истории про жителей нашей улицы. Например, диалог двух глухих:

– Ну, я пошла.

– Ну и хорошо, что сумку нашла.

Нам это казалось очень смешным, и мы старались развеселить всех. Готовились всю неделю, репетировали, а в воскресенье устраивали представление. Иногда в качестве зрителей к нам присоединялись взрослые.

В детский сад мы стали ходить рано. Шел 27-ой год. Гале было пять лет, мне три. Она вела меня за руку, помогала раздеться, следила, чтобы я все съедала.

В детском саду к каждому празднику готовили выступления детей. Главную роль всегда отдавали Гале. Помню, во время праздника «Весна идет!» Гале надели на голову веночек из цветов, на платье нашили цветы, в руках у нее тоже были цветы – она была красавицей, красиво пела и читала стихи. Мне всегда доставались общие сцены, и то где-то сзади. Я была тихоня, и если не было близко Гали, меня обижали. Однажды я категорически отказалась идти в садик. Галя меня уговорила: «Ну, посидишь на лавочке, а потом уйдем». Но на лавочке сидеть незамеченной было трудно – мимо ходили воспитатели и родители. Тогда Галя постелила мне под широкой лавкой травы, и я, затаившись, пролежала там до обеда. В обед Галя принесла мне еду – компот она вылила в карман своего фартучка, конечно, там осталось лишь несколько мокрых фруктов.

Детский сад. Галя сидит в первом ряду с венком на голове в середине, я стою во втором ряду вторая справа. 1927 г.

А мальчишке, который меня обидел, она не забыла отомстить. Сказала ему: «Иди, тебя воспитательница зовет». Пока он ходил в поисках воспитательницы, она налила чаю на его стул. Мальчишка вернулся, никого не найдя, и сел на мокрый стул, тогда Галя подняла руку и доложила, что Вовка описался, и была очень довольна собой.

В детском саду в возрасте пяти лет я впервые влюбилась. Это был Мишка Пронин, самый некрасивый мальчишка, его лицо казалось сплошной коричневой веснушкой. Он был хулиганистым, но справедливым и оказывал мне предпочтение: поднимал на горку мои санки и кричал: «Лизка, я тебя повезу!» Мы с ним часто менялись: я ему булочку, а он мне – конфетку.

Через полтора года после моего рождения у мамы родился сын. Ликованию отца не было границ – наследник родился! Мальчика назвали Василием.

Родился он слабым, не брал грудь, но выхаживали его как самое драгоценное существо. Очень маленький, худенький, он даже у нас, девчонок, вызывал жалость, хотя ему и оказывалось особое предпочтение.

А через два года после Васи родилась Валя, очень хорошенькая – золотые локоны, голубые, как незабудки, глаза, длинные загнутые ресницы, вся розовая и пухленькая. Она почти не плакала и так радостно всем улыбалась, что каждому хотелось с ней познакомиться. Мы называли ее Лялькой, с этим именем она так и пошла потом по жизни. Она схватывала все на лету, с 5 лет великолепно читала стихи со сцены, потом отлично училась. Она очень была привязана ко мне, ходила за мной хвостиком на репетиции, в кино, на улицу.

Ходим в детский сад. Слева направо: Галя, Валя, Лиза, Вася.

Кровать ее стояла возле моей. Ляля поступила потом в тот же институт, что и я. В студенческом общежитии я поселила ее на свою кровать, мы спали вместе. А когда я вышла замуж, Лялька так и осталась на моей койке и только на старших курсах перешла в общежитие своего факультета.

Семья Быковых 1932 г. Слева направо: Василий, Никита Семенович, Валентина, Галина, Ульяна Ефремовна, Елизавета

В 1935 году родился у нас еще один братишка – Коля, очень похожий на Лялю, наконец, Людмила, но это уже позднее, в 1937 году.

Жизнь становилась благополучнее, веселее. В нашем дворе появилась корова Пеструшка, большой боров Васька, на котором можно было кататься верхом, много куриц, красавец петух, большая белая собака Бобик с красным носиком и кот Васька.

Мама сумела в нашем не так уж большом доме найти место для каждого, а нас было в семье уже девять: бабушка, мама с папой, шестеро детей. Появлялась и новая мебель. Гардероб – большой и черный шкаф – поселился в прихожей. Там же стояли бабушкины кровать и сундук. Сундук был самый загадочный предмет в доме. Когда бабушка открывала сундук с «несметными богатствами», как нам казалось, все ребятишки толпились вокруг. Сбоку в сундуке было отгороженное отделение, где хранились разные красивые пуговички, монетки, засохшая конфета в обертке. Бабушка была добрая и отдавала нам эти сокровища, ей для нас ничего было не жалко.

В большой комнате – зале был «красный угол»: в углу висела икона Божьей Матери, перед ней – лампада, которую бабушка зажигала в особых случаях. Здесь же, в углу, стоял огромный, до потолка, фикус. В центре – комод с тусклыми большими старыми зеркалами на нем, у каждого из трех окон стоял стул. У старших детей в дальней комнате-спальне стояли три железных кровати, две у стены, одна – у печки. У каждой кровати висела полочка в виде ящичка – это для нас соорудил папа. В них помещались учебники и тетради и все личные «сокровища» владельца. На кроватях вместо пружин помещались доски, а поверх них – холщовые матрацы, набитые сеном или соломой. Между кроватями стоял стол, за которым мы делали уроки. Вход в нашу комнату шел через кухню, между стеной и печкой. Сложнее было зимой, когда телилась корова и новорожденный теленок до тепла жил с нами. Следить за ним поручалось нам, детям, мы должны были успевать подставить ему горшок.

В кухне жил Вася, а позднее – Коля. Там стояли большой стол, кровать и курятник: на зиму оставлялись несколько кур и петух.

Родители вставали рано – часов в пять, шесть. Отец шел во двор, сбрасывал сено корове, давал еду свиньям и курам, а мама затапливала печь и готовила завтрак, потом шла доить корову. К концу дойки все дети сидели на крыльце со стаканами в руках. Мама поднималась на крыльцо, ставила ситечко поочередно на каждый стакан и наливала из подойника парное молоко. После этого шли завтракать. Отец никогда не садился за стол один и не терпел, чтобы кто-то опаздывал.

После завтрака отец ежедневно давал «разнарядку»: Гале – выполоть морковь у колодца, Лизе – у забора, Васе полить капусту и огурцы (сегодня жарко – по два ковшика в лунку), Ляле – вымыть полы и так далее.

Обедать отец приходил домой и снова раздавал задания. «Пойдете с бабушкой в калтус (так назывался болотистый участок с низким кустарником и полянами), нарвете и высушите травы. Вечером я к вам приеду».

Траву рвали руками, каждый – в свою кучку, где она должна сушиться. У каждого была норма. Бабушка жала траву серпом и поглядывала за нами. У кого было меньше, она незаметно добавляла.

Вечером приходил отец. Он вез тележку на железных колесах, которые глубоко врезались в пыльную дорогу. Нас донимали комары, жарко пекло солнце. В калтусе между кочками стояла студеная вода, мы ополаскивали лицо, но пить эту воду нам не разрешалось.

Отец начинал набивать мешки. Мы внимательно следили за ним: а вдруг у меня неполный мешок, подумают, что я лентяйка – позор! Отец хвалил лучших, затем впрягался в тележку «коренником», мы с бабушкой – с боков (Галя со своими отбитыми почками тяжелую работу выполнять не могла), остальные толкали тележку сзади. Мама оставалась дома, готовила ужин.

Во дворе мы быстро, карабкаясь вверх, как обезьянки, разбрасывали недосушенную траву по крышам дома, стаяк, сеновала и шли ужинать.

После ужина предстояло на этой же тележке привезти выловленные из Ангары бревна. Шли их ловить папа, мама, Галя, я и Вася. Папа с лодки цеплял бревно багром, а мы гребли к бе-

регу, бревно выкатывали на берег для сушки. Уже подсохшее распиливали на несколько чурбаков, взваливали на тележку и везли домой. Дорога от Ангары шла в очень крутую гору, и после подъема мы отдыхали.

Рабочий день на этом не кончался. Возвратившись, мы с Галей поливали огород, а папа с Васей распиливали и кололи привезенные чурбаки на поленья. Дров всегда заготавливали на зиму много, две поленицы тянулись вдоль всего забора, хватало на всю зиму. Сеном тоже обеспечивали скотину вдоволь, а она нас кормила мясом, молоком, куры яйцами. Огород снабжал овощами.

Мы жили в самом центре Усолья. Когда темнело, в парке и на местном курорте «Усолье» на танцплощадках громко играл оркестр, и нам иногда удавалось, сполоснув лицо в ведре с водой, а ноги в бочке, натянуть тапочки и успеть к концу танцев.

Когда мы летом возвращались домой, на терраске стоял таз с водой, в котором мы мыли ноги, ведь дети, как правило, с утра до вечера ходили босиком. Обувь нам шил отец, летом – тапочки, а зимой унты и валенки. Обувь обычно оставлялась у порога. Отец регулярно осматривал каждую пару и если видел, что подошва валенка истончилась, тут же садился за работу – брал дратву, иглу и шило, вырезал из голенища старого валенка кусок и подшивал новую подошву. Валенки потом носились долго, переходя от старших детей к младшим.

Любимым местом отдыха в огороде летом у нас, детей, был колодец. Здесь прямо над колодцем рос огромный тенистый тополь. Рядом стояли бочки с водой. Вокруг у стен стояли лавочки, и все было усажено цветами. В жаркую погоду здесь было прохладно, красиво и радостно. Летом на лёд колодца выставляли ведра с продуктами.

Когда мы стали постарше, отец построил для нас во дворе маленький домик – одна его стена примыкала к дому, вторая – к забору, две другие и крыша были из досок. Там поместились большая кровать, маленький столик и полки для книг. Небольшое окно пропускало достаточно света. Здесь в жаркие дни можно было отдохнуть.

Отец при любой возможности внушал нам: «Труд – это главное. Но надо трудиться так, чтобы он доставлял удовольствие».

тебе и радость окружающим. Всегда помогайте бедным и обездоленным».

Мы очень дорожили мнением отца, его отношением. Помню такой случай. Однажды перед Пасхой по Усолюю прошел слух, что в магазин привезут омуль. Народ начал занимать очередь, считаться, номер очереди записывали химическим карандашом на ладони. Продавать начали вечером. Из большой бочки брали по пять штук и взвешивали. Папа подошел к нам, первую порцию хороших крупных омулей отдал мне и сказал: «Неси домой, пусть мама пожарит». Мне было 7 лет. Я побежала бегом, и только зашла за угол, меня окликнула какая-то женщина: «Лиза, подожди». Я остановилась. Она говорит: «Папа велел мне забрать омули и отнести домой, а ты поиграй на улице». Я тут же протянула ей сверток. Отец пришел с работы поздно, но радостный: «Ну, угощай омулем». Мама удивилась: «Каким омулем?» «А что, Лиза не принесла?» Узнав, в чем дело, отец не сказал мне ни слова, но несколько дней даже не смотрел в мою сторону. Это было высшим наказанием.

Отец страдал от того, что не имел возможности получить хорошее образование. Он считал, что главные специальности, всегда нужные людям, – это врач, портной, парикмахер, ветеринар, поэтому главной его мечтой было выучить нас. Для этого он работал, не зная отдыха, всегда не менее чем в трех местах. Одним из этих должностей была должность завхоза в «Усольторге». Хозяйство там было большое. В огромном дворе всегда стояло много телег, кошевок, конюшня с лошадыми-тяжеловозами, какие-то аппараты. Легковая машина была одна, да и то освобождалась лишь в конце рабочего дня. Отец здесь же исполнял обязанности экспедитора и заготовителя. Когда в торге заканчивались мясные продукты, ему вручали большую пачку денег. Он укладывал их в старый с заплатами мешок, одевался так, что походил на простого деревенского мужика, у которого не может быть никаких денег, брал продукты на дорогу и ездил по деревням закупать скот – коров и лошадей. Воры тогда шныряли по поездкам и дорогам, но никто не мог заподозрить в нем человека с деньгами. В Улан-Удэ, Олонках и других населенных пунктах он закупал скот у частных лиц и в колхозах,

нанимал пастухов, и они гнали огромное стадо в Усолье. Был у него и казенный пистолет, который, мы знали, лежит в большой мохнатой рукавице под матрацем, но в командировки с собой он никогда его не брал и вообще ни разу им не воспользовался.

Иногда он брал нас с собою в поездки за молочными продуктами. Помню жаркий день. Мы, трое ребятишек, сидим на телеге, везем несколько бидонов со сметаной. От жары сметана начала выплывать из-под крышек, пришлось ее отчерпывать в ведра. Остановились под огромными деревьями близ Ангары. Достали хлеб и стали есть со сметаной. Кругом цветы, птицы поют, небо голубое-голубое. Побродили по берегу, побросали камешки в воду, окунулись в речку и поехали дальше. Всю дорогу отец рассказывал что-нибудь интересное. Эти беседы, всегда пересыпанные пословицами и мудрыми народными поговорками, остались в памяти на всю жизнь.

Мама вела домашнее хозяйство. Три раза в месяц в доме происходила большая стирка. Белье у нас всегда было белоснежное, подкрахмаленное. С вечера мама его замачивала, рано утром выставляла на плиту два больших бака с водой. Когда вода нагревалась, ее выливали в ванну, баки заливали новой, и начиналась стирка. Мама терла на стиральной доске каждую простыню и наволочку и тут же бросала в бак – кипятить, это называлось парить. Стирка на стиральной доске – тяжелое дело. Мама говорила:

– Корыто у меня всегда богатое. С одного человека по рубашке – уже девять.

– Зачем же ты каждый раз паришь? – спрашивал папа.

– Чтобы не расхолаживаться.

Выпаренное белье опять отстирывали, закладывали в корзины и зимой – на санках, а летом на плечах несли полоскать на Ангару. Тут помогали мы с Галей. Летом стоять на мостках босиком и полоскать в чистой ангарской воде белье было удовольствием. Зимой полоскали в проруби. Часть белья в доме крахмалили и вывешивали во дворе. Замороженное белье приносили домой и выкладывали на пол – оно приятно пахло розной свежестью. Летом по мере высыхания тут же гладили.

Утюги у нас были паровые. Горящие угли закладывали в утюг и постоянно добавляли холодные, которые заранее выгребали кочергой из печки и остужали – специально для утюгов и самовара. Чтобы утюг накалялся быстрее, им сильно размахивали в воздухе. Эту работу выполняли мы с Галей.

Перед праздником в доме тщательно, со скипидаром промывали все углы, мылись окна, стекла отмывали с зубным порошком, а потом протирали до блеска мятой бумагой.

С вечера мама завила тесто. Стряпала она лучше всех на нашей улице, булки были пышные, душистые, удивительно вкусные.

Рано утром, пока все еще спали, она развешивала шторы на окна, открахмаленные, белые, как лебеди. На верхних шторках в середине прикалывался искусственный цветок, в каждой комнате своего цвета. Развешивая шторы, мама всегда пела. Голос у нее был нежный, красивый, но песни всегда грустные:

*Пропою я вам песню новую,
Этот случай был в прошлом году,
Как на кладбище митрофановском
Отец дочку зарезал свою...*

Мы лежали в своих кроватях и, затаившись, слушали.

Затем расстилались половики, чистые, свежие. Мне до сих пор кажется, что это значительно уютнее и красивее, чем ковры. Половики ткала бабушка из дранок, она же прядла пряжу на носки и варежки.

Помню нашу зыбку, в которой лежали наши маленькие, в ней в свое время качали и меня. Это было сооружение из четырех палок, связанных по углам так, чтобы получился квадрат. На палки пришивали ткань, чаще мешковину, получался мешок, в который клали младенца. От углов шли веревки, которые соединялись вверху и привязывались к проволочной пружине, прикрепленной к потолку. От зыбки вниз спускалась петля. Бабушка садилась за прядку, и ногой, вдетой в петлю, качала зыбку – делала двойную работу.

В доме чисто, тепло, уютно. Вкусно пахнет. Это мама печет в русской печке ватрушки, большие пироги с капустой, рыбой, брусничкой. С вечера варится студень, готовятся другие закуски.

Тортов тогда не стряпали, о их существовании я узнала после войны, когда стали приезжать с запада, с фронта отслужившие в армии мужчины и женщины.

Наша бабушка была очень верующей, мы рано узнали молитвы «Отче наш», «Пресвятая Богородица» и другие. Маленькая я часто ходила с бабушкой в церковь. Усольский Спасский храм, расположенный в центре Усолья, был очень красив: огорожен белой оградой, снизу выложен кирпичом, а сверху украшен изумительной металлической вязью. Двор церкви покрыт ярко-зеленой травой, кое-где росли редкие деревца. Церковь торжественно впускала нас в свой просторный и прохладный приход. Пол здесь был выложен плиткой с красивыми узорами. Здесь крестили всех детей нашей семьи.

Спасская церковь в Усолье в 30-е годы

Это была последняя церковь, построенная до революции. Первая, деревянная, появилась в Усолье, на острове, в 1795 году и принадлежала солеваренному заводу. Она простояла 45 лет и сгорела. Потом церкви строились и ремонтировались, но их ожидала та же участь – гибель при пожаре.

В 1878 году началось строительство каменного храма. Еще через десять лет стали строить каменную колокольню. В 1896 году на эту колокольню подняли большой колокол весом в 204 пуда, подаренный иркутским мещанином Федором Пономаревым.

Иконостас старого храма

Храм простоял благополучно до 1935 года. Но летом этого года власти спохватились и решили закрыть церковь. Специально созданная техническая комиссия объявила ее состояние аварийным. Были обнаружены множественные трещины в стенах здания и на паперти. Две огромные трещины вертикально прошли через двухметровую толщу стен колокольни.

Трещины обнаружили в сводах и арках церкви. Комиссия объявила, что зданию грозит обрушение и это может повлечь за собой человеческие жертвы. Храм решено было снести, а богослужение перенести в Тельминскую церковь. Вскоре от церкви практически ничего не осталось. Сохранились лишь фрагменты каменной ограды да остатки фундамента.

Но в 1998 году восстановили ограду, и теперь на этом месте возвышается новая прекрасная церковь не хуже прежней...

А тогда бабушка, узнав о закрытии храма, горько плакала, и мы пошли попроситься с церковью. Кто-то из местных жителей забрался на колокольню, чтобы сбросить крест. Но не удержался на высоте, полетел вниз, погиб сразу. Никто ему не сочувствовал. Работа по разрушению церкви на некоторое время остановилась, но потом храм разобрали буквально по кирпичику. Красивая ограда еще долго стояла нетронутой, а в домике для obsługi открыли детскую библиотеку.

Церковные праздники были запрещены. Но рождество, пасху, троицу и другие большие престольные даты отмечались в поселке наравне с революционными. Бывало, что пасха совпала с Первомаем. Площадь с трибуной находилась рядом с церковью. И можно было видеть, как одновременно пожилые люди шли в церковь, а молодежь – на демонстрацию.

Пасха мне запомнилась всегда теплой, солнечной. Бабушка с вечера уходила в церковь и возвращалась утром одухотворенная, тихая, раздавала нам просвирки. Двор был чисто выметен, раннее солнце ярко светило, и было тепло и радостно на душе. Все выходили во двор, чтобы не шуметь в доме, дать бабушке поспать.

К празднику маме иногда удавалось справиться нам с Галей одинаковые ситцевые платица, а отец шил нам новые кожаные тапочки.

Отец вообще старался украшать наш быт доступными ему средствами. Он быстро ориентировался во всем новом. Новые «умные» игрушки появлялись у нас первых. Лет до семи мое детство проходило при керосиновой лампе, но мы были одними из первых в нашем Усолье, кому в дом провели электричество. Бабушка смотрела на лампочку настороженно, с недоверием и ужасом. В то время появилось стихотворение Маршака:

*Познакомилась в столовой
Я сегодня с лампой новой.
Говорят, что будто в ней
Пятьдесят горит свечей...*

и так далее, там электрическая лампочка спорит с керосиновой лампой о том, что ярче светит.

Через несколько лет нам поставили, тоже одним из первых, черную тарелку радио. Это еще больше напугало бабушку.

«Бесовщина», – сказала она, очень расстроенная такими переворотами в ее жизни.

Отец хорошо пел, играл на гармошке, у мамы тоже был хороший голос. Они дуэтом пели русские сибирские песни. Все в доме научились играть на различных музыкальных инструментах: мандолине, гитаре, балалайке, детском пианино. Часто, когда вся семья собиралась вместе, создавалось впечатление, что в доме праздник, играет оркестр. Всей семьей по вечерам мы играли в лото, шашки, домино, читали вслух книги.

К началу зимы, с первыми заморозками, тоже всей семьей, лепили пельмени на зиму. Папа прокручивал через мясорубку мясо, готовил фарш, мама раскатывала сочни, а мы, ребятишки, лепили пельмени. Потом выносили их на противнях в сени, замораживали и ссыпали в мешочки, которые подвешивали к потолку в холодной кладовке. Зимой снимали и варили. В сенях стояли бочки соленых огурцов, капусты, брусники. На окнах и в коробках – помидоры. Подполье заполнялось картошкой – мы выкапывали ее по сто мешков.

В начале июня всей семьей выходили в поле. Папа и мама копали землю, а мы бросали картошины в лунки. В июле начиналась прополка. Мама распределяла работу так: себе брала для прополки семь рядков, Гале и мне – по четыре, Васе и Ляле – по два. В августе тяпали и огребали в таком же порядке. В середине сентября так же дружно выходили копать. Родители подкапывали, а мы собирали. Было весело, даже празднично: яркое солнце, теплая земля, опадающий желтый лист и зеленый хвойный лес вокруг.

Вечером папа приводил лошадь, запряженную в телегу, и грузил мешки. Потом в течение нескольких дней картошку сушили, перебирали на брезенте, наконец высыпали в подполье. Там же, в подполье, хранились в отдельном углу морковь и свекла.

Праздники в нашем доме пусть небогато, но отмечались все. К дню рождения каждого пекся пирог. Именинника продолжали поздравлять до тех пор, пока не съедались пирог и другаястряпня.

Новый год был особым праздником. Игрушек на елку не продавали, поэтому заранее красили вату, собирали «золотинки» от конфет, делали звездочки, бумажные цепи, мишуру. Из крашеной ваты скручивали морковь, яблоки и другие овощи и фрукты. Вырезали из бумаги Снегурочек и Дедов Морозов. Покупали немного дорогих конфет, в фантики заворачивали кусочки аккуратно нарезанного хлеба и вперемешку с настоящими конфетами вывешивали на елку. Покупали набор маленьких свечей и укрепляли их на ветках. В Новый год зажигали свечи, и каждая игрушка казалась особенно красивой, так как делалась своими руками. Елка стояла до старого Нового года, потом фрукты и конфеты съедались, игрушки бережно укладывались в коробки до следующего Нового года.

Летом по воскресеньям мы всей семьей выезжали на Спасский остров – это издавна было любимое место отдыха усольчан. Через первую протоку был перекинут мост, соединяющий Усолье с сользаводом. Здесь стояла Спасская церковь, которая и дала название острову. Поселение вокруг сользавода называлось Спасской слободой. В конце XVIII века администрация солеваренного завода распорядилась о переносе служебных и жилых помещений на материковый, левый берег, где сейчас расположен город Усолье-Сибирское.

Остров представлял собой великолепное зрелище: вековой сосновый бор с участками ельника, осинника, поляны среди берез, разнотравье, запахи цветов. Весной он разливается малиновым половодьем багульника, летом морем цветов – жарки, колокольчики, кукушкины сапожки. Воздух настоян на запахе хвоя и трав. Музыка, нарядно одетые люди.

Зимой мы ходили там на лыжах. Мальчики ставили капканы на зайцев.

К месту отдыха жители попадали через две протоки. Сначала через мост к сользаводу, а через вторую протоку отдыхающих перевозил не очень большой паром – плашкоут, который был открыт в 1863 году. На него входило три лошади с телегами и пятьдесят-шестьдесят человек. Обычно его старались не перегружать. Однажды все-таки перегрузили, он оторвался от крепи, люди, спасаясь, бросились вплавь к берегу, многие утонули.

Родители рассказывали и о другом трагическом случае, связанном с переправой, который произошел в 1916 году. В престольный праздник Петра и Павла на остров, как обычно, съехалось много народу. Погода была прекрасная, но к вечеру небо стало хмуриться, посыпал мелкий дождь, а потом разразилась страшная буря. Народ побежал к пристани. Первая партия уже переправилась на левый берег, но паром еще не отошел в обратный рейс. Между тем на пристани собралась в ожидании переправы огромная толпа. Часть людей сначала, прячась от непогоды, вернулась в глубь острова, чтобы укрыться в беседках и павильонах. Но, увидев, что паром отчалил от левого берега, люди снова бросились на пристань, тесня и отталкивая друг друга, чтобы попасть на плашкоут в числе первых. Пристань не выдержала напора такого количества людей. Раздался страшный треск, и подвижная часть пристани, находившаяся на воде, откололась и рухнула. Все, кто стоял на ней, мгновенно оказались в холодной ангарской воде. Глубина здесь была более трех метров, и люди стали тонуть. В воду упало человек 150–200. С оставшихся подмоштов людей спасали с помощью гамаков, веревок и даже удилиц. С парома, который уже подходил к острову, стали кидать спасательные круги. Удалось вытащить из воды 60 человек. Спасенных закутывали во что могли и отправляли в ближайшие на острове деревни Михалево, Жилкино, Угольная. Погибло 46 человек, в их числе 18 детей и подростков и 28 взрослых.

Спасский остров еще долго оставался любимым местом массового отдыха усольчан. Позже остров стал называться Красным. Сюда по праздникам и выходным стекалось чуть ли не все население города. В 20–30-е годы, обычно в Петров день, добровольная пожарная дружина отмечала свой праздник. Здесь проходили все спортивные соревнования: футбол, волейбол, легкая атлетика, игры в лапту. До позднего вечера играл духовой оркестр. В праздничные дни выступали самодеятельные коллективы, приезжали артисты с концертной программой, отдыхающие с курорта «Ангара» из Иркутска. Работали буфеты, танцплощадка. Широкая аллея со скамейками по обе стороны вела к третьей протоке, где на берегу всегда было много народу.

Красный остров, 40-е годы

Мы, тогда школьники, после окончания учебного года всем классом приходили сюда на отдых, который всегда начинался с лодочной прогулки по Ангаре.

В 1946 году, уже студенткой, в зимние каникулы, приехав домой, я решила, как бывало, пройти по аллеям острова на лыжах. Никого из одноклассников в городе не было, и я пошла одна. Пробежала половину дороги, не встретив ни одной живой души. Вдруг мне показалось, что дорогу перебежала крупная собака. Или волк? Не помню, как я летела назад. К сользаводу примчалась вся мокрая. Сбросила лыжи, ворвалась в служебное помещение. Находящиеся там женщины испугались моего измученного вида, потом успокоили: «Да, волки появились, но на людей не нападают».

Три года назад я приехала в Усолье погостить к своей младшей сестре Людмиле. Мне непременно захотелось побывать на острове, и я уговорила ее взрослых детей прогуляться к дорогому моему сердцу месту. Миша, Коля и Максим согласились меня сопровождать. Красный остров встретил нас таким запустением, что не верилось, что когда-то здесь царили веселье и благодать.

От широкой аллеи, которая называлась Большой, осталась лишь тропинка, поросшая травой. Такие же заросшие травой и мелким кустарником спортплощадки. Ни одного павильона, ни одной беседки или скамейки. Мы не встретили ни одного человека.

Помню и школу, и класс

*Помню наш маленький город,
Помню и школу, и класс,
Старые парты, рваные карты...
Жизнь, разлучившую нас.*

Моя старшая сестра Галя поступила в первый класс общей школы в 1930 году, когда ей исполнилось 8 лет. В это время в Усолье было несколько маленьких школ – школа № 6 на Полевой улице, школа № 2 на нынешней улице Ленина и школа «Опорка» на территории курорта.

Новая двухэтажная школа № 1 по улице Ленина, которую мы потом заканчивали, была самой большой, в ее дворе стояло одноэтажное здание прежней школы. Кроме того, во дворе стояло еще одно отдельное здание, где располагались кабинеты физики и химии, и три деревянных дома, где в маленьких комнатушках ютились учителя.

В конце 1937 года в том же школьном дворе было построено еще одно здание для учителей. За школой был огромный стадион, там проводились занятия физкультурой и все спортивные состязания.

Мне тоже очень хотелось учиться, я постоянно заглядывала в Галины тетради и учебники, мешая ей делать уроки. Зато быстро запомнила все буквы и цифры. И когда через год пошла в первый класс, уже знала весь материал и стала отличницей.

Родители наши были очень заняты, и учились мы самостоятельно. При этом домашние дела были на первом месте, а учеба – праздник мозга. Учиться нам нравилось. В младших классах, кроме предметных уроков, с нами вели занятия по БГСО (будь готов к санитарной обороне) и БГТО (будь готов к труду и обороне). Дежурные санитары ежедневно осматривали у одноклассников ногти, уши, воротнички, не грязные ли, учили правильно чистить зубы. В старших классах сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне) по бегу, прыжкам, учились обращаться с оружием, находящимся на вооружении в нашей армии. После сдачи норм нам вручали красные значки, которыми мы гордились. Старшеклассники, сдавая эти нормы, должны были уметь делать перевязку, собирать и разбирать оружие, водить машину. Когда началась война, эти знания пригодились нашим ребятам, отправленным на фронт в составе Сибирской дивизии. К несчастью, далеко не все они возвратились назад...

Конечно, все мы были октябрятами и пионерами, а потом комсомольцами. В 6 классе я стала вожатой у первоклассников и вела этот класс, пока не окончила школу. Летом большинство школьников выезжало в пионерские лагеря. Путевка в лагерь стоила 3 рубля. Удобств было мало. Располагались обычно в школах. Каждому нужно было приготовить спальное

место. Для этого делались топчаны – брали 12-16 кирпичей, на них укладывали деревянные щиты, матрасовки, набитые соломой, так же устраивали и подушки, набивая сеном наволочки. Импровизированные кровати расставлялись в классах или спортзале, человек на 50. Утром зарядка, завтрак, дежурили сами пионеры. Ребята из лагеря часто привлекали к работе по прополке овощей в ближайший колхоз, за работу угощали молоком, сметаной, творогом.

Но не будем забегать вперед, вернемся к началу моей школьной жизни.

Наша первая, начальная школа была временной и располагалась в одном из помещений курорта «Усолье» на берегу Ангары. Дети были одеты бедно, девочки ходили в широких, длинных платьях, волосы обязательно заплетались в косички. Я сидела за первой партой на правах первой ученицы. Однажды в середине учебного года в класс пришла новенькая, очень не похожая на всех нас. Она была одета в коротенькое платьице-матроску, на ножках – белые туфельки, в коротких волосах огромный белый бант. Девочку посадили за мою парту. Я с восторгом на нее смотрела: какая хорошенькая, вся какая-то игрушечная, как куколка. На первом же уроке Маня Морозова, так звали новенькую, начала вскакивать, пытаясь ответить на все вопросы, которые задавала наша учительница Екатерина Тимофеевна.

– Я знаю, я знаю, – твердила она.

Раньше, когда никто не мог ответить на вопрос учительницы, она обращалась ко мне:

– Ну расскажи нам, Лиза.

При этом руку я не тянула и с места не вскакивала.

Теперь мне хотелось походить на Маню, но я делала вид, что она меня не интересует. На третий день своего появления в классе она, опережая учительницу, начала что-то рассказывать. Мальчишки на нее рассердились и решили проучить. Дали ей прозвище «Мороз-красный нос» и пригрозили, что устроят ей «темную» после уроков. Подходит конец занятиям. Я ей шепчу: «Маня, не уходи из класса. Я принесу тебе пальто, мы выскочим в окно и убежим». Маня возмутилась и громко,

на весь класс заявила: «Я не хочу этого делать, я скажу учительнице». Я почти силой вытолкала ее в окошко и вылезла вслед за ней. Мы выскочили на футбольное поле, пересекли его и оказались в нашем огороде. Я спросила, где она живет. Она уже начала понимать, в чем дело, и сказала:

– Я не знаю адреса, меня всегда на бричке привозят, но най-ти, наверно, смогу. Это новый дом, крыльцо выходит на улицу.

В старом поселке, где все всё знают друг о друге, известно и о том, где строится новый дом. Я повела одноклассницу на улицу Полевуя, там жила наша бабушка по матери, она и показала нам этот новый дом.

Большинство жителей нашего поселка жили примерно одинаково. Обстановка Маниной квартиры меня поразила. В прихожей стояла красивая вешалка для детей и взрослых, на полу лежал большой красивый ковер, стоял диван. На кухне нас встретила ее мама, очень милая и ласковая женщина. «Что случилось?» – спросила она. Маня ничего не могла объяснить, не понимала, за что ее хотят побить. Прасковья Захаровна спросила меня:

– Это что, у вас так знакомятся? Завтра я пойду в школу.

– Не надо, – сказала я. – Я сама поговорю с мальчишками. А Маня пусть не выскакивает каждый раз, ведь всем охота отвечать.

Тетя Паша со мной согласилась, а с Маней с этого дня мы стали подругами на всю жизнь (и дружили более семидесяти лет). Нежные отношения сохранились у нас навсегда и с тетей Пашей.

Прасковья Захаровна усадила нас за стол. На плите стоял большой красивый, до блеска начищенный медный чайник. Тарелки были тоже красивые, суп очень вкусный. На котлеты с картошкой у меня уже не было сил, но я съела половину, чтобы не обидеть тетю Пашу.

Потом мы перешли в большую комнату. Здесь посередине стоял большой круглый стол, покрытый бархатной скатертью с блестящими зелеными кистями. Красивую вазу в центре стола окружал рисунок на скатерти в виде венка из бархатных роз. Бархатный диван и такие же два кресла – такую красоту

я видела впервые. В маленькой комнате стояли кровать и небольшой письменный столик. На этой кровати мы часто потом спали с Маней, когда нам не хотелось расставаться и я оставалась у них ночевать. Рядом находилась комната ее братьев: старшего, Вани, и младшего, Коли. Через кухню была спальня родителей.

Иван Леонтьевич, отец Мани, был направлен к нам из Москвы начальником 16-ой стройки (химкомбината или, как его тогда называли, завода № 97). Семья их прожила в Усолье 10 лет. А в начале войны, в 1942 году Иван Леонтьевич был отозван в Москву. Дружба наша с Маней и потом не ослабла: то Маня приезжала ко мне в Иркутск, то я наездом бывала у них в Москве. Накануне своего восьмидесятилетия Манечка получила в Москве новую квартиру, поехала ее оформлять и погибла в автокатастрофе. Светлая ей память.

Учились мы с ней одинаково хорошо, но я отдавала пальму первенства ей. Я была лучшей по литературе и русскому языку, она – по химии и физике.

Все десять лет мы просидели с ней за одной партой. Она была девочкой с гонорком. Бывало, никто в классе не может решить задачу, и она сознавалась мне, что да, мол, трудно решается. Но придя в класс, бойко выходила к доске и говорила: «Задача? Пара пустяков!» и красиво расписывала решение на доске.

Перед войной, в конце тридцатых годов, жилось очень трудно. Папа ушел сначала на финскую войну, потом воевал на Халкин-Голе. Заболела мама, бабушка была совсем старенькая. С хлебом были проблемы. Да и денег не стало дома. На нашей улице был хлебный магазин. В ожидании привоза занимали очередь, пересчитывались два-три дня. Но в день поступления хлеба у магазина вдруг появлялись большие, крепкие парни, буквально по головам людей вваливались в магазин, скупали почти весь хлеб, так что остальным часто ничего не оставалось. А здесь стояли люди не только местные, приезжали из соседних деревень, где было еще труднее. У многих здесь не было родных или знакомых, и они ночевали прямо на тротуарах. Стояла жара, хотелось пить, а напитков, даже просто воды, поблизости не было. Мы с Галей и девчонками с на-

шей улицы стали носить по полведра на коромысле с Ангары и поить очередников. Но кто-то утащил два стакана, которые мы принесли из дома, чтобы поить людей. Это была заметная утрата – посуды было купить негде, да и денег не было. Тогда какая-то женщина встала рядом с нами и объявила: «Вода чистая, ангарская, по копейке за стакан!» Кто-то в очереди возмутился, но многие стали платить по копейке и даже по две, благодарили нас и просили еще приносить воду. Стало набираться даже на хлеб, молоко дома было, так мы и выживали. Отец был на фронте.

В шестом классе я устроилась работать в Дом колхозника, так тогда называлась простенькая дешевая гостиница для приезжих селян. Ежедневно к завтраку я обязана была вскипятить самовар, выскоблить стол и вымыть пол в комнате для приема пищи. С работой я справлялась, но мыть заплесанный некрашенный пол было очень неприятно. Постояльцы не отличались особой культурой и чистоплотностью, мужчины курили и бросали окурки, плевали на пол. Мыть требовалось голиком (старым березовым веником) и шоркать песком до желтизны. Это была трудная работа. Зато крестьяне иногда угощали меня вареными яйцами или картошкой, привезенной из дома.

Однажды неожиданно, без предупреждения, из армии домой приехал папа. Ему сказали, что я на работе. Он тотчас же прибежал за мной. Никогда не забуду выражение его лица, когда он увидел меня, наливающую в самовар воду. Я едва дотягивалась до горла высокого огромного самовара, стоя с ведром на цыпочках. Мне стоило больших усилий удержать ведро и не опрокинуть его на себя. На лице у папы отразилось такое страдание, такая боль и чувство вины! Он отобрал у меня ведро, долил самовар, подбросил в него углей, взял меня за руку: «Пойдем, доченька, домой». Это был один из самых счастливых дней моего детства.

В том же году женщины и мужчины с отцовской работы собрались на сбор черники и голубицы. Одни взрослые. Я напросилась поехать с ними. Ехали весело на подводах, пели и шутили, порой грубо, не обращая внимания на мое присутствие. К месту приехали к ночи. Глубоко в тайге оказалась маленькая

избушка, похожая на сказочный домик Бабы Яги. Разожгли костер, выложили продукты. Я взяла с собой совсем немного и быстро съела все. А есть по-прежнему хотелось, но никто ничего мне не предложил. Я свернулась клубочком на телеге, но тут на меня напали комары, и я пошла к костру. Мужчины и женщины между тем напились, начались непристойности. Мне стало страшно и одиноко в темном ночном лесу. Всю ночь я так и просидела на телеге, не уснув. Утром пошли собирать ягоды. Кусты утопали в грязной и холодной воде и были уже обобраны. От них поднимались тучей большие черные мухи. Я расчесала до крови руки и ноги. Наконец подошла к старшей и сказала: «Я поеду домой». «Что ты девочка, – удивилась та. – Мы уехали далеко. Там санно-лыжный завод, где живут разбойники, это их тюрьма, а кругом медведи. Впрочем, как хочешь». Я спросила дорогу. «А вот иди по просеке, никуда не сворачивай, увидишь медведя, маши палкой и громко кричи, а чтобы разбойники не тронули, распусти волосы и кричи, подумают, что сумасшедшая». Все 20 километров я пробежала бегом с распущенными волосами, махая палкой. К вечеру была дома – грязная, искусанная, жалкая. И даже заболела.

В старших классах у нас образовалась своя компания: мы с Маней и семеро мальчиков. Мы всюду появлялись вместе. После войны из наших мальчиков уцелели лишь двое: Ваня Токмаков и Кеша Логвиненко.

В школе у нас был оркестр, большой хор и ансамбль. Моя подруга была солисткой с колоратурным сопрано. Я играла в оркестре на мандолине, читала собственные стихи, выступала как конферансье. Вообще разных кружков по интересам в школе работало много, и о какой-то оплате за занятия в них не могло быть и речи. Мы были постоянно заняты чем-то интересным, про наркотики или пьянство среди молодежи тогда не слыхивали.

В старших классах у сестры Галины появился молодой человек. Друга ее звали Спартак Зенченко. Закон в доме был строгий: дети должны были быть дома не позже 11 часов вечера. Зимой Галя со Спартаком иногда решали возле дома задачи, на снегу были расписаны целые страницы из учебника. В

мои обязанности входило строго следить за часами-ходиками. Если минутная стрелка подходила к 10 часам 45 минутам, надо было срочно переводить стрелку на час назад. Когда Галя стучала в окно, мама соскакивала и бежала сначала к часам, а потом открывала дверь. Летом я оставляла открытым окно. Мама, устав от работы по хозяйству, крепко засыпала. Однажды я забыла перевести стрелку часов в обратное положение, и все проспали бы, но главный наш будильник – петух прокричал вовремя, и я успела исправить свою оплошность.

После окончания девятого класса мы поплыли на трех лодках по Ангаре. Против течения наши ребята тащили лодки на веревках, как репинские бурлаки. «Открывали» острова, оставляя дощечки с надписями «Остров Святой Марии», «Остров Святой Елизаветы», «Остров Святого Петра» и так далее. На одном из островов заночевали, до полуночи пели у костра. Утром мы с Маней решили искупаться, пока мальчишки спят. В качестве надсмотрщика к нам была приставлена моя Галя. Маня плавала плохо, я немного получше. Маня поплыла, но в месте, где Ангара сливается с Иркутом, образовалась воронка, и Маню стало затягивать. Я бросилась на помощь, и мы вместе стали тонуть. Маня громко кричала. Галя и мальчишки вытащили нас на берег, как они потом неоднократно повторяли, полумертвых. После этого случая Маня стала бояться воды, и когда мы, уже взрослые, отдыхали на юге у моря, она очень осторожно плавала у берега.

Утром к нашему островному лагерю подошли колхозницы, они пололи пшеницу, давно не были дома и стали спрашивать, какие новости на материке. Кеша Лигвиненко решил пошутить: «Да все хорошо, только Америка на Японию напала и к нам подбирается». Женщины перепугались и стали собираться домой, мы так и не смогли их убедить, что это шутка.

А когда приплыли назад, город был какой-то тихий, затившийся, у черных тарелок-репродукторов толпились люди. И голос Молотова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами». Началась Великая Отечественная война.

Годы испытаний

В течение первой же недели войны нашим старшеклассникам вручили повестки, в армию были мобилизованы почти 80 % мальчиков и девочек из 10-х классов. У моей подруги Маши было два брата: восемнадцатилетний Ваня и четырнадцатилетний Николай. Маша расплакалась: «Ваню возьмут на фронт».

Из трех девятих классов в школе осталось два, а десятый набрался только один. Так и заканчивали школу одним десятым классом. В школе стало непривычно тихо, неуютно. Молодые учителя ушли на фронт, и мы, старшеклассники, часто замещали педагогов в младших классах.

Готовились к первому военному, 1942-му, Новому году. Нужно было съездить в лес за елкой. В школе была старая истощенная лошадь, кобыла Маргаритка. Мы с ребятами запрягли Маргаритку и поехали в лес. Тощая, слабая лошадь едва передвигала ноги. Выбрали елку, правда, не очень высокую и пышную, и уложили в сани. Начали понукать Маргаритку, а она не может выбраться из сугроба даже на шаг. Тогда двое ребят стали сами переставлять ей ноги, сначала по одной передней, потом так же задние, а мы толкали сзади сани. Впереди один из мальчиков держал перед мордой лошади охапку сена, и Маргаритка двигалась за ним. Так к вечеру добрались до школы.

Город (перед войной Усолье получил статус порода) перешел на новый ритм жизни, которая была подчинена лозунгу: «Все для фронта, все для победы!» Усолье было глубоким тылом, и сюда начали поступать больные с тяжелыми осложнениями после ранений. Старейшая здравница «Усолье» приступила к переоборудованию своих корпусов под госпиталь. Здесь провели ремонт, оборудовали санпропускники, больничные палаты, операционные, перевязочные, лаборатории, даже спортивный зал и зал лечебной физкультуры, словом, все, что необходимо для восстановления здоровья раненых. К началу сентября сорок первого года, то есть за два с половиной месяца после начала войны, было подготовлено 1000 коек для приема фронтовиков. Кроме того, прием раненых был организован в школах № 7, 4 и 1.

Курорт «Усолье» до войны

Госпиталь на курорте возглавил его главный врач, майор медицинской службы Алексей Флорентьевич Васильев. За короткое время он сумел переодеть в военную форму всех 45 врачей, работников курорта и средний медперсонал.

Первый санитарный поезд прибыл в Усолье 8 октября 1941 года. Встречать его вышел весь город и мы, школьники. Эшелон разгружался на железнодорожной ветке. Медсестры, санитарки да и все население Усоля принимали раненых очень ласково и бережно. Беспомощных, усталых, бледных, их доставляли в госпиталь на машинах сользавода, хромзавода, личном транспорте жителей. Школьники грузили неходячих больных на санки. Впоследствии специально оборудовали несколько машин, в которые поместили печки-буржуйки и керосиновые лампы. В такую машину входило до 15 носилок. Потом приступали к оказанию помощи раненым. Снимали старые бинты, распиливали гипсовые повязки, под которыми гноились раны и даже завелись насекомые. Мыть раненых в ваннах мы стеснялись. Носили их из ванн на носилках в палаты, стелили постели, кормили с ложки тех, кто не владел руками. Мыли полы, стирали бинты, добывали мох, который использовался вместо ваты. Лейкопластырь готовили сами: растирали живицу в спирте или эфире.

С питанием было трудно. Госпиталю выделили 20 гектаров земли, обрабатывали ее медики, подсобные работники. Бойцы заготавливали дрова.

А летом учащиеся и работники госпиталя выходили на сбор ягод шиповника и смородины, собирали дикий лук, черемшу, грибы и разные лечебные травы. В охотничий сезон местные охотники добывали мясо диких животных.

В Усольский эвакогоспиталь № 3913 поступали раненые с повреждениями опорно-двигательного аппарата, истощением нервной системы и осложнениями после других заболеваний, те, что нуждались в реабилитации сроком не менее трех месяцев. Консультативную помощь возглавлял профессор М.П. Михайлов, впоследствии выполнявший большую работу по лечению раненых усольской иловой грязью с рассолом. Консультантами были профессор Н. Мочалин и знаменитый иркутский невропатолог профессор Х. Ходос.

Позже я узнала, что всего за время Великой Отечественной войны в этом госпитале прошли лечение 14700 солдат и офицеров.

Врачи-хирурги В. Киркинская (в будущем кандидат медицинских наук), В. Васильева, М. Швецова оперировали, по 12-13 часов не отходя от операционного стола. Медсестры очень часто не уходили домой, ухаживали за больными, им помогали сандружинницы. Они же первыми откликались на призыв сдавать кровь для раненых.

Мы входили в такую сандружину. Нам не было семнадцати, и мы не могли, как наши одноклассницы постарше, уйти на фронт, хотя так же настойчиво обивали пороги военкомата. Работа в госпитале позволяла нам чувствовать себя нужными в большом и важном деле, которым жил весь народ. Мы тоже по несколько дней не ходили домой, носили раненых, мыли, переодевали их, учились делать перевязки, писали за них письма.

В одну из таких ночей мне поручили дежурить возле тяжело-раненого. Боец поступил в госпиталь с ампутированной ногой, и у него началось тяжелое осложнение, видимо, гангрена. Сделали еще одну ампутацию, но безуспешно. Пожилой усатый украинец в полузабытьи называл меня дочкой, то и дело просил пить и тяжело стонал. Мне казалось, что я вижу, как медленно, по каплям, из него уходит жизнь.

Ночью ему стало совсем плохо. Я кинулась в операционную, нерешительно остановилась за спиной у хирурга, который вот уже вторые сутки не отходил от операционного стола.

– Раненому Ефременко плохо, у него руки холодные... Меня дочкой зовет... Он, наверное, умирает?

Хирург встрепенулся, посмотрел на меня и снова повернулся к столу. Сказал, будто сам себе:

– Нogu нужно бы удалить полностью. А ему все равно не выдержать, кровь нужна...

И вдруг, будто рассердившись на мой жалобный вид, крикнул резко:

– Кровь нужна, вы это понимаете?

– Значит, он умрет? – спросила я.

Хирург не ответил.

Я пошла назад в палату, громко всхлипывая по дороге, вызывая удивление у встречного персонала – белый халат обязывает к выдержке.

Ефременко уже не стонал, не видел, как я опустилась на стул возле его койки – он был в беспамятстве.

Я еще никогда не видела смерти. И не могла поверить, что вот так просто уходят из жизни сильные, большие люди. Хирург сказал, кровь нужна... И вдруг меня осенило. Кровь? Ну, конечно же, как я сразу не догадалась?

Я кинулась назад, рванула дверь операционной:

– Может, моя подойдет? Берите, сколько надо!

Хирург в недоумении повернулся ко мне и вдруг понял, глаза его ожили.

– Определите группу! – коротко бросил он ассистентке.

Ассистентка сняла маску, повела меня по коридору. Мне показалось, что мы идем слишком медленно, ведь он там умирает. И другой страх – вдруг кровь не подойдет?

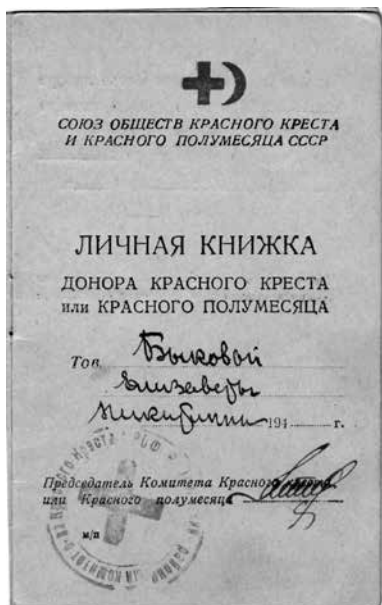
Кровь оказалась первой группы.

– Классический донор, – улыбулась ассистентка.

Через полчаса началась операция. Я видела, как по прозрачной трубочке моя кровь вливается прямо в тело солдата, и мне казалось, что это я вдыхаю в него капля по капле жизнь.

Как закончилась операция, я не помню: потеряла сознание.

Только через две недели я смогла вернуться в госпиталь. И первое, что увидела, были веселые глаза усатого Ефременко.

– А вот и дочка моя, спасительница, – сказал он и посмотрел на меня тепло и внимательно.

Наверное, в этот день я нашла свою профессию. Профессию врача.

Однажды к нам в школу пришли военные и предложили желающим работать на коротковолновой станции. Таких организаций было в стране немного. Я вызвалась работать. Мы обучились азбуке Морзе и сдали экзамен. Работали через день, в ночную смену. Всю ночь сидишь у приемника в наушниках. Нас наставляли, что, если поступает сигнал SOS, надо срочно сообщить об этом в специальное учреждение, вплоть до Кремля и Верховного главнокомандующего. Станция была секретным объектом, и мы давали подписку о неразглашении военной тайны. После такой ночной работы сидеть на уроках было трудно, в ушах все время звучало: та...та...та... Хотелось спать. Но после уроков мы оставались в школе и готовили концерты для раненых. С каким вниманием, с какой благодарностью слушали они нас!

Подшло время выпуска из школы. Прощание со школой было грустным, непрасудным. Большинство мальчиков ушло на фронт, девочки, кто смог, уехали в институты. Мне очень хотелось учиться, но уехать я не могла, перед войной у нас в семье подрастали четверо младших сестер и братьев – семилетний Коля и пятилетняя Мила, да и Ляле было только 12, а Васе – 14. А Галя в это время училась в авиационном техникуме. Надо было помогать семье. Папу мобилизовали в органы госбезопасности, бабушка умерла, мама растеряна. В тот момент я оказалась в семье, по сути, главной. Мы с одноклассницей Клавой Тарасевич решили учиться на кредитных инспекторов Госбанка в областной конторе.

Работа в госбанке оказалась не сложной, нас сразу поставили заведовать отделами – кредитования машиностроения и денежного обращения. Зарплату определили в 600 рублей, сумма по тем временам очень большая. Семья немного ожила. Когда я принесла домой свою первую зарплату, мама была такая счастливая, что и мне стало тепло и радостно. Ведь большинство тогда жило в голоде и лишениях. Серьезным подспорьем в семье

была наша корова-кормилица. Но вскоре саму её кормить стало нечем – траву заготовливать для личных коров запретили. Продавать ее было некому, пришлось забить, как сделали все наши соседи. Как-то я пришла с работы, ко мне подошла моя маленькая сестренка Милочка и, умоляюще глядя мне в глаза, стала просить: «Лизонька, найди мне маленький кусочек хлеба, вот такой», – и показала свой мизинчик. Слышать это было невыносимо.

В те дни ушел на фронт мой последний школьный друг, Кеша Логвиненко. Он пригласил меня на провода, а я, сама не понимаю почему, постеснялась пойти. Он очень обиделся, написал мне с дороги очень длинное и грустное письмо, в котором говорил: «Я вернусь или умру героем».

Я чувствовала себя одиноко. Любимая подружка Маня уехала в Москву, поступила в институт химического машиностроения. Моей подругой стала ее мама, тетя Паша. Ее муж Иван Леонтьевич был отозван в Москву, Ваню призвали в армию, он проходил подготовку в Красноярске. Коля был в школе. Мы с тетей Пашей пили чай с картошкой, испеченной на железной печке, и много говорили. Мне очень хотелось учиться. Но с работы меня не отпускали, да и Гале еще оставалось учиться полгода.

В августе 1943 года в соседний город Черемхово был эвакуирован Ленинградский горный институт. В конце августа после работы я поехала в Черемхово. Сдала экзамен, и меня зачислили на первый курс маркшейдерского факультета. Оправдательный документ по поводу моего отсутствия на работе у меня теперь был, хотя все-таки с работы я уволилась с большим трудом. Но 1 сентября 1943 года приступила к учебе в Ленинградском горном институте в Черемхово. Я плохо представляла себе будущую профессию, но мне казалось, что это шаг к моей настоящей большой учебе. Перед началом учебы нас отправили на эскалатор грузить уголь, а когда начались занятия, мы продолжали ходить туда после лекций. Это была значительная помощь угольному комбинату.

Меня поселили в общежитие, в комнату, где жили две девушки из Усолья. Показали учебный корпус, столовую, библиотеку.

В поиске призвания

Холодный осенний ветер вальсировал с осенними листьями, кружа их вокруг ног, поднимая ввысь желто-зеленый фейерверк, сыпал горстями колючий мелкий уголь в лицо и, поднявшись темно-серым столбом, исчезал за горами каменного угля. Эскалатор, освещенный единственной лампочкой, как громадная серая ящерица, полз от шахты и, как ненасытное животное, поглощал лопаты угля. Вдоль всего эскалатора работали парни, большинство в военных гимнастерках.

Казалось, ночь никогда не кончится. Я едва стояла на ногах: колени дрожали, саднили мозоли на ладонях. Но особенно нестерпимой была боль в набухших деснах, их разъедала угольная пыль, они сильно кровоточили. Если же я закрывала рот, то губы так слипались, что невозможно было их разжать.

Студенты, эвакуированные вместе с горным институтом из Ленинграда, и мы, местные, поступившие сюда на первый курс, ночью работали на погрузке угля, а днем продолжали учиться. Девушек в вузе было мало, в основном первокурсницы-сибирячки.

В какой-то момент я от усталости и голода, видимо, потеряла сознание и упала. Ленинградцы, немало повидавшие в своем родном, осажденном врагом городе, быстро поняли, в чем дело, и привели меня в чувство. Один из парней, самый сильный и высокий, прозванный за свой рост Паганелем, поднял меня на руки и понес в общежитие. Юра Воронов, так звали парня, среди студентов был уважаемым человеком.

– Ну что, цыпленок, жива? – спросил он. – В какой комнате живешь?

Я не могла раскрыть склеенные кровью губы.

– О, да у тебя стоматит. Когда ты в последний раз ела?

Он намочил носовой платок, протер мне губы. Потом взял ложку и заглянул мне в рот: «Да...» Десны, распухшие и кровоточащие, у меня буквально наплывали на зубы почти до режущего края.

– Ты ложись, а я сейчас принесу лекарство и еще кое-что.

Вскоре он возвратился с бутылочкой, яйцом и таблетками.

– Мы все этим переболели. Это от недоедания и недостатка витаминов.

Он открыл бутылочку, вылил содержимое в стакан и приказал: «Прополощи рот». Я сделала первый глоток, жгучая пенящаяся жидкость заполнила рот, боль была нестерпимой.

– Теперь сплюнь.

Я с трудом сплевывала кровавые сгустки. Но боль поутихла. Юрий заставил меня проделать это несколько раз. Потом разбил яйцо, отделил желток и, взбив белок, приказал не просто выпить, а подержать во рту, чтобы образовалась пленка. Боль почти прошла. Потом он принес какой-то пакетик, вскипятил воду в кастрюльке и высыпал в нее содержимое пакетика. Оказалось, это манная каша. Конечно, ни масла, ни сахара не было, но я съела несколько ложек этой жидкой каши с огромным удовольствием, мне показалось, что вкуснее ничего не бывает.

– А теперь, цыпленок, – сказал Юрий, – будешь каждый час прополаскивать рот и пить через 4 часа по одной таблетке.

Я уснула, а проснувшись, осмотрела в зеркало свои десны. Крови почти не было, рот открывался свободно.

Вечером пришел мой спаситель.

– Давай посмотрим, что там у нас. Нормально, идем на поправку.

Он оставил моим соседкам Маше и Тане пакетик с манной крупой и велел сварить кашу. В бутылочке были остатки растительного масла.

Я благодарно ему улыбнулась, и когда он ушел, спросила соседок, почему он такой добрый ко мне. Девчата, которые учились уже на третьем курсе, поведали мне его историю.

В Ленинграде во время блокады умерли его родители. Юрий остался с пятнадцатилетней сестренкой. Когда их горный институт отправили в тыл, сестренка осталась в Ленинграде. Он очень беспокоился за нее.

– Видимо, ты ему напомнила эту девочку.

Юрий, отличник, сталинский стипендиат, сын профессора, был одним из лучших студентов вуза. Длинный, худой, немного сутулившийся, он не отличался внешней привлекательностью.

Редкие, прямые, какие-то серые волосы падали на лоб, близко поставленные глаза неопределенно серого цвета глядели из-под очков, очень большой острый нос, полные губы ярко-красного цвета. Его длинные ноги делали метровые шаги.

Казалось, он не видел моего лица и потому звал цыпленком. Он забрал мою продуктовую карточку, но приносил еды в два раза больше, чем положено по ней. Я, стесняясь, говорила:

– Вы не должны мне столько приносить, я же понимаю, что вы от себя отрываете.

Он хитро улыбался и говорил, подчеркнуто величая меня на Вы:

– Мы имеем свои плантации и фермы и вообще мы богатые люди.

Значительно позже я узнала, что парни-старшекурсники подрабатывали в шахте и имели дополнительные карточки. Кроме того, они так искусно «рисовали» талоны, что никто не сумел уличить их в подделке.

Через неделю я смогла пойти на занятия. Вузовские преподаватели поразили меня своим умением передавать знания. О маркшейдерском деле я имела очень смутное представление. Декан факультета академик Герман читал лекции по геодезии. Он удивительно вдохновенно, даже поэтично рассказывал студентам об их будущей профессии. Оглядывая аудиторию, он остановил на мне заинтересованный взгляд:

– А девушка у нас одна? Ну, ничего, справимся, – сказал он как бы сам себе.

Следующей была лекция по основам марксизма-ленинизма. «Салтычиха» – данное преподавательнице прозвище точно характеризовало ее манеру преподавания – влетала в аудиторию, с порога объявляя тему: «Ленин. «Что делать?».

– Итак, как вы мыслите, что делать?

И поднимала по очереди всю группу. Каждый должен был высказать свое мнение и тем самым показать знание материала.

«Немка», в отличие от «Салтычихи», входила тихо и чопорно здоровалась:

– Guten Tag, Genossen!

Все занятие вела только на немецком, не говоря ни слова по-русски.

Так же ярко, необычно шли занятия по математике, физике, химии и другим предметам. Учиться было очень интересно.

Так как я за время болезни отстала от однокурсников, Паганель и тут взял надо мной шефство. После занятий он ждал меня у аудитории, и мы вместе шли в столовую. Форма у нас у всех была одинаковая: парни в утепленных ботинках с обмотками, военных галифе, стезонках и шапках-ушанках. Девушек в институте было мало. Нам выдали черные суконные юбки, ботинки и обмотки, стезонки и суконные черные платки.

Паганель ходил быстро, я едва поспевала за ним. Мы приходили в шахтерскую столовую, где пахло щами, углем и жареным луком. Он приносил обед себе и мне. Пообедав, мы шли в библиотеку. Мне ужасно хотелось спать, но Паганель строго следил, чтобы я усердно занималась. Потом он проверял, как я усвоила задание, объяснял или подсказывал, если я затруднялась, и обязательно перед этим каждый раз спрашивал:

– Ну как, геноссе, чем вы нас порадуете?

Очень сердился, если у «подшефной» появлялись четверки.

Мне казалось, что Юра даже не знал моего имени, так и звал: цыпленок да цыпленок.

К середине декабря завершилась первая сессия. Я по всем предметам получила пятерки, и меня с группой отличников, которую возглавлял Паганель, наградили поездкой в областной центр, в Иркутск, для знакомства с культурой Сибири.

В честь окончания семестра был дан первый студенческий бал. Идти на бал мне было не в чем, и я решила лечь спать. Перед сном я читала Чехова и смеялась, когда в комнату вошел Паганель.

– Девчонки, наряжайтесь, я веду программу. Дарования имеете?

– Маша хорошо поет, пусть споет «Москва моя».

– Отлично, записываю. А ты, цыпленок, что сидишь?

Маша ответила за меня:

– Ей надеть нечего. Наше все ей велико, в моем платье уютно. А вообще-то она пишет неплохие стихи, хоть и называет их нескладушками.

– Ну, цыпленок, ты еще и талантливый ребенок! Записываю. Как тебя зовут? Быкова Лиза. Вот так и скажем: «Читает автор». А название сама скажешь.

Я мало походила на девушку. При росте 164 сантиметра весила всего 47 килограммов. На улице и дома слышала о себе: «селедка», «шкидла». Разве что карие глаза были ничего да толстые, ниже пояса косы. Платье для меня так и не нашли, ушили Машино с боков.

Девушки в институте не красили губы, не пудрились, зато все были веселыми, остроумными, умели шутить и радоваться успехам подруг. У моих соседок уже были женихи, а меня с легкой руки Паганеля постепенно все стали звать цыпленком.

Студенческий бал состоялся в шахтерском Доме культуры «Угольщик». Зал приветствовал будущих инженеров предприятия. Директор института рассказал, как идут дела на фронте, наградил грамотами отличников, а про Юру сказал, что это жемчужина института и что он в ближайшее время закончит кандидатскую диссертацию.

Начался концерт. Красивый студент играл на гитаре и пел «Землянку», потом «Темную ночь». Его сменили парень и девушка, дуэтом исполнившие романс. Их всех бурно приветствовали, и мне казалось, что я никогда не слышала такого прекрасного исполнения. Я не боялась сцены. В школе я играла на мандолине в струнном оркестре, читала свои стихи, вела концерты, рассказывая о каждом исполнителе в четверостишиях собственного сочинения. Меня волновало только, не свалятся ли с меня прямо на сцене Машины туфли, которые были мне велики, и поэтому девчонки набили их носки ватой.

– Следующим номером выступит поэтесса нашего института, студентка первого курса Елизавета Быкова!

Юра никогда не видел меня в платье, в туфлях на каблуках, не видел моих длинных кос, которые я носила обычно корзинкой вокруг головы. Теперь он не мог скрыть смущения – перед ним стоял не цыпленок, а какая-то незнакомая девушка.

Я прочитала отрывок из поэмы «На фронт», а на «бис» – басню и лирическое стихотворение. Аплодировали долго.

После концерта начались танцы. Девочек было мало, и многие ребята играли в кабинете в шахматы. Наконец парни нерешительно стали приглашать девушек на танец. Ко мне подошел тот самый красавец, что пел «Землянку». Он хорошо танцевал, шутил, острил, удивлялся, как это за четыре месяца он не заметил такую «звезду». Танец закончился, но красавец не отходил от меня, приглашая на каждый следующий. Вдруг я увидела Юру, который уверенно шел к нам через весь зал. Он извинился перед певцом и пригласил меня на фокстрот. Танцевал он плохо, наступал на ноги, краснел, извинялся и вообще совсем не походил на прежнего Паганеля. Потом отвел меня на другую сторону зала, усадил на стул и, как-то неуверенно улыбаясь, сказал:

– Похоже, тебя могут украсть. Я буду тебя сторожить.

Потом он признался, что танцевать совсем не умеет, его хотела научить сестра, но так и не успела. Вот он и танцует только фокстрот.

Домой мы шли вместе. Он никак не мог решиться назвать меня по имени, но и цыпленком уже не смел называть. На улице было светло, как днем. Город был укрыт снегом, как белой простыней, и казался сказочным. Я поскользнулась, и Юра неумело, но как-то очень бережно и трепетно поддержал меня. Какая-то новая связь зарождалась между нами. Сильный, уверенный и старший, он не знал, как обращаться с девушкой, превратившейся из цыпленка в Лизу.

– Знаешь, – сказал он мне, – у тебя такие красивые косы, и ты, в общем, пишешь неплохие стихи. Ты напрасно пошла на этот факультет – это работа под землей, ты будешь редко любоваться солнцем.

Я рассказала ему, что и декан, вручая мне путевку на экскурсию в Иркутск, сказал: «Мне жаль отпускать вас из института, но эта профессия не для женщины. Посмотрите в городе, там много вузов, они начинают занятия с середины ноября, так как до этого работают в колхозе, вас могут принять в университет».

На следующий день мы поехали на экскурсию в Иркутск. Наш поезд отправлялся в 4 утра. Ярко светил месяц, и город, укутанный снегом, переливался миллионами бриллиантовых огоньков. Было так чисто, красиво и радостно, что я весело смеялась шуткам Юры, чувствовала себя свободно и раскованно. В поезде я разглядела Юрины глаза. Опушенные белыми ресницами, длинными и прямыми, они были нежно-голубыми и напоминали ромашки.

Юрий заговорил:

– Мы сейчас должны решить, в какой вуз пойдем. Там есть мединститут, педагогический, университет. Я думаю, лучше медицинский, но при твоих способностях нужно идти на филологический.

Все четыре часа пути мы разговаривали об институте. Юра рассказал мне свою историю с сестренкой. Сразу из Сибири он написал в Ленинград, надеялся, ее найти. Но ответа не было. Теперь он собирался сразу после окончания института ехать искать сестру. Я спросила:

– А там еще кто-нибудь оставался?

– Да, конечно.

– Так вы не переживайте, она, конечно, жива.

Юра заметил:

– Может, может... И ты...Так что давай, Лиза... Меня звать Юрой.

Так мы перешли на «ты».

В Иркутске нас ждали. Ребята из Иркутского горно-металлургического института повели нас через замерзшую Ангару в общежитие. Было холодно, за сорок ниже нуля, но светло и весело. После завтрака, расспросив, где находится университет, мы пошли на набережную. Мне было и приятно, что Юрий так по-отечески заботится о моем будущем, но и страшно расставаться со своим институтом, где все теперь было знакомым, своим.

Нас направили в учебную часть. Усталая, худая и чем-то недовольная женщина попросила мою зачетку, там были одни пятерки. Юра применил все свое красноречие, чтобы показать,

какую «звезду» он привел. Женщина холодно выслушала его и отложила зачетку:

– Это в августе будущего года. Мы учимся уже больше месяца, догнать будет трудно, а сданные вами предметы, кроме основ марксизма-ленинизма и иностранного языка на этом факультете не преподают.

Юрий огорчился, а я обрадовалась. Теперь мы могли пойти в медицинский институт, тем более, что он был тут же, рядом. В отделе кадров маленькая, пожилая женщина с отеками глазами разговаривала мягко, заинтересованно. Она изучила мою зачетку, потом сходила к директору и, вернувшись, сказала:

– Все экзамены, которые вы сдали, кроме геодезии, предстоит сдавать у нас в зимнюю сессию. Но, кроме них, надо сдать латинский язык и нормальную анатомию. Сложность в том, как вас примет Елизавета Кирилловна, преподаватель анатомии, женщина с характером. Мы вас зачислим в стоматологический институт. Сейчас все больше встречается раненых с травмами лица и головы. Поэтому мы увеличили количество студентов в этом институте. А где вы будете жить?

Тут надо отвлечься, чтобы объяснить, почему, придя поступать в медицинский институт, я попала в институт стоматологический.

Стоматологический институт был учебным заведением, которое открылось в 1936 году, то есть за пять лет до начала войны. Основное здание было расположено на 2-ой Красноармейской улице (ныне улица Лапина, 4). Возглавляла институт очень обязательная и мудрая женщина – Софья Натановна Левенсон. В институте было развернуто три профильных кафедры: терапевтической, хирургической и ортопедической стоматологии.

Сама Левенсон возглавляла кафедру терапевтической стоматологии. Хирургической руководил Константин Константинович Алкалаев, а ортопедической – Александр Кириянович Недергин. Лекции читались в отдельном здании на улице 1-ой Красноармейской, где на второй этаж с улицы вела шаткая деревянная лестница. Там же были кабинеты иностранного языка, марксизма-ленинизма и другие. Кафедры химии, физики, анатомии принадлежали мединституту, и мы занима-

лись там наряду с другими студентами-медиками. В здании на Лапина, переданном институту Иркутским военным гарнизоном, были организованы стоматологические клиники.

Стоматологический институт был организован по сути по распоряжению сверху (в тот год в стране одновременно открылось 11 стоматологических институтов). Естественно, что в Иркутске он был организован на базе медицинского, но в его самостоятельности было много формального, потому что фактически нас учили те же преподаватели, что и остальных медиков, многие кафедры были общими, да и отдел кадров был один. И не зря позже, в 50-годы, стоматологический институт был снова преобразован в факультет мединститута.

Но тогда, на момент моего зачисления в институт, я понятия не имела, что такое стоматология, не знала даже, что означает это слово. Оказывается, «стома» в переводе с латинского – отверстие, а логос – изучать, то есть, учение о полости рта. Незнакомое слово меня испугало, и я подумала: «Может, без жилья меня не примут, и я поеду со всеми назад?»

И я сказала: «Жилья у меня нет».

Но женщина тут же выписала мне направление в общежитие со словами:

– Мест нет, поживете пока в коридоре, а там после зимней сессии кто-то отчислится и уедет. Запомните: на фронте не хватает врачей, поэтому вас принимаем. Мы учимся уже месяц. Сумеете догнать? Стипендия у нас 104 рубля, а в вашем институте – 340, карточка – на 400, а у вас – на 800. Уложитесь?

Юра быстро ответил: «Будем помогать».

Деревянное общежитие стояло на горке недалеко от института, студенты называли его «курытником». Печное отопление, вода привозная, двухместных комнат только две, остальные на 8-10 человек. В коридоре плита, на которой студенты варили себе пищу. Печь топилась из коридора. Все это имело вид унылый, бедный. Комендант, прочитав записку, сказала: «Могу поместить только в коридоре, но здесь очень холодно». Принесли железную кровать, матрац, постельное белье. Одеяло тонкое, байковое, подушки нет. Юра успокоил: «Две недели будешь жить с нами, но на занятия будешь ходить с завтрашнего дня».

День уже был на исходе. Юра заторопился. Мы отдали постель в соседнюю комнату и предупредили девочек, что две недели меня не будет.

Вечером у нас состоялась встреча со студентами Иркутского горного института. Я чувствовала себя неудобно в своей студенческой форме на фоне прилично одетых студенток-иркутян. Юра это понял. Утром он зашел за мной в общежитие, где девочки уступили мне одну из коек.

– Пока все спят, мы с тобой должны кое-куда сходить.

И повел меня в магазины. Однако промтоварные магазины были пусты, так же пусты были и продовольственные. Хлеб давали по карточкам. Зато в свободной продаже были банки с крабами. Юра очень удивился и купил сразу 20 банок – его сталинская стипендия позволяла ему делать такие покупки. Потом он спросил у продавца:

– А у вас есть комиссионные магазины?

– Да, на улице Урицкого.

Большой коммерческий магазин на улице Урицкого был забит товарами – от одежды и обуви до мебели. В отделе женской одежды Юра попросил показать синее шелковое платье в крупный белый горох с кружевным белым воротничком.

– Какой размер?

– Сорок шестой.

Тоном, не терпящим возражений, заставил меня примерить. Платье было такое красивое! Я стеснительно спряталась в примерочной, надела платье. О! Я не узнала себя. Паганель не удержался и заглянул. Я уловила его восхищенный взгляд:

– Да ты красавица! Как это я раньше не разглядел?

Платье было тут же мне подарено.

Вечером мы всей группой отправились в театр музыкальной комедии. Старинное здание театра показалось мне сказочным дворцом. В большом фойе были развешаны портреты. Немногочисленные зрители – мужчины и женщины, нарядно одетые, чинно двигались кругами, тихо беседуя. Было так празднично и красиво, и не верилось, что где-то идет война. Труппу театра составляли артисты из Горьковского театра оперетты, который война застала на гастролях в Иркутске. Иркутск госте-

примно приютил талантливый коллектив. Помнится веселый, кругленький Гросс и ведущая солистка Воробьева, жена Гросса, Морозова и другие. Но это потом. А в этот вечер я впервые слушала оперетту. «Сильва» была великолепно. Я смотрела на все это широко распахнутыми, восторженными глазами и видела, что ленинградцы удивляются моей «отсталости».

Позже, когда я уже училась в мединституте, я в числе нескольких студентов, подрабатывала в театре через день в качестве гардеробщицы, благодаря этому мы бесплатно пересмотрели все спектакли.

А в тот вечер в общежитии горного института накрыли стол. Он не был роскошным, но было весело и непринужденно.

Утром меня провожали на первую лекцию в мединститут. Старинное здание на берегу Ангары, широкая лестница ведет на третий этаж. Большая аудитория. Николай Николаевич Волков читает лекцию по органической химии. Меня поразил состав слушателей: девушки были нарядные, накрашенные, слушали невнимательно. Одна из сидевших рядом со мной на последнем ряду девушка делала маникюр, другая обвязывала крючком носовой платочек. Я на этом фоне выглядела забитой, плохо одетой деревенской простушкой.

Преподаватель понял, что я новенькая: «Я вас раньше не видел». И стал расспрашивать. Мне пришлось рассказать историю моего поступления в институт, показать зачетку. Он слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

– Ну что ж, нам такие студенты нужны. Завтра на вашем курсе будет собрание, вы можете поделиться методами учебного процесса в горном институте.

Я застеснялась:

– Я еще не вошла в колею, да и с жильем пока не устроена.

– Хорошо, оставим этот разговор на будущее.

Следующим занятием была «Нормальная анатомия». Лекция показалась мне очень сложной, я решила, что никогда не одолею этот предмет. Зато на практических занятиях по физике я легко справилась с предложенными задачами, бойко вывела ход решения на доске. Физик похвалил меня, заметив: «Вот как надо отвечать».

На перемене ко мне подошла молодая женщина в военной форме, на груди у нее красовался орден Красной Звезды и звезда Героя Советского Союза. Она протянула мне руку:

– Давай знакомиться. Тина Нерода, хйба ж ты не знаешь? Лежала здесь в госпитале и решила подучиться. На фронте я была медсестрой, у меня курсы трехмесячные. Я ж ни хвизику, ни химию нэ понимаю, давай переезжай ко мне. Я одна живу в комнате. Я помогу тебе с анатомией и латинским, а ты мне з хвизикой и з химьей.

Я объяснила, что еще десять дней буду жить с черемховскими студентами и ходить на занятия из общежития горного института. А потом с удовольствием воспользуюсь ее предложением.

Каждый вечер я рассказывала ребятам все свои новости. О том, например, как поразили меня занятия по латинскому языку. Преподаватель, пожилой глуховатый Владимир Иванович, будто сам себе рисовал латинские буквы на доске и громко произносил: «Розе – розарум ликвифактум». Студенты в это время громко болтали, рассказывали о своих делах и мешали слушать и записывать. Тина Нерода на латинский не ходила вообще, и я чувствовала себя в этом нарядном чужом коллективе неуютно и одиноко.

Вечером уже рано темнело, и Паганель ждал меня в вестибюле. Девчонки, выпархивающие из гардероба, оглядывали незнакомого парня, смеялись и очень удивились, когда увидели, как он, помогая одеться «новенькой», подает ей стезонку.

Подходил день расставания. Юра заверил, что они весь семестр будут высылать мне стипендию и по возможности помогать продуктами.

Проезд от Черемхово до Иркутска разрешался только по пропускам или командировочным удостоверениям. Проехать «зайцем» было невозможно.

В последний вечер Юра очень долго разговаривал со мной, называя меня Елизаветой, шутил и был скорее братом, чем другом. Я уже меньше стеснялась, проводила его на «Ученик», так назывался поезд до Черемхово. На прощанье он надавил на кончик моего носа:

– Держись, дружище, и пиши, будет плохо, приедем и забере-
рем.

В общежитии меня ждала Тина. Она уже перетащила к себе мою кровать, приготовила чай. Жила она значительно лучше других студентов: у нее был пропуск в офицерскую столовую и паек, а также карточка студента. Я удивлялась этому, на что Тина говорила: «Я кроф проливала, хиба б ишо меня приравнивали к этим кацапам». В точных науках она ничего не понимала, и мы решили, что я буду сидеть с нею и помогать отвечать на вопросы, а она мне поможет с анатомией. И пугала меня: «Вот как надо знать:

*Как на лямино креброзе
Приютился Кристо Гале.
Впереди фораум цекум,
Сбоку ос сфеноидале».*

В общем-то я легко вошла в курс дела, по всем предметам занималась без затруднений. Вот разве что трудной для меня оказалась практика по нормальной анатомии.

На первом практическом занятии преподаватель Елизавета Кирилловна вызвала меня к муляжу и попросила назвать и показать все кости кисти рук. Я ответила, что это мое первое занятие, и я ответить пока не могу. Преподаватель отправила меня на место и резко сказала: «Считайте, что это первый и последний раз. Я вам не разрешаю ходить на мои занятия. Вы пропустили полтора месяца и догнать группу уже не сможете. Я обещаю, что экзамен у меня вы не сдадите».

Тины на занятии не было, никто не открыл рта в мою защиту. До конца семестра оставалось полтора месяца. Мне казалось, что я никогда не запомню этих сложных названий.

Тина вернулась поздно с офицерского вечера и успокоила меня, заверив, что теперь все вечера мы будем заниматься анатомией, а физику и химию она сдаст с моей помощью.

Кости рук нам удалось достать в анатомическом музее. Кости ног оказались разобраны, а коллоквиум должен состояться через две недели. Тина предложила: «В музее есть скелет профессора Мочалина, он завещал его институту. Надо

отвинтить ногу и незаметно вынести. Через неделю вернем». Я испугалась:

– Нет, нет, я боюсь. Да и вообще, стыдно.

– А я што, зря кроф проливала? Что из-за того, что нет достаточно наглядных пособий, могут отчислить? Будешь заговаривать зубы дежурной, а я вынесу ногу, я посмотрела: там ее легко отвинтить.

Так и сделали. В первый день никто ноги не хватился. Всю ночь и следующее утро мы зубрили по атласу и костям латинские названия (а их, маленьких косточек, в человеческом скелете – сотня). В основном выучили. Минуло воскресенье.

В понедельник поднялась тревога: украли ногу профессора Мочалина! Бригада студентов во главе с ассистентами пошли по общежитиям, проверяли постели, чемоданы, печки. Я перепугалась. Тина осторожно заложила ногу за портрет Сталина. Надела ордена, приняла воинственный вид, подошла к двери и прислушалась. Шаги приблизились к нашей комнате. В дверь постучали. Тина открыла: «Проходите, я спешу. Что вам угодно?» Комиссия, оглядев комнату, спросила: «Вы не слышали, может, кто-то занимался костями ног?» Тина резко в ответ: «Я никогда не подслушиваю, не к лицу мне этим заниматься. Извините, мы спешим».

У меня дрожали ноги, вспотели ладони. Они вышли. Тина закрыла дверь на замок. Что делать дальше? Нести в музей опасно, там выставили караул. Решили перед самым закрытием, в 11 вечера выложить ногу в вестибюль и проследить. Так и сделали. Ногу нашли через 20 минут. Все сошло благополучно.

Начались экзамены. Первая сессия на первом курсе. Зачет по немецкому языку. Эльза Альбертовна, эвакуированная старушка лет 70, но всегда с подкрашенными губками и обязательно в какой-нибудь замысловатой шляпке, задавала вопрос и сама же помогала на него ответить. Она жалела студентов – ходят голодные, мерзнут в общежитии – и не скупилась на оценки. Когда она увидела Тину в военной форме и при орденах, заговорила с ней по-немецки. Тина что-то отвечала, она

с доброй улыбкой поставила ей «отлично», поблагодарила за спасение Родины. Я тоже получила пятерку.

А вот отношения мои с Елизаветой Кирилловной становились все напряженнее: «Вы не сдадите анатомию, я сказала. И не ходите на мои занятия».

Я почти все свое время посвящала анатомии. С латинским было проще. Я подошла к Владимиру Ивановичу и попросила помочь догнать однокурсников. Учебников не было, а записи у студентов никуда не годились. Владимир Иванович очень обрадовался и пригласил меня к себе домой. Квартира его была рядом с общежитием, в частном доме на улице 3 июля. Старик жил один. Его сын-геолог был на фронте, жена умерла. Полутемная, с замороженными окнами квартира состояла из двух комнат и кухни. В большой комнате стояли красивый старинный буфет, рояль, диван, посередине – круглый стол, накрытый бархатной скатертью. Небольшой журнальный столик был завален бумагами, а на краю стола стояла очень красивая настольная лампа – дама, держащая зонтик. Обрадованный моим приходом Владимир Иванович поставил на плиту чайник, отодвинул бумаги на столике, принес на тарелочке три картофелины, кусочек хлеба и соль. Извинился, что пока больше предложить ничего не может. Мы съели по одной картошке и запили горячим чаем «ни с чем». Владимир Иванович рассказал, что его жена была аккомпаниатором, а он раньше работал хирургом. Учителем стал по причине возраста. Немного позанимались. Он дал мне книги, долго приглашал придти в субботу, он посмотрит, как я справляюсь. Учитель был стар, болен, глуховат и очень одинок, его мучила тревога за сына, от которого давно не было писем.

Когда я снова пришла в субботу, Владимир Иванович лежал в постели. В квартире было холодно, неуютно, не убрано. Оказывается, он уже неделю лежал больной, не мог истопить печь и не ходил за хлебом. Я взяла его карточку, мне удалось получить на нее 400 граммов сахара, больше килограмма вермишели, 400 граммов растительного масла. День случился удачный, в магазине редко удавалось купить по карточке все сразу. Перед уходом в магазин я принесла дров, растопи-

ла печь, поставила чайник на плиту и воду в кастрюле. Потом сходила на колонку и принесла два ведра воды на коромысле. Благо, что дома я проделывала эту работу ежедневно.

– Владимир Иванович, что бы вы хотели? Я могу сварить суп с вермишелью, сделать чай с сахаром.

– Спасибо, девочка, я хочу согреться.

Бедный, старый, одинокий человек, он не скрывал радости, что рядом появилось живое существо.

Я почистила картофель и сварила суп с вермишелью. Заварила в чайнике травку, которую нашла в шкафу, положила сахар и поднесла к кровати. Он весь горел. Нашла таблетку аспирина. В стеклянной баночке на дне оказалось немного варенья. Попробовала – брусника. Владимир Иванович выпил таблетку, стал потихоньку, маленькими глоточками пить чай с брусникой. И очень беспокоился, что у него нет больничного листа. Я пообещала сходить в канцелярию и договориться. Учитель стонал и тяжело дышал. Я видела, что уйти нельзя и решила остаться на ночь – расположиться на диване. Суп почти поспел. Я поджарила половину луковицы на растительном масле, положила в суп, по комнате распространился приятный аромат. Принесла к постели и стала кормить с ложечки. Он ел с удовольствием, казалось, с каждой ложкой к нему возвращаются силы. Я подбрасывала время от времени дрова в печь, в квартире стало тепло. И занялась уборкой. Уже в полночь вышла на крыльцо вытрясти скатерть, салфетки, половички. Дома стало уютнее. Я решила, что нужно постирать шторы, но оставила это на следующий день.

Несколько раз за ночь подходила к больному. Он потел, приходилось менять рубашки, предварительно погрев их над печкой. После каждого переодевания пили горячий чай. К утру температура у больного спала. Я накормила его супом и стала собираться в институт, я и так уже пропустила первую пару. Владимир Иванович попросил: «Вы не сможете придти сегодня?» «Конечно, – заверила я. – Уйду с занятий и переночую у Вас, только не вставайте». Завернула горячий чайник в махровое полотенце и поставила на табурет у кровати. В стакан

положила варенье и наказала – вставать только по необходимости, а дверь я закрою на замок.

Придя на занятие, я рассказала Тине обо всем в надежде на то, что она чем-то поможет больному человеку. Мы пошли в аптеку и на рынок. Купили ведро картошки, кружок мороженого молока, кусочек нутряного сала, стакан мороженой клюквы. Тина захватила из общежития кусочек мыла и мешочек гречневой крупы. Крупы и другие продукты она получала в офицерском магазине. И мы вместе отправились к больному.

Затопили печь. Пока я ставила варить гречневую кашу и кипятить молоко, Тина сняла шторы, быстро выстирала их и повесила на окна. Владимир Иванович следил за нами благодарными глазами.

Мы согрели суп и покормили Владимира Ивановича в постели. Дали таблетки, напоили его горячим молоком с нутряным салом. Он пил с наслаждением. Похоже было, что он перенес пневмонию.

Ночевали мы с Тиной у Владимира Ивановича. В институте договорились, что он свои часы пропустит и нагонит, когда поправится. Надо было выхаживать его. Тина по своим каналам выписала для него дрова, а когда солдаты их привезли, договорилась с ними, чтобы они накололи и сложили их в поленище. Я начала сдавать Владимиру Ивановичу задания по латинскому языку. Он радовался моим успехам. Вскоре я получила от Юры письмо и денежный перевод – пятьсот рублей. Письмо было очень веселое – с юмором и большим интересом ко всем делам «коллеги». Ответ ему я написала в стихах:

*Я слышу здесь пустую болтовню,
Основа жизни их – прически и наряды.
И ты представь, что ото дня ко дню
Становятся противней их обряды.
Сегодня новая прическа у одной,
И, удалив старательно изъяны,
Такую же я вижу у второй,
Потом у третьей – словом, обезьяны.
«В театр, в театр!» – я слышу громкий крик,
И на ходу людей сшибая,*

*В аудиторию влетает в тот же миг
Компания и, лектора не замечая,
Они решают «сложные» дела:
Во-первых, оглядят друг друга,
Во что одета, где была вчера,
В театр ходила ль, видела ли друга.
Сумела ль подмигнуть кому?
Кто он? Во что одет?
А если не сумела – почему?
Иль настроенья нет?
«Мне сшили модное пальто,
Так я даю совет –
Без муфты как-то уж не то,
И модный надо сшить берет»
«Какой мне сделать маникюр?
Нет, красный не пойдет»
«Зеленый сделай – смех для кур,
Тебе он подойдет»
Так все занятья без конца,
Нет больше слушать сил,
Ты весь изменишься с лица,
А кончить не проси.
Для них же отдых – это труд,
И всей их жизни цель,
Зачем просить их – не поймут,
Им не понять – поверь.
Души их толстое бревно,
Обтянутое шкурою,
И совокупия сего
Я назвала бы дурами.*

В ответном письме Юра высмеял меня за эту злость, а впрочем, вполне понял: учиться так учиться.

Я стала жить вполне прилично: Юра высылал стипендию, 340 рублей, нам в институте платили 104. Я купила себе платье, туфли, подшитые валенки. Меня начали отмечать на занятиях, и когда преподаватель задавал какой-нибудь трудный вопрос, хором кричали: «Спросите новенькую!». Одна

Елизавета Кирилловна в упор не замечала меня и лишь иногда язвительно, как бы разговаривая сама с собой, говорила: «Горного инженера мы опрашивать не будем, она, может быть и рассказала бы о строении Земли, и то сомневаюсь».

Мы с Тиной досрочно сдали экзамен по основам марксизма-ленинизма и получили пятерки. Предстоял зачет по физике. Тина за неделю начала «умирать» от страха: «Понимаешь, я в атаку шла, не тряслась, а тут такое позорище». Решили, что сядем на заднюю парту, я напишу ей ответ, а она, ссылаясь на то, что плохо говорит по-русски, будет читать его по бумажке. Вошли первыми. Я никогда не видела ее такой слабой и испуганной – у нее дрожали руки. «Я ничего не знаю», – шептала она. Я взяла ее билет и быстро стала писать ответы на вопросы. Потом решила задачу и говорю: «Иди отвечай». А Тина: «Я боюсь». Я поняла: мне нельзя идти первой, ей может понадобиться подсказка. А она и сама не идет, и меня не пускает. Напускаю грозный вид: «Иди, а то меня сейчас вызовут». Тина вышла и объявила преподавателю, что будет читать, при этом сказала это на таком непонятном языке, что преподаватель соггласился. Даже похвалил за ответ, но напоследок задал вопрос: «Что тяжелей – килограмм железа или килограмм пуха?» Тина растерялась и такого наплела, что экзаменатор поставил ей «тройку». Она все равно была счастлива, и мы в прекрасном настроении отправились к Владимиру Ивановичу. Он начал уже потихоньку вставать, самостоятельно пить чай.

По дороге мы зашли на рынок, купили картошки, капусты, свеклы, луку, молока. Решили сварить борщ. При входе в дом в сенях наткнулись на два мешка и огромный бак с грязным бельем. После смерти жены и ухода домработницы, видимо, белье в доме ни разу не стиралось. До войны он каждую неделю после бани брал свежее белье в шкафу, а когда запасы кончились, стал покупать новое: простыня стоила два рубля 30 копеек, наволочка – рубль семьдесят, пододеяльник – пять шестьдесят. На прежней работе он получал приличную зарплату и мог себе это позволить. Но началась война, из магазинов все исчезло, не стало ни простыней, ни мыла. Последнее время он не менял постель по месяцу. Мы с Тиной поставили

варить борщ и объявили Владимиру Ивановичу, что намерены по случаю успешной сдачи экзамена провести большую стирку. Наносили воды из колонки, поставили бак на плиту, рассортировали белье по степени загрязнения. Последние были чуть ли не черными. Когда вода согрелась добавили туда соды, нашатырного спирта и немного перекиси. К вечеру первую порцию выстиранного развесили в сенях и на веранде, как это делала, по словам Владимира Ивановича, домработница, остальное кипело в баке почти до утра. Владимир Иванович не мог нарадоваться. Поздно вечером устроили настоящий пир: борщ, отварная картошка, капуста, чай с вареньем!

Владимир Иванович, глядя на нас, вспоминал афоризмы ученых о труде. «Еще Эзоп говорил: истинное сокровище людей – умение трудиться». Я рассказала, что мой отец был простой человек, но он с детства внушал нам: только знания и труд делают человека настоящим человеком.

За ужином Владимир Иванович разговорился:

– Я стар, мне уже 74 года, но я не представляю себя без работы. Без работы человек погибает. Вольтер говорил: «Главное – труд, труд – это жизнь человека». Старайтесь сейчас копить знания для труда. Профессия, которую вы избрали, требует глубоких знаний, добра, умения владеть современным инструментарием и оборудованием. Я воспитывал своего единственного сына в труде и готовности служения Родине. Сейчас он на фронте, мне грустно и одиноко, но я уверен, что он выполнит свой долг. У него были большие перспективы. Он геолог, занимался наукой, но когда началась война, ни мать, ни я ни на минуту не задумывались, как поступить, Он сам пошел в военкомат и ушел на фронт. Я часто не сплю ночами, особенно когда говорят о боях на Сталинградском направлении. Но я верю, что он жив»...

– Сколько времени нет писем от сына? – спросила Тина.

– Уже четыре с половиной месяца вообще никакой весточки. Ходил в военкомат, там тоже ничего нет, буду надеяться и просить Господа сохранить мне сына.

Мы замолчали, каждый думая о своем.

Через три дня предстоял опять экзамен, страшный для Тины – неорганическая химия. Договорились, что я буду читать вслух учебник и объяснять, а Тина будет гладить белье, слушать и запоминать. Работа у Тины шла быстро. Я то и дело возвращалась к прочитанному и пересказывала своими словами. Тине было уже 34 года, многое из школьной программы она, конечно, забыла. В первый день мы выучили мало, но зато закончили уборку в доме Владимира Ивановича.

Он уже окреп и чувствовал себя неплохо, и мы решили вернуться в общежитие, там лучше учиться. На экзамене повторилось то же, что и на физике. Тина торжествовала: она «зацепилась» за институт. Каждый день мы хоть на часок, но забежали к Владимиру Ивановичу. Топили печь, приносили дрова и воду, готовили еду. Я все это время усердно учила латынь и «сдавала» ему. Тина теорию знала меньше, но свободно разбиралась в написании рецептов и была в принципе готова к сдаче экзамена.

Когда Владимир Иванович, наконец, вернулся в институт и приступил к занятиям, мы с Тиной уже не могли перенести шума, который устраивали студенты во время его занятий, пользуясь плохим слухом учителя. И быстро вместе с ней навели порядок в группе.

Экзамен по латыни прошел спокойно. Но на испытаниях присутствовала Елизавета Кирилловна, которая до этого времени так и не замечала меня и ни разу не спросила на занятиях. И тут она помимо билета задала мне четыре вопроса. При этом не преминула напомнить Владимиру Ивановичу, что «эта студентка» пропустила половину семестра. Я на все ее вопросы ответила уверенно и точно.

– Не знаю, как вы, – сказала она Владимиру Ивановичу, который принимал экзамен, – а я бы ей поставила четыре.

– Нет, она отвечала лучше всех, твердая пятерка.

– Ну, у нее еще мой экзамен. Вы не знаете, как она сдала другие предметы?

– Не знаю, – ответил Владимир Иванович, хотя точно знал, что у меня по всем предметам пятерки.

Я написала подробное письмо Юрию. Поделилась своей заботой о том, как буду сдавать анатомию. В ответ пришла телеграмма: «Мужайся, мы рядом. Сдашь».

И вот сдаем дифференцированный зачет по нормальной анатомии. Тину и меня Елизавета Кирилловна вызвала последними. Билет оказался легким, и мы с Тиной решили, что я буду отвечать первой, чтобы Тина слышала ответ. Мне очень хотелось получить пятерку – это давало право на повышенную стипендию, так как в следующем семестре мне из горного института уже платить не будут, а больше помогать мне некому.

– Кто готов?

Я пошла к столу, старалась отвечать четко, без запинки. Елизавета Кирилловна вдруг взяла молоточек и полезла на подоконник, пытаясь открыть примерзшую форточку. Я остановилась.

– Говорите, говорите, я слышу.

Потом вышла, принесла какой-то плакат и попросила показать косточки стопы. Я показала. Она отметила, что я сделала неправильное ударение в названии пяточной кости. На два дополнительных вопроса я тоже ответила уверенно.

Преподавательница растерялась. Как она могла поставить пятерку студентке, которая пришла в институт позже остальных и которую она вообще намеревалась выставить с экзамена?

– Я ставлю вам четверку, и вы знаете, почему.

Тут Тина вскочила с места, взяла со стола мою зачетку:

– Я слышала весь ответ, она отвечала на пять с плюсом. Созовем комиссию, пусть отвечает при всех.

Такого поворота событий Елизавета Кирилловна не ожидала. Я бы сама за себя не могла постоять. Я вся дрожала, не могла произнести ни слова и вышла из кабинета, как побитая.

Тина, получив свою пятерку, вышла из кабинета, послала меня домой, а сама пошла в деканат.

Переэкзаменовку назначили через два дня. В комиссию вошли заведующий кафедрой и Елизавета. Мы с Тиной приш-

ли заранее. У меня страх сменился несвойственной мне злостью и желанием доказать свою правоту.

Зав кафедрой, строгий седой профессор, захотел узнать, почему я опоздала на занятия в институте на полтора месяца и как сданы другие экзамены. Попросил зачетку.

– У, да вы молодец. Ну, давайте, поговорим без билетов.

Он начал задавать вопросы. Я отвечала без затруднений. Он заглянул в историю медицины и сказал несколько фраз по латыни. Я перевела. – ведь я весь семестр только и думала об анатомии.

Мне поставили пятерку. Декан задержал меня и предложил стать старостой курса, я оказалась единственной отличницей в первом семестре.

– Надеюсь, вы пойдете тем же курсом и дальше, – сказал он.

Это была победа! И вечером мы решили отпраздновать ее у Владимира Ивановича, купив продуктов на рынке. Снова много говорили о жизни, о традициях, о важности знаний и труда.

Владимир Иванович сказал:

– Лиза, декан поверил в вас. Вы должны оправдать его доверие, быть ему надежным помощником.

Возвратившись в общежитие, я написала большое письмо Юрию. В ответ он прислал телеграмму: «Еду на преддипломную практику Чита шахта Бугачача». Встречай». Дата и номер поезда. Остановиться в Иркутске не сможет, поезд стоит 30 минут, прибывает в 23. 30.

Мы с Тиной пошли на вокзал заранее, автобусы не ходили. Шли через замерзшую Ангару, по тропинке между глыбами льда. Температура минус 42, ни ветерка, настоящий сибирский мороз, здоровый, бодрящий.

Поезд пришел вовремя. Юра по моим письмам знал Тину и не удивился, увидев ее рядом со мной. Он соскочил с подножки с каким-то большим ящиком в руках и сразу начал шутить:

– Ну что ж, госпожа, вы несколько не изменились внешне, город вас не испортил. Косы не обрезала?

Я отшучивалась:

– Как же обрезать, это единственное мое украшение.

Юра возмутился поведением преподавательницы анатомии, благодарил Тину за помощь и передал пакетик – последнюю стипендию горного института.

– А это, – он показал на ящик, – пищевая дотация от нашего курса.

Тина спросила про его планы.

– Диплом и работа. Думаю, к тому времени освободят Ленинград, и Лиза будет заканчивать учебу в городе Ленина.

Я застеснялась. Тина говорила больше, чем я. Юра сказал, что возвращаться будет летом и постарается приобрести билет с пересадкой в Иркутске. Если не будет таких же строгостей.

Поезд тронулся. Юра так и не решился поцеловать меня на прощанье, но долго висел на подножке и махал нам рукой.

Тина внимательно посмотрела на меня:

– Ты говорила, вы просто товарищи. Неужели ты не понимаешь, что он сделал тебе предложение?

– Ой, не утрируй, пожалуйста, какое предложение? Он просто так, с размаху, не подумал даже. Да он ни разу не сказал мне о своих чувствах. Я его все время называла на «вы», а он звал меня цыпленком.

Ночью с вокзала решили не возвращаться, в темноте на Ангаре можно было попасть в полыню. Утром пошли не по мосту, а через железнодорожные пути. Под поездами с ящиком проползали с трудом, ставили между рельсами – одна толкала, вторая принимала с другой стороны. Так прошли три ветки. На четвертом пути стоял заснеженный товарный состав, конца его не было видно ни впереди, ни сзади. Мы выставили ящик между рельсами. Тина успела переползти под вагоном на другую сторону, и в это время паровоз загудел, дрогнули вагоны. Тина закричала: «Не лезь! Не умрем без этого ящика!» Поезд быстро набирал скорость. Какая была радость, когда состав прошел, и мы увидели, что ящик в целостности остался стоять между рельсами!

Посылка оказалась очень богатой: вермишель, крупа, сухари, сахар, две бутылки подсолнечного масла, сухое молоко. Для

Тины это не было такой уж неожиданностью, она получала военный паек. Мне было сложнее: я отказывалась от совместных с ней обедов и сдавала карточку в студенческую столовую, в которой всегда было одно и то же: борщ без картошки с мороженой капустой и чайной ложкой растительного масла, зразы из мороженой сладкой картошки. Там же я выкупала свои 400 граммов хлеба и никак не могла донести их до дома – съедала по дороге. Теперь я могла с чистой совестью ужинать дома вместе с Тиной. Завтраки вообще были отменены.

Вечером мы понесли гостинцы Владимиру Ивановичу, вместе поужинали. Он сообщил новость: сын прислал письмо – лежит в госпитале, ранен в грудь. Значит, жив. Старик оживился, стал рассказывать смешные истории из своей жизни. Попросил нас остаться ночевать – по традиции. Мы засмеялись: «По традиции мы вас лечили, готовили, убрали квартиру, а сегодня мы ваши гости». Владимир Иванович достал сочинения Гегеля и прочел нам вслух главу о традициях. «Традиции – это знание того, что создано человечеством в нужном нам направлении. Традиция – это не домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомства, традиция не неподвижная статуя, она живая и растет, подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше отходит от своего истока».

А потом сказал:

– Вы хорошо потрудились перед экзаменами, можно сказать, спасли человека, и за этот великий труд я вам очень благодарен.

Обсуждали, как проведем каникулы, которые сократили до 10 дней, так как занятия начались позже почти на два месяца.

Вскоре Юра прислал мне восторженное письмо на пяти листах. Восхищался природой, Байкалом, простыми людьми. В конце строчка: «А ты красивее становишься, как бы тебя не увели. Привет. Юрий».

Тина прочитала письмо.

– Забавный он, я же видела, как он на тебя смотрит, а боится переступить какую-то грань. Не надо было мне с тобой ходить, он был бы более раскованным.

Я возмущалась:

– Да мы просто товарищи!

Во втором семестре появились новые учебные дисциплины, приходилось много заниматься. У Тины появился молодой человек, раненый офицер, которого она знала еще в Киеве. Ему дали отсрочку с возвращением на фронт по поводу остеомиелита правой голени. Рана не закрывалась, болела нога. Он был летчиком, и ему предложили читать лекции в авиатехучилище, там он и жил в общежитии. Виктор стал приходиться к Тине, и я понимала, что мешаю их общению.

После сессии отчислили несколько человек, и в одной из комнат на 8 человек освободилось место. Я твердо заявила Тине:

– Тина, ты уедешь, как только освободят Киев, и сюда вселятся вернувшиеся с войны бывшие студенты. Я просто займу освободившееся место в другой комнате, а общаться мы будем, как и раньше.

Бурного протеста не последовало, а Виктор в ту же ночь остался ночевать у Тины. Значит, решение было правильным. Ужинать мы продолжали вместе, а потом я уходила к девушкам.

Пришло еще одно письмо от Юры в ответ на мое: «Тебя спас сам Господь! Не мог же он допустить, чтобы ты не узнала, что в ящике. Моя практика кончается в июле, я заканчиваю дипломную работу, думаю, что продолжением ее будет кандидатская диссертация. Я куплю билет до Иркутска и пробуду там некоторое время. Ты меня жди».

При переходе в другую комнату жизнь моя круто изменилась. Здесь нас было восемь. Комната квадратов восемнадцать, четыре кровати головой к одной стене, четыре – к другой. Два окна, печь, которая топилась из коридора, вешалка у двери для верхней одежды, стол посередине, между кроватями тумбочка одна на двоих. Платья вешались на изголовье кровати, под кроватью чемодан, никаких шкафов не было. Питались «коммуной».

Учеба шла ровно. В мои обязанности старосты входило прийти раньше всех в «курытник» (так мы называли аудито-

рию стоматологического корпуса на 1-ой Красноармейской), отметить каждого из 60 явившихся студентов. Не явившиеся без уважительных причин на следующий месяц лишались талончиков на хлеб в соответствии с количеством пропущенных дней. Сведения подавались в бухгалтерию. Я знала все уловки студентов: люди договариваются и отзываются за отсутствующих, поэтому у меня в аудитории все старались быть на месте.

С Тиной мы по-прежнему дружили. Раз в неделю ходили помогать Владимиру Ивановичу: мыли, готовили и, конечно, вели интересные беседы. Он уже не преподавал на старших курсах, но я навещала его до самого конца учебы.

Началась летняя досрочная сессия. Мы с Тиной решили сдать все до её начала. Подолгу засиживались в аудитории, потом в комнате Тины. Виктор сначала сердился, но потом понял, что Тина раньше закончит учебу, и не мешал нам заниматься. Сдавали экзамен в том же порядке, что на первой сессии, с той лишь разницей, что Тине достаточно было получить любую положительную оценку. Тина была не просто фронтовичкой – Героем, ей никто бы не посмел поставить двойку. А мне важно было не получить ни одной четверки.

Переписка с Юрой продолжалась. Я пообещала, что к 1 июня постараюсь сдать все экзамены. Он одобрил мое решение. Весеннюю сессию сдавать оказалось значительно легче. Меня уже знали в институте, и преподаватели встречали на экзамене как хорошо знакомого человека. 28 мая я сдала последний экзамен.

И тут меня неожиданно вызвали в деканат и предложили поехать с первой партией студентов в колхоз на прополку, до 1 июля. Объяснили, что нас сменит вторая партия, и у нас получится два месяца отдыха, а у второй – только месяц. Мне предстояло возглавить бригаду. Выбора не оставалось, и утром 30 мая мы, 32 девчонки с разных курсов, сели в поезд. Тина перебралась к Виктору, которому к этому времени выделили комнату. Я занесла свой чемоданчик с вещами Владимиру Ивановичу – общежитие летом занимали абитуриенты.

На поезде доехали до небольшого поселка, там переправились через Ангару и пошли в сельсовет. Оказалось, нам предстоит ехать дальше. Километров шестьдесят отмахали на грузовой машине. В следующей деревне нас ждал трактор с прицепом, надо было ехать еще 12 километров. Вечерело. Девчонки устали, хотелось есть и пить. Но никто не проронил ни слова жалобы. Мы все думали: «На фронте хуже». Трактор едва полз и очень дымил. На место приехали, когда уже стемнело. Бухгалтер колхоза повела нас в школу. У дверей школы стояли деревянные щиты, которыми заграждают поля от заноса снегом, и большое количество аккуратно сложенных кирпичей. Показала класс, где мы будем спать. Распорядилась: «Каждому по восемь кирпичей, по два кирпича на четыре угла, сделаете из щитов кровати. Вот солома, матрасовки и наволочки, делайте матрацы и подушки. Простыней у нас нет, одеял всего двадцать. Ну, не замерзнете, надышите. Через двадцать шагов речка, можете обмыться. Рядом в комнате бак с горячей водой и три буханки хлеба. На сегодня все, а завтра определимся».

Мы быстро поставили «кровати», набили матрасовки. К двум часам ночи пошли на речку, но купаться никто не решился, просто вымылись по пояс. Вернулись, съели по куску хлеба с солью, запили горячим чаем и уснули мертвецким сном. В девять часов пришла бухгалтер: «Я сейчас покажу вам ваш участок, будете окучивать картошку. Тяпок на всех не хватает, одни будут полоть руками, другие окучивать. Когда будет готов завтрак, за вами придут».

Вышли без разговора. Бухгалтер добавила: «У нас почта приходит один раз в неделю, а при плохой погоде еще реже, кто-то из вас должен поехать сейчас со мной в поле и рассказать последние новости. Мы месяц не получали газет, а радио после бури в деревне не работает».

Я как старшая спросила: «Кто поедет?» Все молчали. «Девочки, кто поедет?» И тут все как сговорились: «Поезжай ты».

В поле были одни женщины, загорелые, усталые и, как мне показалось, сердитые. Я рассказала, как идут дела на фронте, где теперь наши войска, какие потери. Шел 1944-й год.

Женщины стали спрашивать, что слышно о наших сибиряках и где можно узнать что-нибудь о своих.

– Вот у меня мужик ушел, и ни одной строчки...

– А у меня детишек пятеро, мал мала меньше, не подмога, а едоки...

Видимо, не перед кем было выплакать свое горе. Каждая старалась рассказать о своем наболевшем, будто я могла чем-то помочь. Говорили и работали. Привезли обед: зеленый борщ с еще не созревшей капустой, по кусочку мяса и по 200 граммов хлеба. Это был казенный обед. У каждой был еще и мешочек с домашней снедью: отварная картошка в мундире, соленые огурцы, свиное сало. Угощали меня и друг друга. Пока женщины обедали, я читала им стихи Симонова: «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» и другие. Женщины плакали и просили переписать им эти стихи. Просили, как только придет почта, чтобы я снова пришла и рассказала им последние новости.

Я вернулась к своим. Девчонкам нашим в это время привезли точно такой же обед, но добавили по две отварных картошки и чай с медом. Посреди картофельного поля стояла большая развесистая береза, под ней студентки и разместились на обед. У многих уже болели спины и руки. Двое заснули сидя. Отдохнули час, но работу надо было закончить. Я разрешила подремать, пока стоял палящий зной, но потом работали усердно и вылопали весь участок. Вернулись, когда начало темнеть. Колхозники выходили на работу раньше, но и возвращались раньше – дома ждали ребятишки, некормленная скотина, не доенная корова. Рано утром женщины доили коров, давали задания детям и уходили на весь день. Днем деревня стояла пустая, оставались одни дети, которые рано выросли, быстро становились работящими, все понимающими.

Мы напряженно трудились весь месяц. Подошло 1 июля. Смены не было. Председатель колхоза, молодая красивая жен-

щина, объявила мне, что мы уедем только тогда, когда будет смена.

– Мы выслали трактор, но он не возвращается, видно, во время бури не было переправы.

А я ведь писала Юрию, что приеду 1 июля. А что если он приедет, а меня нет? И Владимира Ивановича я не предупредила. Да и кто ему там поможет?

3 июля я решила идти пешком в районный центр. Девочки запротестовали: «Тогда пойдем все вместе». 4 июля трактор, наконец, пришел, но привез лишь 20 человек. Председатель согласилась нас отпустить, поблагодарила за работу, но трактор обещала дать только 6 числа: накопилось много работы.

Каждой из нас дали по бутылке меда, буханке хлеба и по 180 рублей. Вручили группе грамоту колхоза, благодарность за помощь.

Поскольку новеньким надо было где-то ночевать, мы решили идти пешком до райцентра. Прошли легко. Но в райцентре машины не оказалось, и пришлось ждать еще сутки. В Иркутск мы добрались только 7 июля вечером.

Тут я узнала, что Юрий прождал меня неделю и уехал, оставив ученому секретарю записку в одну строчку: «Благодарю за (теплый?) прием. Юрий».

Я тут же послала письмо в Черемхово. Ответа не последовало, хоть я и расписала подробно наши злоключения. Так закончилась эта необычная страница моей жизни.

В сентябре я вернулась в институт на занятия и поселилась в своей комнате на 8 человек. Я не переставала ждать вестей от Юрия, но их не было.

На втором курсе начались конкретные занятия по медицине. В морге следовало отпрепарировать (отделить с помощью скальпеля и пинцета) нужный орган от других тканей. Мне предстояла работа на кисти рук.

Мы пришли в морг вместе с Таней, девушкой с нашего курса. Она ушла раньше, часов в 8 вечера, а я осталась работать. Большой зал, заполненный столами с трупами, выходил в соседнюю очень холодную комнату, где хранились заморожен-

ные трупы бездомных. Уходя, Татьяна не закрыла дверь в «холодную», и туда, видимо, стал проникать теплый воздух.

Было уже часов одиннадцать, когда я вдруг услышала сначала шорох, а потом скрип, словно кто-то шел из «холодной». Я вылетела в темный коридор. Сторожа на месте не было, дверь на улицу заперта. Не помня себя, я взлетела на второй этаж, там из дверной щели пробивался свет. Сторож пил чай (это был студент старшего курса). Он, увидев меня в таком виде, тоже испугался. Я твердила, заикаясь: «Там... Там...», еще больше пугая его. Наконец, с трудом объяснила, что в морге оживает труп, он шевелится.

Парень, наконец, понял и успокоил меня: трупы, оттаивая, могут «плакать», то есть под глазами появляется жидкость, оттаявшие мышцы сокращаются, и кажется, что человек ожил. Всю ночь мы просидели с ним в кабинете патофизиологии, и я прямо оттуда пошла на занятия.

Позже приходилось задерживаться чаще – препарирование сосудов и нервов требовало аккуратности, терпения и, конечно, очень много времени.

Зато экзамен по нормальной анатомии я сдала на «отлично», и с Елизаветой Кирилловной мы стали друзьями.

Учиться становилось все интересней. После занятий и столовой я сразу шла в библиотеку, в общежитие возвращалась только вечером. Там было холодно, топить печку было нечем. Мы ходили, искали доски от заборов, сломанные скамейки. Военные зимы были особенно холодными, и в январские морозы мы спали по двое на одной кровати, закрываясь вторым матрацем. Утром с потолка отваливались корки льда, образовавшиеся за ночь.

На третьем курсе мы уже начали работать в клинике. У нас были прекрасные педагоги, талантливые врачи. Вероника Ивановна Высоцкая, челюстно-лицевой хирург, великолепно владела техникой пластических операций. Ее работа отличалась филигранностью и отточенностью исполнения. Она умела сделать человека красивым и талантливо передавала свое мастерство нам, тонко при этом прививая нам вкус к научной работе. Именно ей я обязана выбору своего профессиональ-

ного пути – я решила стать челюстно-лицевым хирургом. За время своей учебы в институте я больше 80 раз ассистировала на операциях. Занималась в научном кружке, которым руководила Высоцкая, и делала доклад по очень сложной научно-практической проблеме актиминоза, что впоследствии сыграло большую роль в моей практической работе. Занималась и в другом научном кружке – госпитальной терапии у профессора Михаила Павловича Михайлова. Под его руководством я выполняла научную работу на тему «Фитонциды при лечении заболевания легких». Вместе с ним мы выезжали летом в экспедицию для изучения целебных свойств грязей Усольского курорта при патологии суставов.

Усердная учеба не мешала мне заниматься и творчеством – я была постоянным и активным участником студенческой художественной самодеятельности. Писала сценарии, программы, юморески и стихи. В медицинском училище в основном девушки, и мы создали общую самодеятельность с Иркутским военно-авиационным техническим училищем (ИВАТУ). Организовали общий струнный оркестр, хор, ставили спектакли. В начале 1944 года состоялась первая студенческая олимпиада. Я прочитала там свою поэму «К победе», заняла 2 место и получила диплом.

Уже ясно чувствовалось, что война идет к концу. На новогоднем вечере, посвященном встрече 1945-го года, и я, предвосхищая победу, прочла на вечере свои стихи:

*Тебя мы ждали долго, терпеливо,
Шагая в ногу с трудностью невзгод,
И ты пришел, наш гордый и красивый,
Победный, новый, 45-й год.
Пройди в наш зал под гром аплодисментов,
Почтенный твой готовили приход,
Узнай все пожелания студентов,
Тебя мы просим: приходи же, Новый год!
Здесь все тебе готовили подарки,
Кто сдал экзамены, а кто зачет,
Никто и не подумал о шпаргалке,*

*Чтоб было так всегда на Новый год!
И каждый рад помочь своей Отчизне,
Чтоб наша армия на фронте шла вперед,
Чтоб люди жили новой, лучшей жизнью,
В победный, новый, сорок пятый год!*

У девушек-медичек появились поклонники из студентов ИВАТУ, вернувшихся с фронта. Был поклонник и у меня. Николай Алейниченко, высокий черноглазый юноша, хорошо играл на скрипке и гитаре. А как пел!

Он был жужанин, откуда-то из Крыма. Его изумительные бархатные глаза становились грустными, когда он исполнял под гитару песню, которую мы раньше никогда не слышали:

*Милая, не плачь, не надо,
Грустных писем мне не шли,
Знаю я, что ты не рада
Без любимого вдали.
Но знай, что время быстро пролетит,
Разобьем врагов моей земли,
До Берлина полк родной дойдет,
А там конец войны.
Загорелый, запыленный,
С автоматом на плечах,
В гимнастёрке загрязненной
И в солдатских сапогах
Милый твой по улице пройдет
В том краю, где не был так давно,
Старый дом в ряду домов найдет,
Тук-тук-тук-тук – постучит в окно.
Ну а если землю обнимая,
Ляжет с пулей он в груди,
Ты о нем не плачь, родная,
Но домой его не жди...
Пусть другой вернется из огня,
Снимет с плеч военные ремни,
И его ты, прежде как меня,
Крепко, нежно обними...*

Сколько грусти и тоски было в этих песнях... Мы слушали, как зачарованные. Через месяц часть ребят была снова отправлена на фронт, в том числе и Николай.

Первые пациенты

После окончания третьего курса мединститута меня направили на производственную практику на Усольский курорт. Там долечивались усольской иловой грязью и рассолом раненые фронтовики. В полном убеждении, что я уже все знаю и все умею, я прибыла на место практики.

В стоматологическом кабинете курорта работала Елена Фроловна Зверева, опытный стоматолог, но со средним образованием. Кабинет, как и все в первые годы после войны, был оборудован плохо. Бормашина приводилась в действие нажатием на педаль, бор крутился бесшумно, но медленно. Медики называли машину «прялкой». Однако был набор отличного хирургического инструментария, видимо, вывезенный из Германии.

Мы проработали с моим руководителем неделю. Она удивлялась моим знаниям, а я – ее опыту.

Однажды она предложила мне поработать самостоятельно часа три, ей нужно было сводить корову в ветеринарную лечебницу.

Я, уверенная, что справлюсь, согласилась без колебаний.

Через несколько минут после ее ухода в дверь кабинета постучали. Больной держался за щеку и просил срочно позвать врача. Я объявила, что врач здесь я.

– Давайте, посмотрим, что там у нас...

Молодой лейтенант резко отпарировал:

– Не знаю, что там у вас, а мне срочно надо удалить зуб.

Рот он все-таки открыл, и я определила в области четвертого зуба острый пульпит. Предложила наложить мышьяк. Он убьет нерв, и завтра можно высверлить и поставить пломбу.

Но больной категорически отказался лечить зуб и настойчиво требовал его удалить. Я не выдержала и сдалась. Четвертый зуб имеет два тоненьких, как иголочка, корня, которые, тем не менее, очень крепко, почти составляя одно целое с челюстью, зафиксированы в ней.

Не зная тогда об этих хитростях зуба, я без рентгеновского снимка сделала

анестезию и начала медленно выводить его из лунки. Зуб не двигался. Больше часа я крутилась вокруг этого зуба, молясь про себя, чтобы скорее вернулась Елена Фроловна. А она все не шла. Больной терпел, но я чувствовала, что ему уже больно. Снова сделала анестезию, начала расшатывать зуб, и вдруг он зашатался и вышел. Но... с одним тоненьким корешком. И тут же я обнаружила посредине облом второго корешка – самое страшное, что могло случиться. Эту крошку теперь можно достать в толще кости, или высверливая бором, но это очень долгий процесс, или выбивая долотом. Я снова сделала анестезию. Больной начал сердиться.

Врачи иногда оставляют такие корешки, и со временем они как любое инородное тело сами выталкиваются организмом. Я посчитала невозможным оставить корень и начала долбить долотом, выковыривая его по крохам. Лейтенант терпел.

Через три часа пришла, наконец, Елена Фроловна. Осуждающе посмотрела на меня, мокрую и усталую, но помогать отказалась, мол, будешь знать, как показывать свою удаль...

Процесс удаления длился почти два с половиной часа. Я жалела больного, а он сочувствовал мне. До конца практики я залечивала ему эту рану, делая ежедневные перевязки. Боли у него не было, но и радости особой от утраты зуба он не испытывал.

На перевязку он приходил в конце приема, а потом сопровождал до проходной госпиталя.

Похоже, что на всю жизнь он усвоил, что не следует торопиться удалять то, что можно лечить. А я потом всегда учила молодых коллег: если есть хоть маленькая возможность сохранить этот важный орган – сделай это.

Замужество

К учебе я старалась относиться серьезно, зная, что выбрала специальность, требующую ответственности и служения людям. К этому времени переехала в Иркутск второй моя сестра Галя, закончившая техникум. Она работала в конструкторском отделе авиационного завода и жила довольно далеко от меня – в Ленинском районе, но по субботам я обязательно ехала к ней в общежитие. Галя жила в комнате, где было 4 человека, кровати стояли вдоль стен, посередине стол. Мы спали с Галей на ее постели валетом.

Жили мы очень дружно, старались каждая сделать друг для друга что-нибудь приятное. Однажды я получила стипендию и решила порадовать сестру. Зашла на базар, купила свеклу, капусту, картошку и все остальное, необходимое для борща, по карточке получила 400 граммов постного масла. Мы с ней давно мечтали сварить настоящий борщ.

Комната Гали была на четвертом этаже, а кухня на первом. Там стояло 4 плиты. Очередь к ним занимали заранее. Галя приходила с работы в 6-7 часов. Я сбежала с занятий и приехала в 2 часа дня. Кухня была свободна. Я поставила кастрюлю на плиту и занялась готовкой. Вскоре по кухне разлился дурманяще прекрасный запах. К пяти часам вечера все было готово. Я взяла кастрюлю двумя руками и только приготовилась открыть дверь ногой, как в кухню стремительно влетел парень, невольно толкнув меня. Кастрюля вырвалась из моих рук, отлетела на середину кухни, борщ оказался на полу. Я горько заплакала и стала сгребать свое кулинарное сокровище в кастрюлю. Парень очень испугался, стал уговаривать меня, чтоб я не плакала, что он все восстановит. Я не могла остановиться. «В какой комнате вы живете?» – спросил парень. «В сто десятой», – ответила я сквозь слезы. «Я найду к вам». Я еще долго сидела на корточках, собирая с пола остатки несостоявшегося угощения, потом вынесла все в туалет. Сколько было радостных мыслей, связанных с этим обедом! И вот праздника не получилось.

Вечером пришла Галя, и мы просто попили чаю. А через час явился этот парень. Он принес все, что нужно для борща, и еще кусок хлеба и колбасы. Мы снова стали варить борщ, но уже на маленькой электрической плитке в комнате, хотя это не разрешалось, а потом все вместе сели за стол. Молодой человек оказался инженером на заводе и пришел вместе с друзьями – москвичами, эвакуированными в Иркутск вместе с заводом им. Менжинского, тоже авиационным. Молодого человека звали Коля Родин, через два года мы стали мужем и женой.

Родин Николай Михайлович

Родина Елизавета Никитична 1949г.

Свадьбы не было. Моя подруга-однокурсница Валя Климович, Галя, два друга Николая – вот и все гости. Коля в то время работал уже секретарем Иркутского горкома комсомола. Он получал горкомовский паек, и мы смогли угостить наших гостей. Нам выделили комнату в 10 квадратных метров в другом здании общежития авиазавода, двухспальную кровать, столик, тумбочку. С первой его полочки мы купили этажерку. В институте мне выделили 15 метров марли, я сделала шторы на два огромных окна. Собрала их воланами, как занавеси в театре, и выкрасила акрихином в лимонный цвет. Соорудила такое же покрывало на кровать. Получилось очень уютно и красиво.

Занятия в институте продолжались. Я была отличницей, и предполагалось, что я останусь на кафедре хирургической стоматологии, которой руководил хирург, доцент, вернувшийся с фронта, Константин Константинович Алкалаев. Это была лучшая кафедра в институте. Там работала и та самая Вероника Ивановна Высоцкая, которая блестяще выполняла косметические операции. Она спасла тысячи раненых, не только вылечивая их, но возвращая им нормальный облик. Позже она защитила докторскую диссертацию, стала профессором и возглавила челюстно-лицевое отделение в госпитале, ныне там располагается институт травматологии и ортопедии. Там же на кафедре работала любимица всего института Татьяна Алексеевна Петрова. Это был интеллигентнейший человек, самозабвенно служащий любимому делу хирургии и больным. Под ее руководством я после окончания вуза прошла 5-месячную специализацию по челюстно-лицевой хирургии. До последнего дня ее одинокой жизни наша семья не покидала Татьяну Алексеевну, моего любимого учителя и наставника. Мы относились к ней как к матери. В день похорон мы принесли на ее могилу 85 роз, по числу прожитых ею лет. Чувство благодарности к своим учителям я пронесла через всю жизнь.

В 1947 году я окончила институт. Так случилось, что институт с отличием окончила только я, и мне предложили остаться на кафедре хирургической стоматологии. Я согласилась, но тут категорически воспротивился мой муж, заявив, что «это иждивенчество», что надо повариться в практической медицине, а потом уж выглядывать из-за

*Доцент
Петрова Татьяна Алексеевна*

спины ученых. «Лучше быть головой мухи, чем хвостом слона», – заявил он. И я приняла предложение прийти на работу в медсанчасть Иркутского авиационного завода, тогда завода имени Сталина.

В конце июля в институте состоялся прощальный вечер. Столы были накрыты скудно, но программа праздника была интересной. Мы открыли ее песней моего сочинения, которую последние полгода исполняли как наш стоматологический гимн.

*Не ушники, не гинекологи,
Но назначенья выше нет.
В высоком званье стоматологов
Мы всем сидящим шлем привет...
Мы сверлим зубы бормашинами
И оставляем в них мышьяк,
Боятся женщины с мужчинами,
Но и без нас нельзя никак.
У нас теперь иная тактика –
Мы лечим зуб, хоть не болит,
В основе жизни – профилактика,
И каждый третий к нам спешит...
Детьми мы дома занимаемся,
Ребенок каждому нам люб,
Но зубникам, нам, представляется:
Всего важней на свете – зуб!
И никакие мы не ологи,
А назначенья выше нет,
В высоком званье – стоматологи,
Мы всем сидящим шлем привет...*

После нашего выпуска эту песню как гимн пели все последующие выпускники-стоматологи. За соблюдением этой традиции строго следил профессор Валерий Григорьевич Васильев.

К банкету мне приобрели новое платье – темно-коричневое, прозрачное, с белой розой на плече. Заказали сапожнику туф-

ли на каблучке (в магазинах туфель было не найти). Туфли вышли мягкие, удобные и крепкие, я носила их десять лет. На вечере Константин Константинович Алкалаев мне первой вручил красный диплом и пригласил сесть рядом с ним. Повторил свое предложение остаться в ординатуре. Потом долго беседовал с моим мужем и в конце сказал: «Молодец, ты правильно сделала свой выбор».

Выпускники стоматологического института 1947г. Во втором ряду третий слева зав. кафедрой хирургической стоматологии проф. Алкалаев Константин Константинович, рядом справа проф. хирург Синакевич, справа крайний доцент Недергин А.К. в 3 ряду крайняя слева Быкова Е.Н.

На следующий день мы с мужем поехали в Усолье к моим родителям. Собрали гостинцев. Мама накрыла стол. Семья заметно убавилась. Мы трое: Галя, я и Валя теперь жили в Иркутске. Бабушка Авдотья Ефимовна ушла в мир иной, светлая ей память. За стол сели родители (папе было 52 года, маме – 45), мы с мужем, Василий, которому исполнилось 22 и который уже работал на заводе шофером и готовился к свадьбе, и школьники – шестиклассник Коля и четвероклассница Милочка.

Я подала отцу диплом. Он протер очки, внимательно изучил его и сказал:

– Спасибо, вам, Лиза, Вы так порадовали меня.

Я опешила:

– Папа, ты что, какая я тебе «Вы»?

– Нет, дочка, это шаг роста семьи, еще раз спасибо.

Отец в этот вечер снова говорил о том, чему учил нас всю жизнь. Главное – трудиться, не думая о наградах, быть честным перед собой, не унижаться перед преуспевающими, помогать людям – больным, пожилым и попавшим в трудную жизненную ситуацию, жалеть животных и природу.

На следующий день мы вернулись в Иркутск, в свою десятиметровую комнатку в общежитии.

Галя к этому времени тоже вышла замуж за хорошего человека, Анатолия Иннокентьевича Метляева, он ласково называл ее Галчонком. Поселились они по соседству с нами на улице Новаторов в комнате в 18 квадратных метров, в квартире с соседями. Толя привез сюда своего пожилого отца, у которого было большое сердце. В 1948 году у них родился сын Виталик, и Гале пришлось временно оставить работу: получить место в ясли было невозможно. Валя к этому времени училась на третьем курсе в медицинском институте.

Вступление в профессию

Мне пора было выходить на работу в медсанчасть завода. Со многими жителями заводского поселка и работниками завода я была уже знакома. Мне нравился заводской поселок: и его люди, и нарядный Дом Культуры, и прекрасная баня – словом, все. Хотя многие сегодня и представить себе не могут, как жили и работали в ту трудную пору заводчане, в каких условиях трудились врачи. Поликлиника и больница медсанчасти компактно располагались в одном трехэтажном здании. Стоматологический кабинет был один, как и зубной врач – на

40 тысяч взрослого и детского населения. Очередь к врачу была живая, занимали ее за неделю, составляли списки и после работы отмечались. С острой болью принимали вне очереди, а удалять «сложные» зубы посылали в институт. Бормашина была ножная – ее называли прялкой: ногой нажимаешь, как на швейной машинке, и бор крутится в наконечнике медленно, но бесшумно и не так болезненно. Вторая стоматологическая установка прибыла из Москвы вместе с эвакуированным заведением, в 1941 году.

Обо всем этом мне еще предстояло узнать, а тогда я, юная выпускница с новеньким дипломом в руках и направлением института, стояла перед дверью кабинета главврача. Открыв дверь, я увидела бравого красивого полковника в военной форме, лет сорока пяти. Это был Ванифатий Артемьевич Берденников. Диплом у меня был с отличием, и он без проволочек предложил мне назавтра приступить к работе, а оформляться по ходу. В те годы на заводе, который был «почтовым ящиком», это было делом непростым: заполнение анкеты, проверка в первом отделе и так далее.

На следующий день началось мое знакомство со стоматологической службой. Прием шел в одном кабинете: здесь и лечили, и удаляли «легкие» зубы. Протезирования не было, операции тоже не проводились. Инструментарий мыли щетками и сушили на электрической плитке. Я удивилась: «У вас нет никакой стерилизации?» На что врач ответила: «Во рту столько инфекции, что то, что попадет с инструментом – такая малость...» Истории болезней не велись, больных просто записывали в журнал. О профилактической работе не было и речи.

Через месяц меня вызвал главный врач и спросил о моем впечатлении о службе. Я высказала свое мнение и спросила разрешения пойти по школам, чтобы изучить стоматологическую заболеваемость у детей. В поселке в те годы свирепствовали скарлатина, дифтерия и другие инфекционные заболевания. Главврач сказал: «Я все понимаю, но у меня одна ставка, в личное время – разрешаю».

В это время вернулся с фронта пожилой инфекционист Василий Семенович Федосов. Я рассказала ему о своем намерении, он обрадовался и пообещал всяческое содействие. Представительный, вся грудь в орденах, он договаривался с директорами школ, и после приема в поликлинике мы осматривали школьников по возрастным группам. Завели журнал учета учащихся и заболеваемости. Больные зубы были у 92 % учащихся и 56 % дошколят. Меня эти цифры поразили: ведь все заболевания детства зависят от состояния полости рта!

Норма приема у нас была 4 человека в час, рабочий день 6 с половиной часов. Это значит, что принять за день можно было только 25 человек. Я провела расчеты по всем показателям, по диагнозам и сделала полный расчет числа необходимых кадров стоматологов в нашем районе: только детских докторов, по нашим расчетам, нужно было семь!

В 1952 году Министерство здравоохранения по нашим расчетам издало приказ, согласно которому нам выделили сразу 12 ставок. Семь стоматологов мы направили на работу в школы, и за каждым из них дополнительно закрепили по два детских сада. Детские стоматологи ежегодно санировали всех ребятишек в этих учреждениях, а детей с тяжелыми соматическими заболеваниями – два раза в год. Уже за первый год профилактической работы число школьников, нуждающихся в стоматологическом лечении, сократилось с 92 до 67 %. Меньше стали болеть и дошкольники. Естественно снизилась и общая заболеваемость.

После приема в поликлинике я на общественных началах ходила в школы, лечила зубы, которые можно было вылечить в одно посещение, особенно у старшекласников – выпускников. Школа, о которой идет речь, была мужская. Однажды, осматривая десятиклассника, я обратила внимание на то, что он беспрерывно кашляет. Спрашиваю: «Вы давно болеете?». Он бодро отвечает: «Это у меня всегда, особенно после того, как вернулся с фронта».

Надо сказать, что в 1946-47 годах учащиеся старших классов были фронтовики, возвратившиеся в возрасте 22-23 лет. Такого же возраста была и я. Я решила послушать ученика.

Фонендоскопа с собой не оказалось, послушала ухом, постучала пальцами (называется аускультация и пальпация) и услышала хрипы и укороченный звук. Поняла, что у парня пневмония. Я отвела молодого человека в стационар, там диагноз подтвердился. На следующий день к моему кабинету выстроилась очередь учеников-фронтовиков, и все они, как могли, покашливали. Не понимая в чем дело, я усадила первого в кресло осмотреть полость рта. Осмотрела, заполняю амбулаторную карточку, а ученик продолжает стоять. «А Вы можете идти и пригласить следующего», – говорю ему. «Вы видите, я кашляю», – он кашлянул. – Вы послушайте меня, как Токарева, ухом». «Давайте, у меня сегодня с собой трубочка». Потускнел мой молодой человек и настоял, чтобы я послушала ухом. Затем мне пришлось слушать всех. К счастью, больше пневмонии не оказалось. А я сделала вид, что не разгадала их хитрость...

А вскоре предстоял поход бывших фронтовиков в ближайшую военную часть, где продолжали служить их однополчане. Поход должен был быть лыжным, возглавлял его тоже фронтовик – преподаватель военного дела. Перед походом учащиеся объявили руководителю, что они не могут идти в поход без врача, именно школьного. Вот и пришлось мне принять участие в этом лыжном походе, благо, что в институте нас активно готовили к возможно продолжительной войне. Об этом трудном походе я никогда не пожалела.

В поликлинике врачей и среднего медперсонала по-прежнему не хватало, и мне разрешили взять на работу одного врача. Дия Кирилловна Козлова, моя ровесница, была местным жителем, муж ее работал на заводе. Теперь мы вели прием с утра на двух креслах, после обеда Анна Брониславовна менялась с Дией Кирилловной, а на втором кресле работала я одна. Целый день с нами работала санитарочка тетя Катя. Инструментарий кипятили на плитке. В этом же кабинете лечили и удаляли зубы. Подбирали больных так, чтобы хирургией занималась я.

Рабочая неделя стоматолога в 50–80-е годы составляла 33 часа. При шестидневной рабочей неделе рабочий день вра-

ча продолжался 5,5 часов, плата за месяц начальной работы врача составляла 605 рублей. Через пять лет она достигала 690 рублей, через десять – 780. И последняя, самая крупная зарплата, уже при стаже в 25 лет, достигала до 1250 рублей и оставалась такой до конца работы.

Поэтому молодые врачи работали на 1,5 и 2 ставках, чтобы сводить концы с концами. Я тоже работала на 1,5 ставки в медсанчасти и еще совмещала с основной работой полставки в местной тюрьме. Дело в том, что после войны в нашем районе долго еще содержались особенно опасные преступники военного времени. Платили там ввиду этих условий врачу немного больше. Меня встречали в проходной два солдата с большой собакой. Дверь в кабинет, где я вела прием, была всегда открыта, и один из солдат во время приема сидел со мной в кабинете, а другой, вместе с собакой – напротив открытой двери. Зона была мужская, здесь практически не было ни одной женщины. Мне было 25 лет, а заключенные были самого разного возраста. На запись приходило в день до 50 человек, под предлогом осмотра чаще приходили, чтобы просто посмотреть на женщину. В преддверье впускали одного человека, остальных по одному вызывали согласно списку по радио.

Однажды привели на приём больного: могучий, с кудрявой рыжей бородой, весь в веснушках. Он жалобно говорил непонятные слова, показывая, как ребёнок, на язык. При осмотре оказалось, что язык у него распух, не вмещается в полость рта, неподвижен. В корне языка большая, грязная, кровоточащая рана. Я предположила злокачественную опухоль, начала лечить. Сделала назначения. Через день рана увеличилась.

Больной стонал и не позволял прикасаться к себе. На следующий день, в воскресенье, свой выходной день, я пришла навестить больного. Оказывается, ночью его увезли в хирургию с диагнозом «Острый живот». Прооперировали. В его желудке оказались ключи, ржавые гвозди и даже монеты.

Больной симулировал злокачественную опухоль в расчёте на досрочное освобождение. Тогда это было довольно широко распространено.

Работу в зоне я продолжала до расформирования зоны, это была хорошая добавка к зарплате.

Я была еще молода, опыт только приходил ко мне. Накапливались и случаи, смешные и не очень, из которых я извлекала уроки. Вот, например...

Заходит в кабинет старушка, а у меня в кресле сидит молодой солдат, я ему зуб удаляю. Зуб крепкий, правда, болит сильно. Можно бы и лечить, но у него через час уходит эшелон, ждать он не может. Мне бы мышьяк положить, но его больше двух суток держать нельзя, а он только через 5 дней будет на месте. А сейчас ему хоть в петлю лезь. Решили удалять. Сделала анестезию, накладываю щипцы, а зуб тяжелый, плохо прорезавшийся, как говорят стоматологи, ретинированный, нижний. Щипцы скользят, не могу ухватить. Я бьюсь, а больной на часы поглядывает. Я тоже нервничаю, ничего не получается. Придется выдалбливать долотом.

Наложили инструмент, тетя Катя, санитарочка моя, помогает. Время идет – зуб не двигается. Больной стал жаловаться на боль. Снова делаю анестезию, и вдруг зуб пошел – такой беленький, чистенький. Стою вся усталая, мокрая. А пациент как увидел свой зуб, взорвался:

– Да ты что, не видела, что он хороший? Сказала бы «нет», и все! Перетерпел бы...

Не понимает, что зуб пошел неправильно и его все равно пришлось бы удалить. Хороший я получила урок. А старушечка все сидела так же терпеливо – она пропустила солдата без очереди и теперь ждала у меня в кабинете.

Села она в кресло:

– Доченька, ты мне удали передний, глазной, боюсь я, не ослепнуть бы.

Зуб был пародонтозный, лежал на боку. Я легко, одним движением его убрала. Бабуля руки мне целовать, благодарить за то, что я лучше, чем к солдату, к ней отнеслась, так быстро и легко удалила зуб. Кланяется. Так в поклонах задом и вышла.

Я думаю: «Вот ведь жизнь: тому с таким трудом удалила, пошла на поводу, хотя могла отказать. А он меня так отчитал,

что на всю жизнь запомнила. А здесь никаких усилий и такая благодарность».

Прошло два часа. Вдруг вызывают санитарочку в коридор. Она возвращается и приносит петуха – благодарность от старушки. Я рассердилась: «Что это за безобразие – отдайте назад!»

Старушка расстроилась – решила, что петух мне не понравился. И к концу приема притащила курочку.

Когда к нам, молодым врачам, приходили такие же молодые пациенты, они часто, проникшись доверием, откровенно делились своими проблемами. Однажды ко мне на прием пришла хорошенькая девушка, школьная пионервожатая. Наташа, так звали девушку, попросила меня посмотреть зубы: она чувствует неприятный запах. Я обнаружила больной зуб и стала лечить его. На третье посещение поставила пломбу, сняла камни, и она поделилась со мной своей радостью: из Германии после войны возвращается ее парень. Она дружила с ним, но перед войной его взяли в армию. Он прошел всю войну, а затем служил еще два года. Переписывались, он писал ей почти ежедневно. И вот настал день встречи. Перед встречей она на минутку забежала к нам, ухоженная, нарядная, и поехала на вокзал. Больше всего Наташа боялась, как встретит ее его мать.

Мы не видели ее неделю. И вдруг Наташа приходит заплаканная, жалкая. И рассказывает. Молодой человек повел ее знакомиться с матерью. Та холодно осмотрела девушку и потом заявила сыну: «Да она же трегубка, посмотри, у нее верхняя губа тройная». Парень рассказал об этом Наташе и перестал с ней встречаться. Ей рассказали, что в этот вечер он на танцах был с ее подругой.

Нам захотелось помочь этой славной девушке. И мы с Дией Кирилловной, посоветовавшись, решили сделать ей косметическую операцию. Я хоть и ассистировала в институте нашему замечательному косметологу, но самостоятельно оперировала впервые. Нарисовала химическим карандашом участок, который надо удалить, наметила серединку (уздечку) и иссекла этот лишний кусочек слизистой. Операция эта довольно кро-

вавая, делала я ее на обычном стоматологическом кресле в субботу. Наложили ей кетгутовые швы, повязку и пошли проводить домой. Приказали два дня не есть и не снимать повязку. Волновались очень. Когда сняли повязку, губа была еще отекая, но очень красивая. Через неделю Наташа пошла на танцы. Весь вечер танцевала с другим парнем, а Володя ухаживал за ее подругой, и они вскоре ушли. Подходя к дому, Наташа увидела Володю – он ждал ее. «Ну что это мама выдумала – у тебя такие красивые губы»... И попросил у Наташи прощения. Мать тоже удивилась, когда снова увидела невесту сына: померещилось ей, что ли? Они поженились, и живут счастливо вот уже 30 лет.

Дела семейные

В 1948 году у меня родился первый ребенок – сын Женя. Родился он 7 сентября. В этот день мы выкопали картошку, я работала вместе со всеми. Меня «погрузили» на мешки с картошкой, на самую вершину. Дорога плохая. Машину кидало из стороны в сторону. Так и ехали всю дорогу. Разгрузились, успели сходить в баню, и у меня начались схватки. Ребенок родился здоровый, спокойный, я кормила его грудным молоком до полутора лет.

Хуже было с жильем. Жили мы, как я уже говорила, в общезимней, здесь свет в целях экономии включали утром с 6 до 8 часов, затем в обед – с 12 до 14, а вечером – с 17 до 24 часов. На улице дождь, печки нет, батареи холодные, ребенок все время мокрый, а пеленки сушить негде. Вставала в 5 утра, грела воду на электроплитке, стирала пеленки и вешала над той же плиткой, но высохнуть они не успевали. Я пускала в ход нижнее белье, свое и мужа. Когда, наконец, дали тепло, стало легче – можно было и постирать, и посушить на батарее.

Сынок рос здоровеньким, улыбчивым. Послеродовой отпуск тогда был полтора месяца. Женщины прибавляли к

ним дородовый в 12 дней и очередной отпуска за два года. Набиралось два с половиной месяца. После этого надо было выходить на работу и кроху куда-то определять. Очередь в детские ясли расписана на 3-4 года вперед. Пришлось искать нянечку. Первой была бабушка 76 лет, тоненькая, маленькая, ручки у нее тряслись, и она все время хотела пить. Условия наши ей не понравились. Для нее поставили кровать рядом с нашей, тут же ребенок. Через два месяца она ушла. Пришла Шура, совсем девочка, из деревни. Она весело играла с Женей, как с куклой. Могла зимой нарядить его в красивую кофточку и яркие носочки и в таком виде уложить в санки, чтобы погулять на улице. Кончилось это пневмонией у ребенка, и мы отказались от ее услуг.

Моя приятельница Лариса Харченко, наша заведующая поликлиникой, к этому времени получила место в яслях для своего сына и предложила нам его няню. Васильевна была красавица. Яркие синие глаза на румянном лице, вся «своя в доску». Она сказала: «Работать, я отвечаю только за ребенка. Стирать, мыть, убирать не буду. Готовить только себе, если чего-то захочется. Все ваши деньги должны лежать здесь, – она показала на шкаф, – я лишнего не возьму. К празднику – подарок, зарплата 200 рублей». Я получала за одну ставку 605 рублей. Мы приняли эти условия.

Нам к этому времени дали комнату побольше в квартире с соседями. Пол паркетный, нужно натирать. Я тру, Васильевна командует. Но к ребенку относилась безукоризненно. Все вовремя и как положено. Сама договорилась с молочницей, которая жила в своем доме на берегу Ангары, у нее же заказывала сметану, творог. Муж этой молочницы ловил рыбу, а кроме того с их огорода Васильевна приносила еще и свежие овощи. Расплачивалась сама, готовила много и вкусно, так что я, занятая с 8 утра до 7 вечера без перерыва, охотно уступила ей эту обязанность. Все соседи считали ее моей мамой.

Утром она выходила с Женей гулять в парк. Парк был рядом с поликлиникой, и я из окна могла видеть их на прогулке. Муж приезжал из города вечером, и все собирались за общим столом. Особенно любила Васильевна субботы и воскресения.

Женя с няней Васильевной

ня и сама порой приглашала наших гостей. Когда мы в субботу приходили с работы (суббота тогда была рабочим днем), стол был накрыт, и она объявляла: «Рабята, я всем позвонила, мойтесь, скоро все придут». «А какой праздник, Васильевна?» – «Я пирогов напекла, нажарила котлет, вот и праздник». Пили красное вино, много пели и танцевали, благо, соседняя комната после отъезда офицерской семьи стояла пустая. Так она и простояла 2 года. Я не смела ее занять, хотя было это вполне возможно. Но мне казалось, что это стыдно,

люди живут в общежитиях, а у нас и так комната 18 квадратов, а там еще целых 24. Услышав от меня об этой комнате, знакомая парикмахерша тут же самовольно въехала в нее, никого не спрашивая. Так мы и жили много лет, имея общую кухню.

Мы с мужем вставали утром рано, пили чай с бутербродами и бежали на работу. Васильевна вставала, когда просыпался Женя, готовила «вкусненькое» и вела его гулять.

Вечером мы читали, ходили в кино, телевизоров еще не было. Когда Жене исполнилось четыре года, нам дали квартиру из трех комнат. В жилищном отделе, где вручали ордер, женщина с заплаканным лицом вдруг обратилась ко мне: «У меня двое детей, муж ушел. Уступите мне одну комнату на несколько месяцев». Я посмотрела на начальника жилотдела. У него было ничего не выражающее лицо. Женщина плакала. «Ну пусть она переезжает в маленькую комнату», – сказала я начальнику. На Соню (так звали женщину) выписали отдельный ордер. И опять мы очутились в коммуналке.

Следующие соседи супруги Шура и Леша были очень хорошие люди. Мы жили общиной. Вместе покупали картошку

– 10 мешков на две семьи и ссыпали ее в ящик из-под пианино, который стоял на лестничной площадке. Дом был коттеджного типа – двухэтажный, два подъезда, 8 квартир. Жили одной общей семьей. Я выстираю белье, вывешу сушиться, соседи снимут, погладят и принесут. Я первая в доме приобрела во время поездки в Ригу стиральную машину и никогда не знала, у кого она сегодня. Пользовался весь дом.

В пору засолки капусты мы загружали бочку на 100 килограммов, резали всем подъездом целый день, потом мужчины выносили ее в холодную кладовку, и зимой все брали по потребности. На кухне соль, сахар, спички были общими, никто не считал, чье это. В выходные дни угощали друг друга стряпней, а потом, когда у многих появились дачи, – вареньем и домашним вином. Лестничные площадки в доме были большие, просторные, и в Новый год мы на площадке второго этажа накрывали общий стол, потом всей компанией шли на горку или на стадион. Никто не чувствовал себя забытым и одиноким. На стадионе завод наряжал большую елку, устраивалось торжественное открытие, пускали ракеты, зажигали разноцветные огоньки.

В новом доме поселилась с нами и Васильевна. Еще на старом месте Васильевна подружилась со свекром моей сестры, они часто гуляли вместе – Васильевна с Женей, а он – с внуком Виталиком. И вот через три месяца после переезда в новую квартиру Васильевна объявляет, что они с Иннокентием купили домик в Смоленщине, и она выходит за него замуж. Для нашей семьи это была катастрофа. Я плакала. Больше всех переживал уход няни Женя, для него это было настоящим горем. Встал вопрос об его устройстве в детский сад. Но проблема была в том, что Васильевна все время, что жила с нами, пугала Женю детским садом, внушая ему, что это плохо и рассказывая о нем всякие страшные истории. И когда подошла наша очередь на место в детском саду и надо было оформлять документы, Женя категорически отказался идти в «этот страшный детский сад», стал капризничать и однажды, при очередном разговоре о садике, так рванул скатерть со стола, что стоящая на нем ваза с цветами упала на пол и разбилась. Я не стала наказывать сына. Раненые цветы, лежавшие в бес-

порядке на полу, больше слов сказали мне о боли в душе ребенка. Я сама едва не расплакалась, но сказала твердо: «Ну что ж, оставайся дома, а мне надо на работу, меня больные ждут. По пути выброшу вазу и цветы». Женя замолчал и задумался.

В обед папа его покормил и долго разговаривал с ним. Но сын был непреклонен. В этот вечер он не бросился, как обычно, на встречу мне, когда я пришла с работы, а тихо сидел за диваном один. Не играл, а о чем-то сосредоточенно думал. На детском личике было такое выражение скорби, что я не выдержала:

– Пойду отнесу цветочкам воды, а то они плакали, когда я проходила мимо, да и вазе тоже больно, отнесу им лекарство». Женя оживился: «Пойдем вместе и принесем их домой».

Ваза была очень красивая, при падении у нее отломился лишь краешек, и я ее припрятала, чтобы никто не унес. Я начала разговаривать с вазой, просила от имени Жени простить нас: «Теперь Женя уже большой, он будет ходить в детский сад и никогда не будет больше обижать тебя». Мы принесли вазу домой, вымыли, приклеили отбитый краешек и водрузили на детский столик Жени. Он подолгу с ней разговаривал, гладил ее нежно, ваза стала его другом. И когда у него появилась отдельная комната, он взял ее с собой – любил больше всех своих детских игрушек.

В детский сад он с тех пор пошел, правда, не выражая ни радости, ни недовольства.

Однажды во время какого-то большого всенародного праздника в доме собралось много гостей, все засиделись допоздна. Женю уложили спать, а взрослые шумной толпой пошли во двор покататься на качелях. Стояла теплая ночь, никто не спал, веселье было общим. В три часа ночи мы проводили гостей и вернулись домой. И с ужасом обнаружили, что кроватка сына пуста. Мы обежали всю округу – ребенка не было нигде. Испуганные, измученные, мы устало брели по улице, не зная, куда кинуться в его поисках. Уже без всякой надежды подошли к детскому саду, который находился довольно далеко от дома, в двух автобусных остановках. Вошли за ограду. Женя сидел в детской машине, с увлечением крутил руль и тихо разговаривал с огромной собакой, по ночам охранявшей детский сад. Как выяснилось, Жене никогда не удавалось покататься

на этой машине – не разрешали воспитатели. Как только мы открыли калитку, собака со страшным лаем бросилась на нас, оскалив огромную пасть. Женя подбежал к собаке, погладил ее и сказал: «Это мои мама и папа. Они пришли за мной. Ты не ссучай, я завтра снова приду в садик».

Утром на следующий день на работе я начала как обычно прием. И спустя полчаса вдруг услышала в коридоре детский плач. Видимо, под впечатлением пережитого накануне я не выдержала и выскочила в коридор.

У дверей кабинета стояли две испуганные женщины. Одна из них (как оказалось, медсестра детских яслей) внесла на руках малыша лет двух, который, опустив головку, кричал каким-то неестественным голосом. Из открытого рта ребенка торчал деревянный кубик и текла кровь. Вторая женщина, воспитательница, торопливо рассказала, что он играл пирамидкой и проткнул себе рот. Попытались вытащить игрушку изо рта, кровь хлынула сильней.

Я осмотрела рану и поняла, что ребенка надо усыпить, а потом уж действовать. Анестезиолог наложила на лицо мальчику маску, дала наркоз. Ребенок быстро уснул. Я осторожно убрала пирамидку – она одним из своих острых углов разорвала часть твердого и все мягкое небо, кровь текла ручьем.

Осушив рану, я наложила первый сближающий шов на мягкое небо, там, где кровотечение было обильнее. Рана стала суше, открылось все операционное поле. Наложила швы на твердое небо, осталась еще одна ранка. Я уже вошла в один конец раны, близко к гортани, как вдруг малыш громко вскрикнул (анестезиолог на этот момент на что-то отвлеклась), и игла исчезла в гортани ребенка.

Я похолодела от страха: «Сейчас игла попадет в дыхательные пути и – смерть!»

Анестезиолог быстро капала фторотан.

Я совершенно потеряла самообладание, растерялась. И тут моя молодая медсестра Раечка приказным тоном не предложила, а прямо-таки скомандовала: «У вас же длинные пальцы, дотянитесь и схватите иглу!» Я глубоко засунула два пальца в трахею и, каким-то чудом ухватив за кончик иглу, вытащила

ее наружу. Не помню, как я закончила операцию, но прошла она благополучно.

Когда ребенка уносили, я была совершенно мокрая и долго не могла успокоиться.

Рана у мальчика зажила, как мы говорим, «первичным натяжением», ребенок здоров, весел, о страшной беде ничто не напоминает. А у меня на сердце появился первый рубец, первая незаживающая рана.

Детского стоматолога тогда в поликлинике не было – всех детей приводили к нам. На следующий день – опять случай. Грязного плачущего мальчика привела ко мне в кабинет посторонняя женщина.

Оказывается, двое ребят, один лет восьми, другой – пяти, катались на велосипеде. Старший сидел в седле, младший – на багажнике. В какой-то момент старший расхрабрился, разогнал машину, маленький трухнул, с испуга зацепился ногой за спицу заднего колеса, и оба, с размаху перевернувшись, полетели в кювет. Младший удачно отлетел в сторону, а старшему не повезло: разбил все лицо и выбил зубы.

Мальчик держал в горсти четыре передних нижних зуба, они были такие же грязные, как и сама рука. Мы с медсестрой обмыли ребенка, дали парнишке успокоительное. Я стала лечить ранки во рту, принесенные отдельно зубы мы промыли, простерилизовали и запломбировали, потом я осторожно вставила их на место, в обработанные ранки, подшила и зафиксировала шинами. Выписывая велосипедиста, я предупредила: кушать осторожно, твердое не откусывать, жевать аккуратно. Зубы, по всему, должны были прижиться.

Прошло почти полтора десятка лет, и я уже забыла об этом случае. И вдруг однажды появляется женщина – мать этого парнишки. Она стала объяснять нам, что сына после института направляют в десантные войска, а это значит – будут прыжки с парашютом...

– В армии зубы нужны крепкие, а у сына они ненадежные – такую травму перенес! – напомнила она. Пришлось идти в архивный отдел, поднимать историю болезни. При осмотре молодого человека я увидела, что зубы плотно сидят в своих

альвеолах, небольшие изменения у корней подозрения не вызвали.

Документ, подтверждающий непригодность к службе в десантных войсках, он от нас получил. Действительно, травма имела место. Но я, честно говоря, испытала профессиональную гордость: моя операция была сделана так, что никаких внешних признаков травмы не осталось.

Учиться, повышать свою профессиональную квалификацию приходилось постоянно, и я это делала с интересом и готовностью. Через год работы меня направили на челюстно-лицевую кафедру в Иркутский стоматологический институт. Я проучилась шесть месяцев и получила первую специализацию по стационарному лечению хирургических больных.

Очень важно, что в медсанчасти работало немало замечательных, опытных врачей, прошедших школу военной хирургии и готовых прийти, если нужно, на помощь коллегам. Было, например, чему поучиться у такого замечательного специалиста и человека, как наш тогдашний заведующий хирургическим отделением Иннокентий Александрович Промптов, настоящая легенда медицинского Иркутска. Когда я пришла сюда на работу, Иннокентию Александровичу было за 60. Но был он очень энергичный, деятельный, трудоспособный и пользовался большой любовью среди больных.

Помню такой случай.

Рабочий день подходил к концу. Промптов заканчивал вечерний обход. Первыми осмотрел больных, которым в этот день была проведена операция. Доктор подходил к больному, следом шли медицинская сестра и дежурный врач. Подходя

*Иннокентий Александрович
Промптов*

к кровати, сестра подставляла маленький тазик и из кувшина поливала руки доктору, затем подавала салфетку. Доктор осматривал каждого больного и пальпировал его только свежемытыми руками. Это занимало немного больше времени, но уважения к доктору было значительно больше. Он помнил каждого по имени-отчеству. Мягко и безболезненно прощупывал отёчность, назначал уколы и системы, спрашивал, как больной переносит лекарства. Внутривенные вмешательства он назначал с особой осторожностью, щадил сосуды. Если я назначала хлористый кальций или другой какой-то препарат с лёгкостью, то он отводил меня в сторонку и, ласково полуобняв, говорил:

– Дочка, отставить. Вены не помойка, нельзя их тревожить попусту, когда можно обойтись без внутренних вливаний.

Оперировал он блестяще и выхаживал больного с какой-то особой мужской нежностью. Он никогда никуда не спешил, отдавал работе всё положенное рабочее время. Небольшого роста, стриженный «наголо», тоненький, быстрый, он творил чудеса в хирургии. Отлично выполнял все полостные операции, а во время войны рискнул впервые делать операции на мозге и делал их успешно.

Врачом он стал уже в зрелом возрасте, а ранее окончил физический факультет Казанского университета, защитился, стал приват-доцентом. Женился на высокой красавице, хирурге Катерине – так он ее называл. Потом окончил медицинский институт и сам стал хирургом с «золотыми» руками.

Он много пережил, в годы репрессий отсидел какой-то срок и с тех пор в вопросах политики стал очень осторожен. Очень любил свежие мысли, хорошо понимал творческих коллег. По утрам, когда хирурги собирались в ординаторской, он обязательно рассказывал какую-нибудь историю, анекдот, любил читать стихи.

В этот день он провел две больших операции, написал истории болезней, выпил чаю и пошел на вечерний обход. Я в этот день дежурила. У меня была палата челюстно-лицевых заболеваний, но дежурили тогда по очереди все врачи, независимо от специальности.

Обход уже заканчивался, когда позвонили из «скорой помощи» – поступил тяжелобольной из Мамон, деревни под Иркутском. «Скорая помощь» располагалась на первом этаже.

– Ступай, дочка, посмотри, не разберешься, приду я, – сказал Промптов.

Я спустилась вниз. На носилках с закрытыми глазами лежал в вынужденной позе пожилой человек с синим отечным лицом. Он не дышал, а свистел, грудь тяжело поднималась. Я не могла ни спросить его ни о чем, ни прощупать пульс. Он был без сознания.

Больного подняли в хирургическое отделение. Иннокентий Александрович надевал пальто, собираясь уходить.

– Что там, дочка?

– Больной в агональном состоянии.

– Что-то мое, видимо, придется оперировать.

Промптов снова надел халат, прошли в операционную. Поставили диагноз: флегмона крылонебной ямки. Это по моей специальности. Флегмона опасная, близка к основанию черепа, может быть, уже связана с мозгом. Больной перестал свистеть, затих, похоже было, что он умирает. Я говорю:

– Иннокентий Александрович, я попробую вскрыть по переходной складке верхней челюсти и пройти в крылонебную ямку.

– Дочка, он умрет у тебя под скальпелем, фактически он уже мертв. Если бы это сделал я – мне простят, а тебе нет. Ты должна лет десять работать осторожно, а потом авторитет будет работать на тебя.

Он вышел из операционной. Я начала быстро мыть руки, сестра готовила инструменты. Стали обрабатывать операционное поле. Медсестра говорит: «У больного нет ни дыхания, ни пульса».

Я сделала большой разрез по переходной складке в полости рта, раздвинула слизистую. Повалил густой, дегтеобразный гной с резким запахом. В это время в дверях показался Иннокентий Александрович и начал быстро мыться. Когда я добралась до крылонебной ямки и дала отток экссудату, больной вдруг хрипло и протяжно вздохнул. Еще два часа мы промывали рану, делали необходимые процедуры. Время шло.

Когда закончили, Иннокентий Александрович сказал: «Пишите историю болезни, очень подробно, случай необычный. А впрочем, я посмотрю». Было уже 12 часов ночи. Жил Иннокентий Александрович от больницы далеко, машины под рукой не оказалось.

Утром больной попросил пить, а к вечеру и есть. Вскоре он выздоровел.

С тех пор принцип – «сделай для больного все, что можешь и умеешь» стал правилом в моей врачебной практике на все 60 лет моей работы. И добрая память об Иннокентии Александровиче Промптове, великолепном хирурге и человеке, эталоне врача, осталась на всю жизнь.

Еще через пять лет работы я была направлена в институт усовершенствования врачей по специальности челюстно-лицевая хирургия и травматология в город Сталинск. Институт молодой, кафедры не укомплектованы. Но в этом сибирском городе (сейчас он называется Новокузнецк) я получила самую лучшую специализацию. Заведующий кафедрой, немолодой профессор, читал лекции два раза в неделю. Его ассистентами были три молодых хирурга, вернувшиеся с войны, где они оперировали по 8–10 раненых в день.

Из истории медицины известно, что на полях первой мировой войны солдат с челюстно-лицевыми ранениями, лица у которых представляли порой сплошное месиво, даже не подбирали. Они считались неоперабельными, не было таких специалистов среди врачей. А вот во время Великой Отечественной было спасено и возвращено в строй 90 процентов таких раненых.

Хирурги, обучающие нас, были отличными специалистами, хотя и не имели ученых степеней. Методика обучения была тоже необычной. Каждый курсант получил свою палату, и по мере поступления больных сам осматривал каждого, делал нужные анализы, ставил диагноз, докладывал на планерке ход будущей операции и готовил к ней больного. Оперировал тоже сам курсант, а ассистировал ему один из ассистентов кафедры. Позже я применила эту практику при обучении своих студентов.

Учеба продолжалась шесть месяцев. За неделю до окончания курсов в мою палату поступил больной, в диагнозе которого я

не сумела разобраться сразу. Это был колхозник лет шестидесяти, худой, с коричневым пятном на щеке. Кожа уплотненная (инфильтрованная), местами красновато-синюшная, местами очаги в виде абсцессов. При прорыве абсцесса выделяется тягучая жидкость, содержащая небольшие зерна, так называемые друзы. Если эту жидкость рассмотреть под микроскопом, наличие друз подскажет диагноз – актиномикоз. Заболевание опасно тем, что процесс быстро распространяется вниз по лицу, опускаясь до верхнего легкого, инфильтрат заполняет альвеолы, и больной чаще всего погибает. В то время способов лечения этого заболевания не было, просто обозначалось: лечение симптоматическое. Мы успели лишь обсудить эту ситуацию и вскрыть один очаг.

То, что произошло дальше, иначе, чем мистическим совпадением, не назовешь.

Я возвращалась домой после окончания курсов ночным поездом. В Иркутске меня встречали коллеги. По дороге среди других новостей они, не скрывая иронии, рассказали мне об одном больном. Красавчик, инженер. Заметил у себя на щеке какое-то образование, свищик в области околоушной железы, из которого выделяется жидкость, и теперь жизни врачам не дает. Я предположила: может быть, была небольшая травма, и через травматическое отверстие теперь выделяется слюна. «Мы ему сказали, – рассказывали коллеги, – вот приедет наша заведующая и поставит все на свое место».

Приступив к работе, я пригласила больного на осмотр. Передо мной сидел очень красивый мужчина лет тридцати, с ярко-зелеными глазами, шапкой великолепных выющихся волос, ярким цветом лица. Взглянув на меня, он не скрыл иронии: «Эта девица и есть консультант?»

Я смутилась, но промолчала. Пропальпировала больной участок и поставила предположительный диагноз: сиалоденит – воспаление выводного протока околоушной слюнной железы. Назначила лечение. Прошла неделя, но улучшения не последовало.

Сделала сиалограмму. Анализ показал, что околоушная железа здорова. Прежнее лечение пришлось отменить. Я изучила

под микроскопом каплю выделяющейся жидкости и вдруг отчетливо обнаружила уже знакомые мне друзды актиномицета. Диагноз стал ясен: актиномикоз шейно-лицевой области. В то время это заболевание приравнивалось к раку, но оперативно-му лечению не подлежало.

Я испугалась, знала, что клиника здесь не поможет. Перебрала всю литературу, вычитала, что раньше назначали противовоспалительное лечение.

Он, между тем, приходил каждый день и показывал все новые свищи. Затем на их месте появлялись рубцы, кожа становилась багрово-синей. Я видела, что инфильтрат сползает все ниже. Я вскрывала каждый свищ, промывала из шприца антисептиками, обкалывала радиевыми иглами, облучала рентгеном... Лицо у пациента стало желтым, а затем коричневым.

Каждая встреча с этим человеком становилась для меня стрессом. Больной смотрел на меня ненавидящими глазами, подсчитывал каждый свищ, обещал отдать меня под суд за некавалифицированную помощь. А я не могла сказать ему, что его болезнь неизлечима. Даже мой маленький сын знал, сколько «дырочек» появилось сегодня у дяденьки, и утешал меня, когда я плакала от своей беспомощности. Мне страшно стало идти на работу.

Болезнь прогрессировала. И однажды он заявил мне, что у меня пора отнять диплом, отказался от моего лечения и потребовал передать его в клинику. По дороге в город он уничтожающе смотрел на меня своими красивыми глазами и говорил много обидного.

Профессор, к которому я привезла его на консультацию, очень внимательно осмотрел его, что-то долго писал, а потом попросил больного подождать в коридоре.

Как только больной прикрыл за собой дверь, профессор, не стесняясь в выражениях, стал выговаривать мне:

– Что же вы, сударыня, забыли, что актиномикоз заболевания пока неизлечимое, это в каждом учебнике сказано. Зачем вы везли его ко мне, зная, что я не смогу ему помочь? Лечите, как лечили, симптоматически, осталось ему совсем немного...

Выходя из кабинета, я подготовила лицо, собираясь сказать больному, что мест пока нет, и ожидала его гневной реакции. Но... больной предупредил мою ложь. Передо мной стоял сгорбленный старик с потухшими глазами. Очень тихо, едва шевеля бледными губами, он сказал: «Я слышал свой приговор, буду выполнять все, спасите меня». Мы молчали всю обратную дорогу, ему стало плохо.

Неделю мы выхаживали его в стационаре, тихого, несчастного, послушного.

В это время в Иркутске появился новый препарат – стрептомицин. На него медики возлагали большие надежды – это была новая разновидность антибиотика. Выдавали его буквально по бутылочке фтизиатрам, детским врачам, хирургам.

Я подумала: «А почему не попробовать?» Вскрыла гнойник и промыла раствором стрептомицина. Уже на следующий день часть свищей начала подсыхать, а лекарства больше нет. Я ездила во все больницы, выпрашивала эти бутылочки и по три раза в день промывала свищи. Инфильтрат начал рассасываться, и к тридцатому дню лечения осталось лишь светло-коричневое безболезненное пятно. Больной мой становился мягче и добрее с каждым днем. А вскоре вылечился окончательно.

Выписавшись из стационара, он получил путевку в южный санаторий, по дороге заехал в Москву и написал в мой адрес благодарность в Министерство здравоохранения. Недели через две мне прислали официальную благодарность Министерства и письмо из института микробиологии. Профессор Сутеев приглашал меня на работу в институт для исследования моего метода лечения и внедрения его в практику здравоохранения. Оказалось, так впервые был излечен шейно-лицевой актиномикоз.

А мой пациент долгое время каждый Новый год, каждое 8 марта и в день моего рождения заходил (большой, красивый, здоровый) ко мне на работу и с порога громко провозглашал: «Где мой любимый доктор?» Публично целовал мне руку и вручал большой букет роз.

Расту на службе

В 1952 году мне в медсанчасти выделили в хирургическом отделении палату и назначили заведующей стоматологической службой, в которую входили 4 стоматолога, 2 зубных врача, 2 медсестры и одна санитарка. Благодаря понимающему важность нашей работы руководителю медсанчасти я получила отдельный кабинет для приема хирургических больных, был организован и зубопротезный кабинет. С утра я вела прием в хирургическом кабинете, затем работала в стационаре, а с 16 часов начинали прием ортопедических больных. Протезы готовили за ширмой в том же кабинете. Больные в нашем районе стали получать квалифицированную ортопедическую помощь. По приказу Министерства нам выдали еще 12 ставок.

Открылось детское отделение – в каждой школе был зубной врач, который осматривал и санировал школьников. Заболеваемость оставалась высокой. Летом из школьных врачей создавались бригады по санации детей из яслей и детских садов.

Кадры подбирала я сама – это были мои единомышленники и друзья. Мы начали создавать цеховую стоматологическую службу на территории завода. Я пригласила на эту работу Валентину Григорьевну Тюрину, Валентину Ефимовну Крупскую, Галину Ивановну Пискунову – всего 6 врачей. В организации цеховой стоматологической службы мы стали первыми не только в Иркутске, но и в России. Регулярный осмотр с последующей санацией и профилактикой способствовал заметному снижению общей заболеваемости.

В городах начали создаваться общества стоматологов. У нас в Иркутске действовало областное стоматологическое общество, которое вначале возглавлял Константин Константинович Алкалаев, затем Александр Кирьянович Недергин, некоторое время Евгения Андреевна Чуланова.

В состав правления входили обычно заведующие профильных кафедр и руководители крупных отделений, а потом – поликлиник. Я была членом правления с 1948 по 2004 годы. Мы

готовили конференции. Областные конференции проводились раз в месяц. На них съезжались представители всех ближайших городов области – Ангарска, Усолья-Сибирского, Черемхова, Шелехова... И обязательно представители всех отделений – обычно 100–120 человек. Делегатов на конференции выбирали тайным голосованием, обычно людей творческих, способных внести что-то новое в нашу отрасль. К сожалению, все это кончилось вместе с перестройкой. Люди, сумевшие прихватить власть, выкупить клиники в частную собственность, разбогатели и стали выезжать в Москву и за границу на учебу, не имея подчас за собой никаких заслуг и достижений.

И снова о семье

Через месяц после ухода Васильевны мы вдруг почувствовали себя богачами. Раньше у нас постоянно не хватало денег. Васильевна внезапно объявляла: «Рабяты, деньги кончились». А тут вроде жили так же, а у нас появились лишние деньги. И летом мы впервые всей семьей поехали отдыхать в Сочи, заехали в Москву, к отцу Коли, в общем, путешествовали два месяца. Это была роскошь.

Отец Коли, москвич, раньше жил в деревне под Москвой, в нынешнем районе сельскохозяйственной выставки. Потом деревня вошла в черту столицы. Отец работал дворником и был хозяином двора. Всем чинил обувь, а к вечеру покупал себе «чекушечку». Жил с дочерью Аней (она была предпоследней из детей) и ее мужем. Аня и ее муж Саша – оба бывшие фронтовики, детей у них не было. Саша преподавал в педагогическом институте, а Аня работала в институте кинематографии им. Горького.

Отец очень обрадовался нашему приезду. На вокзале при встрече он мне сказал: «А я думал, Колька бурятку взял, а ты ничего».

Семья потеряла мать, когда Коле исполнилось только два года. На руках у отца осталось пятеро детей. Он никогда больше не женился, растил их один. Когда я появилась в их доме, он откровенно радовался, поверял мне свои беды и горести, и я слушала его. Очень большой, богатырского сложения человек, в такие минуты он выглядел незащищенным ребенком. Иногда он пел мне старинные деревенские песни с припевами, грустные и трогательные. Коля сердился, что он отнимает у меня время. Когда муж уходил на футбол, мы с Михаилом Аристарховичем беседовали целыми вечерами. Сейчас я вижу, что будь я еще повнимательнее к нему, могла бы услышать и узнать от него значительно больше. У нас почему-то считалось, что москвичи скупые, считают каждую копейку. Но поняла, что они такие же простые и сердечные люди, как и сибиряки. А вот чем выше их положение в обществе, тем с ними сложнее.

Мужу доставляло удовольствие водить меня по театрам, музеям и другим достопримечательностям Москвы. Особенно часто мы бывали в театре Красной Армии – он был недалеко от дома.

Однажды мы вышли с мужем из Большого театра. Он побегал за газетой, а я осталась ждать его у ресторана «Метрополь». Не прошло и минуты, как ко мне подошел элегантно одетый мужчина и двумя пальцами «поманил» к себе. Я удивилась. «Сколько?» – спросил он. Я отвечаю, что у меня нет часов. Он резко: «Сколько час?» Я опять не поняла. Он мне: «Ты что?» – и вертит у виска. Я объяснила, что нездешняя и жду мужа. «А что ж ты стоишь на месте, где нанимают женщин на ночь?»

Здесь, в Москве, жила моя любимая подруга Маша Морозова с родителями, которые очень хорошо ко мне относились. Возник вопрос о нашем переезде в Москву, но я категорически отказалась. У мужа была московская прописка, а в Иркутске временная, как у эвакуированного.

В Сочи мы приехали, ничего не зная о местных порядках. На вокзале к нам подошла женщина и предложила комнату. Начался дождь. Когда мы пришли на место, комната оказалась верандой с дырявой крышей, через нее проходили к себе все,

живущие в доме. Плата была 100 рублей в месяц как за взрослого, так и за ребенка.

Но молодость есть молодость. пляж рядом, столовая тоже, а остальное не имеет значения. Мы ставили ведра под дыры в крыше и наслаждались жизнью.

На курорте «Байкал»

В 1955 году мы расстались с мужем. На это были свои причины, но не хочу говорить о них, потому что, в общем, это был порядочный, достойный человек.

Женя пошел в школу, занимался музыкой по классу фортепьяно, правда, не очень охотно. Мы получили новую отдельную однокомнатную квартиру на 3 этаже с балконом. Соседи по лестничной площадке и здесь были хорошие, все праздники мы встречали вместе.

В один из летних отпусков моя сестра Валя, которую мы с детства в семье звали Лялей, пригласила нас с Женей к себе в гости в Комсомольск-на-Амуре, куда она переехала вместе с мужем из Хабаровска. Ехать предстояло четверо суток. Мы с Женей запаслись едой и на остановках почти не выходили из вагона. На верхней полке в нашем купе ехал молодой человек. Он спал, когда мы вошли в вагон, не встал к ужину, не встал на следующее утро, не спустился и на обед. Я встревожилась и решила его разбудить. Оказалось, он просто лежит с закрытыми глазами, не хочет общаться. С большим трудом я вызвала его на откровенный разговор. Выяснилось, что он геолог, едет из Москвы на Сахалин. На вокзале в Москве его обокрали, он остался без копейки денег. Пригласили его поесть с нами, он, стесняясь, наконец, согласился. В Хабаровске ему предстояла пересадка, а денег нет. У нас с Женей денег было не много,

но я предложила ему 100 рублей – это моя полуторамесячная зарплата. Он с трудом, но согласился взять, понимая, что у него нет другого выхода. Обещал вернуть при первой же возможности, взял мой адрес, предлагал свой, но я не стала брать – зачем? Когда мы приехали к сестре и Женя рассказал в ее семье об этом случае, ее друзья и родственники нас осмеяли.

Прошло 3 месяца, и вдруг нам в Иркутск приходят две посылки с морскими деликатесами и денежный перевод на 200 рублей. К посылке приложено теплое письмо с благодарностями. Мне было очень важно получить это письмо, чтобы Женя поверил в человеческую честность и порядочность, не потерял желания помогать людям, попавшим в беду.

Через несколько лет Вале понадобилось поехать в Ленинград на шестимесячные курсы, и она решила оставить у нас свою трехгодовалую дочку Лерочку.

*Часть нашей семьи, когда гостила у нас Лерочка.
Слева направо мой отец Быков Никита Семенович, младшая сестра Людмила, я, Лерочка, Женя, Валентина, мама Ульяна Ефремовна*

Они прилетели перед самым Новым годом. Самолет приземлился в Иркутске точно по расписанию, в половине вто-

рого ночи. Ляля спустилась с трапа, неся на руках малышку, которая сонно прошептала: «Мамоська, мы уже прилетели? Это тѐ Лизиська?» Девочка легко переместилась ко мне на руки и спросила: «Мамоська сейчас улетит?» Я удивилась, как легко и доверчиво ребенок перешел ко мне, которую знал только по фотографиям и рассказам. С мужем, вечно занятым на работе, Ляля оставить ее не решилась, доверила девочку мне. Скороговоркой перечисляла у трапа: «Купать ежедневно, она любит купаться. Каждый день свежая ночная рубашка. Чтобы не простыла, надевайте все, что на ней сейчас: шубку, под шубку...» И так далее. Объявили посадку, мы попрощались. Лерочка спокойно обняла меня за шею, улыбнулась и тут же, едва мы сели в машину, уснула. Было три часа ночи, но Женя тут же соскочил с кровати, когда мы вошли в квартиру, и восхищенно сказал: «Не девочка, а настоящий колобок!» Васильковые глазки обидчиво заморгали:

– Нет, я девочка, мне три годика и еще месяц!

Женя начал снимать с нее одежду:

– Мама, тут целая капуста!

И правда, на голове у Лерочки пуховой платок, под ним – меховая шапочка, потом пуховая вязаная шапочка и, наконец, белый платочек. Под мохнатой меховой шубкой пушистый шерстяной костюмчик, в котором она похожа на медвежонка, потом байковое платьице, а дальше нижнее белье. Сняли валенки, а там шерстяные носочки, а еще колготочки. Ребенок деловито оглядывал комнату. Я спросила: «Будем кушать или ляжем спать?» Она ответила: «Сначала в ванну». В жизни не видела более счастливого лица, когда Лерочка начала булькаться в ванне: «Какая красивая водичка, какая светлая!!»

Когда через пятнадцать минут я попыталась вынуть ее из ванны, она запротестовала:

– Нет, я еще мало купалась.

Она долго еще не соглашалась покидать ванну. Я начала потихоньку спускать воду, она удивилась, что вода убегает, наклонилась ухом к отверстию и после долгих уговоров согласилась покинуть воду.

В отдельном пакете было аккуратно уложено двенадцать красивых ночных рубашек разного цвета, с вышивкой и кружачиками. Совсем незнакомый мне мир – ведь у меня сын. Девочка взяла одну из рубашек, понюхала ее и сказала: «Наденем эту». Кушать она отказалась, и я уложила ее спать, рассказав на ночь сказку.

Утром наступила суббота, мне предстояло созвониться, чтобы решить вопрос с детским садиком. Днем пришла моя подруга с сыном Мишей. Мальчик пришел от девочки в восторг:

– Какая она красивенькая, как куколка, я на ней женюсь!

«Жениху» было пять с половиной лет. Он посещал старшую группу того самого садика, в который предстояло ходить Лере.

Через день мы начали собираться в садик. Я сама не могла налюбоваться на ребенка. Слегка волнистые каштановые волосы, брови ниточкой, будто нарисованные, длинные загнутые ресницы вокруг ярко-синих веселых глаз. Яркие щечки и вишневые губки дополняли очарование.

Гардероб у юной красавицы был богатый. Я достала голубое платьице, голубые теплые колготочки и белый бант – обязательный атрибут наряда. И получила замечание: «Это некрасиво, бант надо как платье, мама так делает». Пришлось повязать голубой бант.

За нами зашел «жених» Миша с мамой. На улице посадил ее на санки и повез в садик. Вечером воспитательница не могла нахвалиться на ребенка: такая самостоятельная, умненькая, будто всю жизнь ходила в наш детский сад. Миша несколько раз заходил в группу и спрашивал: «Тебя никто не бьет?» «Никто», – отвечала она.

Дома она так радостно общалась с Женей, просто не отходила от него. Ему надо делать уроки, а она просит, чтобы он с ней поиграл. Когда он садился за инструмент, Лерочка присаживалась с краю. Если он тихонько ее отодвигал, она бежала ко мне на кухню:

– Тё Лизиська, а Зеня меня тлогает.

Однажды, когда он отвлекся, Лера нашла бутылочку с чернилами и вышла на балкон:

– Зениська, я могу полить из бутылочки?

– Полей!

Лерочка стала поливать и попала на шедшую вниз женщину. Та, возмущенная, с криком стала стучать в дверь, требуя родителей. Лерочка испугалась и забралась под кровать. Женя открыл дверь, ребенка не нашли, и женщина пообещала вернуться и разобраться с родителями. С тех пор, когда Лерочка очень надоедала Жене, он говорил:

– Кажется, та тётя идёт...

И Лерочка мигом пряталась под кровать.

Миша неумолимо ухаживал за Лерой: играл с ней в песочнице, катал на своем велосипеде. Вместе с Женей они ходили за мороженым. Мама Леры, уезжая, предупреждала:

– Мороженое даже не показывать, сразу – ангина!

Женя начал закаливание: сначала давал немножко лизнуть, потом постепенно стали покупать такие же порции. Ангины не случилось, девочка ни разу не заболела. Ежедневное купание, прыжки, закаливание очень ее укрепили. Прошли первые двенадцать дней. Как-то я после очередной ванны решила надеть ночную рубашку повторно. Она посмотрела на нее критически, понюхала и вынесла приговор:

– Она не свежая.

Пришлось нарядить ее в Женину чистую рубашку. Со сбором в садик тоже были проблемы. Она знала, какие аксессуары нужны к каждой ее одежде и требовала эти правила соблюдать. Иногда у нее бывало плохое настроение. Тогда она садилась на маленький стульчик и очень грустно говорила:

– Ко мне пришли капризики, их надо выгнать.

Капризики делились на красненькие и черненькие. Красненькие проходили сразу и сами, а черненькие мы выбрасывали в вентиляционную решетку, стряхивая с ее платица. Сразу у нее на лице появлялась добрая улыбка. Я понимала, что в это время она скучает о маме и папе, и спрашивала:

– Ты соскучилась?

Она молчала и уходила в свой игрушечный домик.

Мы постепенно разгружали ее от лишней одежды. Сначала избавились от шали, потом сняли вторую шапочку, затем пу-

шистый костюм, сменили валенки на ботиночки. Она превратилась в обычную очень красивую девочку.

После работы я сама забирала ее из садика, а когда не успевала, просила знакомых или соседей. Однажды я запозднилась, всех детей уже разобрали. Сторож встретил меня на первом этаже и сердито сказал: «Никого здесь нет, ее забрали».

Я побежала домой – девочки не было, потом по соседям и родственникам, к воспитательнице. Обегала весь город, милицию, больницу, нигде нет. На улице ночь. Самая страшная мысль: «Украла!» Ведь сколько раз, проходя с ней по улице, мы слышали в ее адрес: «Какая хорошенькая девочка!»

Я уже не помню, где и как мы ее искали: в подвалах и на чердаках. Дважды возвращалась в группу – там тишина, никого не видно. В ее одежном шкафчике, на вешалке тоже пусто. Уже под утро, отчаявшись, я села в ее группе и заплакала навзрыд, с причитаниями. Вдруг слышу в зале детский кашель. Бегу туда: в уголочке, за пианино, на маленьком стульчике спит моя девочка и держит куклу, которую не разрешалось брать детям.

Лерочка даже не поняла, что ее не забрали из сада. Весь следующий день мы провели с ней дома.

В середине лета пришла телеграмма от её мамы, что она приезжает поездом. Но когда я сказала: «Будем встречать маму!», Лерочка как-то сжалась, не выразив радости. На вокзал поехали всей семьей. До прихода поезда дважды покупали мороженое, но она боялась есть – мама рассердится.

Валя и Лерочка

Подошел поезд, и из вагона вышла Ляля, элегантно одетая, красивая. Лерочка расцвела, засмеялась, побежала обнимать маму с мороженым в руках.

Смеялась и плакала, прижималась к ней, вымазала мороженым, не отходила от нее ни на шаг весь день, вечер и следующий день. Только тут я

Муж Вали Артур, Валя, Лера

Лера-школьница с отцом

поняла, как сильно она скучала о матери, но, не желая огорчить нас с Женей, молчала об этом.

На следующий год семья Вали переехала в Хабаровск, и летом они пригласили Женю погостить и пообщаться с Лерой, которая очень привязалась к двоюродному брату. Женя гостил там все лето, а в конце августа сестра отправила его обратно со знакомым летчиком. Телеграмму я получила вечером, а самолет прибывал рано утром. Причем прибывал не в Иркутский аэропорт – он был закрыт на ремонт, а на военный аэродром в Зеленом, на станции Белая, в 100 километрах от Иркутска

Выезжать следовало ночью, а одной в машине страшновато. Я «запрягла» своего горбатенького «Запорожца» и заехала за своей подругой. Ида тоже имела водительские права.

На Московском тракте было пусто, светало рано. Мы через 30 минут миновали Ангарск и приближались к Тельме. Неожиданно дорогу перерезала глубокая канава, по дну которой бежала быстрая речка. Раньше здесь был мостик, и мы не обращали внимания на это место. Теперь берега соединяли две толстые плахи, Стрелка указы-

вает на объезд в 3,5 километра. Показалось далеко, и мы решили рискнуть проехать по этим доскам. Я за рулем, Ида рядом.

До половины переправы проехали благополучно, и вдруг одно колесо соскочило с плахи, и машина легла на брюхо. Вокруг никого нет. Выйти не можем – висим над обрывом. Время летит быстро – висим уже 40 минут.

Вдруг показался трактор. Мы закричали, замахали руками, но он повернул обратно. Я в отчаянье: ребенок выйдет в пустом поле, где нет даже аэропорта.

Ида успокаивает: «Да неужели его отпустят одного? Не может такого быть!»

Вдруг тот же тракторист разворачивается и спрашивает: «У вас трос есть?» «Есть, – говорю, – да как достать?» Он опять развернулся и приехал с тросом. Добрался до нашего «Запорожца» и вытянул трактором на берег. До прибытия самолета оставалось 30 минут.

Едем на последней скорости, благо, дорога пустая, но что-то случилось с машиной, вести стало трудно. Погнулась ось. Когда до места осталось километров 10, мы увидели, что далеко на дороге кто-то движется. Нам навстречу с рюкзаком за спиной шагал мой сын. Я получила урок. Вот уж действительно: поспешишь – людей насмешишь. Поленилась объехать три с половиной километра и получила стресс. Хорошо, что все кончилось благополучно.

Я всегда любила свою работу

Нашего руководителя медсанчасти Ванифатия Артемьевича Берденникова пригласили возглавить областной отдел здравоохранения, и он порекомендовал на свое место Юрия Николаевича Кушеверского, Это был очень энергичный человек, красивый внешне. Выпускник военного времени, прошедший войну, хирург по специальности, он сразу вошел в курс дела и начал строительство четырехэтажного стационара мед-

санчасти. Но пока согласовывали проект, заложили фундамент, его уже пригласили заменить Берденникова, который пошел на следующее повышение.

Главным врачом медсанчасти стал Иннокентий Александрович Королев, грамотный организатор и специалист, который сразу продолжил строительство стационара и закончил его. Но вскоре и он ушел. Медсанчасть лихорадило. Один за другим менялись главные врачи. Но работа шла, медсанчасть постоянно отмечалась в числе лучших. Началась работа по диспансеризации детского населения, открылась молочная кухня.

Коллектив медсанчасти жил интересной активной жизнью. Устраивались вечера, постоянно проводились конкурсы, балы – картофельный, капустный, рыбный и так далее. Наше стоматологическое отделение всегда отличался особой выдумкой и фантазией, занимало призовые места.

Помню наш замечательный клуб «Кругозор», который просуществовал 20 лет. Возглавляла его профорг нашего отделения Светлана Николаевна Васькина, зубной врач. Посещали его как взрослые, так и наши дети. Собирались раз в месяц, готовили сообщения на разные темы, пили чай, отмечали праздники. Дети наши подружились между собой и продолжали дружить, став взрослыми.

Заседание клуба «Кругозор»

Я очень любила свою работу. Профессия врача, пожалуй, больше всего отвечала наказу отца, который внушал нам с самого детства: надо помогать людям. Моя работа позволяла облегчать страдания людей, а порой и спасать жизни. Многие мои пациенты стали моими друзьями на всю жизнь. В моей врачебной практике я могла наблюдать очень разных людей, со своими характерами, своим отношением к жизни. Смешное ходило рядом с трагическим. Многие интересные случаи я потом изложила в форме рассказов и собрала их в книжку под названием «35 встреч».

Однажды веду прием. В это время дверь кабинета распахнулась и внутрь ворвался мужчина в полушубке, с шапкой в руке, в ботинках... Он шагнул к креслу и торопливо заговорил:

– Срочно, я прошу вас... Срочно удалите мне два зуба.

Возмущенная, я резко потребовала:

– Это еще что такое? Немедленно выйдите из кабинета. Оставьте верхнюю одежду в гардеробе, наденьте бахилы, возьмите в регистратуре карточку, а потом придете к врачу!

Однако незнакомец не обратил на мои слова никакого внимания и настойчиво повторил свою странную просьбу.

– Молодой человек, это хирургический кабинет, здесь все должно быть стерильно! У меня больной в кресле, тяжело больной! И я за него несу ответственность!

Видя, что меня опять не желают слышать, я попросила медсестру:

– Нина, разберитесь, пожалуйста.

Медсестра мягко, но настойчиво пригласила вошедшего следовать за нею. Они вышли.

Больной, сидящий в кресле, между тем тоже заинтересовался необычным визитером и пробормотал:

– Как это можно – хотеть удалить два зуба сразу? Я бы так не смог...

Но тут дверь снова распахнулась. Без шубы и в бахилах, под ропот ожидающих в коридоре больных вернулся мужчина. Я кивнула ему, указав на кресло, и пошла мыть руки. Больной тревожно оглянулся на дверь.

– Так... А где ваша амбулаторная карта?

– У меня ее нет... И больных зубов тоже нет. Но удалять все равно надо. Понимаете, так получилось... Я проиграл в карты приличную сумму, а платить нечем. Напарник смилостивился, но настоял, чтобы я в счет уплаты удалил два здоровых зуба. Дал мне времени два часа, и они истекают. Вы третья, кого я уговариваю. Везде отказывают, только время потерял, у меня осталось, – он взглянул на часы, – ровно сорок три минуты. Если я не выполню условие – меня сегодня же убьют.

– Ну-у... хорошо, давайте посмотрим, что у вас во рту.

– Да что смотреть, у меня все зубы крепкие, ничего не болит.

– Что же мне прикажете удалить?

– Любые два зуба. Любые! У меня нет выбора! И если вы этого не сделаете, то уже через час меня просто не будет в живых.

– Поймите и вы меня. Я врач, я не могу делать то, о чем вы просите – удалять здоровые зубы.

Пациент оглядел кабинет диким взглядом, вскочил с кресла, схватил из раковины окровавленные щипцы:

– Тогда я удалю их себе сам!

Мы с Ниной опешили, потом бросились к посетителю, пытаясь отобрать у него щипцы. Безуспешно! Он вцепился в них мертвой хваткой.

Тогда я сказала как можно строже:

– Успокойтесь! Садитесь в кресло. А эти щипцы грязные, положите их на место, их надо мыть и стерилизовать. Итак, откройте рот... Посмотрим... Может, и найдутся зубы, которые можно удалить...

Мой спокойный голос подействовал успокаивающе. Большой широко открыл рот, испуганно глядя на инструменты. Глаза его помутнели, руки дрожали. При тщательном осмотре оказалось, что нижний седьмой справа у него разрушен, а рядом виден бугорок еще не прорезавшегося восьмого зуба.

– Можно удалить седьмой, но только один.

Однако стоило мне взять в руки шприц и попросить его снова открыть рот, у человека в кресле началась такая тряска, что он буквально чуть не выпрыгивал из кресла.

– Господи, да что с вами?! Может, я поговорю с вашим партнером? Где он? – предложила я.

– Нет, нет, ни за что! Их трое, ждут у поликлиники. А у меня кончается время. Они убьют меня!

И столько отчаяния, столько страха и безнадежности было в его голосе, что я, обменявшись с медсестрой выразительным взглядом, быстро взялась за дело. Нина дала ему валерьянки, потерла виски нашатырным спиртом, а я сделала анестезию – так, что «заморозилась» сразу половина лица.

Удаление зуба было безболезненным – три отдельные корня вышли легко.

Затем обработала луночку и в области восьмого зуба, подскоблила слизистую: создалось впечатление двух ранок, оставшихся после удаления зубов. На салфетку выложила зуб, удаленный у предыдущего больного, и зуб самого «картежника». Проинструктировала, как и что он должен объяснить.

Пациент взглянул на часы («У-ух! Две минуты осталось!») – и выскочил из кресла, не дав стереть с его лица следы крови. Было слышно, как в коридоре стремительно пронеслись и затихли его шаги.

Мы с Ниной бросились к окну. На площадке у входа в поликлинику мы увидели трех взрослых мужчин, к которым вскоре подошел наш пациент в распахнутом еще полушубке и с шапкой в руках. Те окружили его, потом стали заглядывать ему в рот – видимо, убеждались, действительно ли проигравший дал вырвать у себя два здоровых зуба. Потом «наш» полез в карман и развернул салфетку для обзора...

– Ага, поверили! Сработало! – порадовались мы с Ниной. – А что, сэкономили парню зуб-то!

Один из тройки, широкоплечий, видимо, главный, похлопал нашего по плечу, и они все направились к автобусной остановке.

Через неделю пациент позвонил нам:

– Привет доблестным стоматологам! Я жив! Спасибо вам!

В этот же день я столкнулась с другим, совсем не веселым эпизодом. Меня вызвали в детское отделение больницы. В детском отделении одиноко лежал под системой мальчик лет шести, с очень бледным личиком. Время от времени он сплевывал кровь. При моем появлении он очень обрадовался и быстро заговорил: «Тетя врач, я зубик выбросил за печку, отдал его мышке, а кровь

уже второй день течет и течет. Мне совсем не больно, только в глазах темно и нельзя двигаться». Я спросила: «А сейчас меньше, чем вчера?» «Нет, так же, – и сокрушенно добавил, – первый зубик, и такая неприятность». Я спросила, почему он один и где мама. «Она ушла вызывать специального доктора».

Я осмотрела ребенка, сделала запись в историю болезни, и тут подошла мама. Она обрадовалась, что врач уже пришел, и как приговора ждала моего заключения. Я знала, что такое медленное, незначительное «покапывание» чаще всего случается при заболеваниях крови. «Не замечали ли вы, что когда Алеша поранил что-то – руку, лицо, – как быстро у него останавливается кровь?» Мать ответила, что не обращали внимания, обычно перевязывали и меняли несколько дней повязки, когда они промокали. «А у вашего мужа не было продолжительных кровотечений при травмах?» Она извинилась и вызвала меня за дверь палаты: «Видите ли, я развелась с первым мужем, когда Алеше было три месяца, и поэтому ничего не знаю о нем. Алеша считает отцом моего нынешнего мужа».

Я предположила гемофилию, и, к сожалению, анализы это подтвердили. Гемофилия – семейно-наследственная болезнь, геморрагический диатез, связанный с нарушением первой фазы процесса свертывания крови из-за недостатка в крови одного из белков. Поэтому повреждение любого, даже самого мелкого сосуда, осложняется длительным кровотечением и значит кровопотерей.

Алеша таял на глазах. Проводили вливание крови, в том числе прямое – прямо от донора. Кровотечение не прекращалось, даже не уменьшалось. Было невыносимо смотреть, как из ребенка по капле уходит жизнь. От мальчика не отходили ни на минуту, кто-то обязательно был рядом.

На пятые сутки он уже ничего не ел, не говорил. Попробовали вводить в вену с помощью капельницы каплями аминокaproновую кислоту. Улучшения не было.

Меня отозвали на консультацию, медсестра продолжала процедуру. В это время лекарство в системе закончилось, а прерывать вливание было нельзя. Тогда медсестра принесла тот же препарат в 20-миллиметровых ампулах, набрала шприц и медленно,

в течение 10 минут ввела всю дозу, которую через систему вводили бы больше часа. И вдруг кровотечение остановилось. И Алеша пошел на поправку. С тех пор мы всех больных с таким диагнозом лечили прямым введением препарата шприцем.

А вот другой подобный случай кончился все-таки трагично.

Уже много позже, в начале учебного года в школы были направлены бригады врачей для традиционного медицинского осмотра школьников. У одного из первоклассников молодая врач-стоматолог увидела болтающийся зуб-резец. Зуб бы вскоре выпал сам. Но она решила ускорить дело и легко его удалила. Выделилась кровь, но совсем немного.

А на следующее утро в школу явился взволнованный дедушка – у Андрюши продолжается кровотечение. Врач засмеялась в ответ на тревогу деда – откуда может быть кровотечение – зуб на волоске висел.

Ночью мальчика в тяжелом состоянии увезли в больницу. При обследовании обнаружилось тяжелое заболевание крови – острый лейкоз. Больше двух месяцев Андрюша пролежал в стационаре. Выписали в удовлетворительном состоянии. Счастливая мама повела сына в «Детский мир» и разрешила выбрать любую игрушку, какую он захочет. Ребенок долго ходил от прилавка к прилавку, рассматривал игрушки, наконец, купили самую лучшую, и тут мальчику стало плохо. Он потерял сознание и был срочно доставлен в детскую больницу. Повторно ребенка спасти не удалось.

Такие случаи надолго оставляли в сердце незаживающие раны.

На базе нашего отделения ежегодно проходили практику студенты стоматологического отделения мединститута. Однажды ко мне в кабинет вбежала перепуганная врач, проводившая производственную практику со студентами.

– Елизавета Никитична, студент удалил здоровый зуб.

Она знала, что это уголовное преступление, за которое отвечает прежде всего врач. Спрашиваю:

– Больной знает?

– Пока нет, – отвечает врач.

– Где расположен здоровый зуб, нет ли рядом больных зубов?

Пошли смотреть. Оказался зуб рядом больной, но пока не тревожил пациента. Советую больному убрать и рядом стоящий, он очень скоро начнет его беспокоить. Анестезия была хорошая, и без особых неприятностей удалось избежать беды.

Был и такой случай, когда рядом стоящий зуб был здоровым, а с другой стороны – больной.

Пришлось снова делать анестезию, удалять больной, а тот, здоровый, снова вживлять в луночку, где он до этого жил, проводить ряд реанимационных мероприятий для вживления этого зуба, а потом наблюдать в течение года его состояние. Обычно вживление, то есть реплантация, проходит хорошо, без тяжелых последствий.

Конечно, врач себя чувствует очень некомфортно: больного жаль и самому страшно. Мне за свою практику много приходилось вживлять и своих, и искусственных зубов, и если все сделано правильно, то у человека этот зуб живет дольше, чем свой родной.

Врачебные ошибки бывают и в общей хирургии, когда удаляют другой парный орган – почку, ногу, руку. Преступление, но, к несчастью, такое случается.

Стоматологическая поликлиника медсанчасти, 1980 г.

*Часть коллектива стоматологической поликлиники,
я – третья слева в первом ряду*

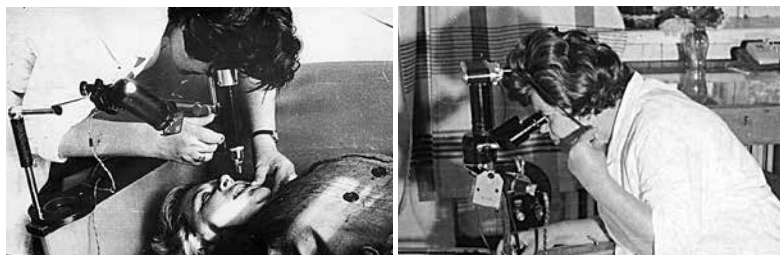
Как мы боролись с вибрацией

В 1979 году меня назначили главным врачом стоматологической поликлиники.

В нашем отделении работали уже 24 терапевта-стоматолога, 2 хирурга, 7 цеховых врачей, 7 участковых, 6 детских, 3 ортопеда и один врач в женской консультации. Весь коллектив составлял 78 человек. Мы старались успеть сделать как можно больше. Активно проводили санацию во всех детских и взрослых коллективах. Санировать означало вылечить человеку все зубы и удалить не подлежащие лечению.

В начале 60-х годов такую же профилактическую работу мы провели среди заводчан: осмотрели более 10 тысяч работников разных подразделений и столкнулись с такой закономерностью: в цехах, где использовался виброинструмент, заболеваемость пародонтитом оказалась в два раза выше. Выяснилась и другая зависимость: рабочие, которые пришли на завод подростками 14-15 лет в годы войны, заболевали уже

в зрелом возрасте, а те, кто начинал работу в 30-35 лет, приобретали эту болезнь уже через несколько лет. В чем причина? Мы начали изучение с состояния кровообращения работающей руки и полости рта. Для этого на заводе по нашей просьбе изготовили капилляроскоп на базе микроскопа Цейса. Позже этот оригинальный аппарат вызвал интерес у клиницистов и был запатентован как открытие. Благодаря этому аппарату мы выяснили, что часть лицевого скелета подвергается при работе двойной вибрации, поэтому первые признаки вибрационной болезни проявляются в полости рта. Чтобы проследить игру капилляров, необходимо было проанализировать состояние сосудистой системы. Для этого мы вывозили больных в центральную лабораторию областного центра, ежедневно по 10 человек после смены. Надо сказать, руководство завода, профсоюзный комитет заинтересованно следили за нашей работой и оказывали нам всяческое содействие. Все это позволило нам досконально изучить болезнь и начать организацию лечения, а главное – профилактическую работу с этой категорией работников.

Е.Н. Родина проводит капилляроскопию и капиллярографию

Техники-стоматологи изготовили боксерские шины, которые рабочие теперь надевали на нижнюю челюсть, чтобы уменьшить ее вибрацию. В клепальных цехах открыли кабинеты парафинолечения, грязелечения, массажа. Приобрели бочку усольской иловой грязи и рассола. Сконструировали специальные аппараты для дозирования грязи при лечении, дозиметр. Их изготавливали по нашим просьбам инженеры

НИАТа, научно-исследовательского института авиационного транспорта, действующего при заводе.

По результатам нашего исследования на заводе для клепальных цехов изменили режим рабочего дня – теперь клепальщики половину своей рабочей смены стали работать слесарями и сборщиками. Открыли прямо на территории завода пародонтологический кабинет, где проводили профилактические процедуры. И внимательно следили за тенденцией развития заболевания. Результаты этой огромной исследовательской и практической работы оказались успешными – в первый же год заболеваемость пародонтозом снизилась на 21 %.

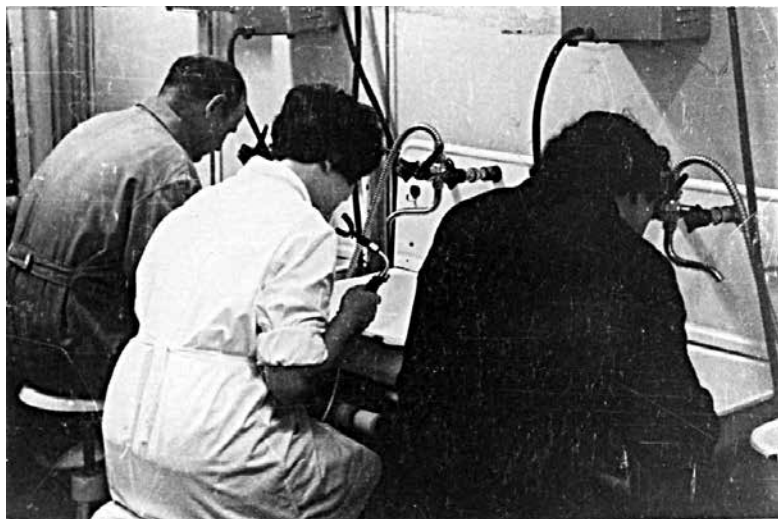
Вскоре о нашей работе узнали в области и предложили мне сделать доклад на областной конференции врачей. Вопросов ученые иркутских клиник задавали много, особенный интерес проявил к нашей работе академик К.Р. Седов, человек очень авторитетный в медицинском мире. Он никак не мог поверить, что где-то на периферии могли провести такую серьезную научную работу и на следующий день появился в нашем стоматологическом отделении лично. Увидел все собственными глазами и сказал мне:

– Да это же готовая докторская диссертация. Вы думали об этом?

– Нет, – отвечаю, – не думала.

Я и в самом деле не думала об ученых званиях – просто очень хотелось справиться с этой коварной болезнью.

Но Седов не успокоился. На следующий день он пригласил меня к себе на кафедру, попросил мой доклад и настоял на моей поездке в Москву. И уже через неделю в Центральном научно-исследовательском институте стоматологии назначили мой доклад. Директор института академик А.И. Рыбаков тоже предложил оформить эту очень важную, с его точки зрения, работу в диссертацию и дал один год на подготовку к предзащите.

Гидромассаж и вакууммассаж в клепальных цехах

Но главным результатом был вышедший по итогам нашей работы приказ по Министерству здравоохранения, который

предписывал обязательную профилактику вибрационных заболеваний и именно теми методами, которые мы впервые внедрили на нашем заводе: введение укороченного рабочего дня для лиц, работа которых связана с вибрацией, разделение рабочей смены, применение шин, массажей и многое, многое другое. А еще нам совместно с директором завода В.А. Максимовским, учеными института профпатологии и депутатом Верховного Совета РСФСР академиком К.Р. Седовым удалось добиться назначения дополнительной пенсии рабочим, страдающим вибрационной болезнью.

Однажды на улице меня остановила незнакомая женщина:

– Давно хочу вам сказать спасибо. Благодаря вам мы жили в перестройку.

Я удивилась:

– Каким образом?

– А вы выхлопотали нам пенсию по вредности. Мужа тогда уволили, сын уехал искать работу. И мы всей семьей жили на две моих пенсии – по старости и профессиональную. Слава богу, теперь все наладилось. А тогда плохо бы нам пришлось. Спасибо вам, – повторила она.

В роли водителя

Мы, работники медсанчасти, считались тружениками завода, и на нас распространялась забота заводского профсоюзного комитета. Я давно мечтала приобрести автомашину. И тут на завод поступили «Запорожцы». Я попала в число счастливых, которым профком выделил право приобрести машину. Стоил «Запорожец» по тем деньгам 22 тысячи рублей. В народе его именовали «консервной банкой», а дети называли «коньком-горбунком». Но это была очень проходимая машина и для маленькой семьи, как у нас, – «беда и выручка». Я окончила курсы шоферов и в начале ноября поехала выкупать машину. Как назло, начался первый гололед. Успел выпасть и растаять

снег, снова подморозило, и дорога превратилась в настоящий каток. Я докатила на своей новой машине до ангарского моста, благополучно въехала на него. Впереди меня еле-еле ползли две подводы. Лошади шагали неспешно, осторожно – гололед. Я – следом за подводами, не отставая, дотащилась почти до середины моста, как вдруг позади загудела машина, потом другая: требуют, чтобы я двигалась быстрее, обгоняла подводы. Потом загудели все сразу, как на похоронах шофера. Я поняла, что надо обогнать подводы, но как? Слева трамвайная линия, впереди эти лошади, а позади – целый строй нетерпеливо гудящих автомобилей... Тут со мной поравнялась легковая машина, и водитель покрутил пальцем у виска, показав, что они все думают обо мне. И я решила свернуть на трамвайную линию. Здесь-то все и началось: я кручу руль в одну сторону, а машина катится в другую... Кручусь, как волчок, и вдруг вижу – трамвай! Совсем перепугалась, не знаю, что делать! Нажала на газ, и тут догоняет меня машина ГАИ, из нее выскакивает человек в форме, подбегает ко мне:

– Выключай, подвинься!

Я немедленно подчинилась. Он сел за руль, как-то умно, тихонько обогнал подводы, проехал мост. А впереди – гора, раньше ездили напрямую, через Глазковскую гору. Я сжалась, стараясь сдержать дрожь в коленках, и говорю:

– Извините, пожалуйста, но я и этой горы боюсь...

Тут он со злостью – глаза прищурены, рот кривится – посмотрел на меня:

– А права-то у тебя есть?

– Есть, – заикаюсь я, – вчера получила...

Высказал мне автоинспектор все, что думает о женщинах-водителях, а я в ответ проямлила, что мне и дальше ехать страшно...

– Едем! – зарычал он, а сам все за щеку хватается.

Тут меня осенило:

– Что, зуб болит?

Он мне грубо так:

– Ты на дорогу смотри, а это не твое дело.

– Да нет, – внезапно осмелела я, – зубы-то как раз мое дело. Я стоматолог. Давайте заедем сейчас в поликлинику, и я вас полечу.

Побледнел мой командир, сразу на «вы» перешел:

– Да вы что, я зубы лечить больше смерти боюсь.

А у самого, я вижу, колени дрожат. Точь-в-точь, как у меня несколько минут назад.

Так до поликлиники и доехали. Смотрю, у него пот на лбу выступил, глаза испуганные. Куда только подевался уверенный тон, суровый вид. Очень жалобно просил, чтобы больно не было.

Полечила я его. Остался доволен. С тех пор я инспекторов совершенно не боюсь, в любой ситуации помню, что у них есть зубы, которые иногда болят...

Правда, и я научилась управлять автомобилем при любой погоде. Наш четырехколесный друг принес нам с сыном много радостей, но и не очень приятных приключений я не избежала.

Однажды мы с подругами возвращались на моем «Запорожце» с районной врачебной конференции.

Погода солнечная, дорога – ровный асфальт. Транспорта почти нет, вдоль дороги ровным забором тянутся деревья. Небо голубое-голубое, настроение отличное. Едем – делимся впечатлениями, рассказываем друг другу разные истории.

За разговорами не заметили, как небо покрылось тяжелыми темными тучами, они опустились и низко нависли над землей. Страшный гром, молния, и вот уже обрушился проливной дождь.

Вдруг одна из моих подруг-пассажирок, тоже шофер-любитель, кивнула на приборную доску:

– Смотри-ка, у тебя зеленая лампочка загорелась, масла нет.

Выбираюсь под дождь, вытащила щуп. Масла меньше половины, а сколько нужно до критической отметки – не помню.

Подруги говорят:

– Это опасно, сгорит двигатель. Надо кого-нибудь остановить...

Выхожу на дорогу, пытаюсь остановить машины. Они бегут мимо, только грязью окатывают. Вышла одна из коллег, очень красивая. Улыбается встречным водителям, рукой им машет, как старым знакомым, – никакого эффекта. Да и правда, какой дурак захочет в такую погоду из машины выходить?

Вдруг возле меня затормозил огромный грузовик. В кабине рядом с водителем – хорошенькая девушка, говорит водителю:

– Что там случилось? Иди, помоги!

Водитель ко мне:

– Что случилось-то?

– Масло кончилось...

Водитель без лишних слов вытащил трос, привязал нас к своей машине, и мы тронулись.

Едем быстро. Нашу машину, как игрушечную, швыряет из стороны в сторону, лобовое стекло так забрызгало грязью, что стеклоочиститель не справляется, впереди не видно ничего. Такое ощущение, что сейчас мы непременно перевернемся. Мои пассажирки кричат криком, а одна уже рыдает. Я открыла боковое стекло, высунулась, чтобы хоть что-то увидеть, и тут мне прямо в лицо прилетел огромный комок грязи из-под колес нашего «спасителя». Казалось, дороге не будет конца. Словом, эти полчаса ужаса показались нам вечностью.

Но вот, поравнявшись с автобазой, грузовик остановился. Водитель вышел из кабины и вдруг увидел нас, грязных, с испуганными лицами, которые мы пытались оттереть вытасенными из сумок медицинскими халатами. Машина наша из зеленой превратилась в черную. Шофер открыл рот и вдруг начал истерически хохотать. Смех был какой-то неестественный, явно нервозный.

– Ну и ну! Я ведь совершенно забыл, что вас прицепил. Как это вы еще не перевернулись? Пришлось бы мне оказывать первую помощь врачам. Я ж ехал со скоростью 100–120!

И, явно чувствуя свою вину, сказал:

– Ну, дайте-ка посмотреть, что случилось с вашей машиной...

Влез под капот и, еще раз оглядев нас, сказал:

– Да-а, бабы и есть бабы, хоть и врачи! Вашего масла еще на десяток поездок хватит. А вот угробить вас я мог запросто...

Он отцепил трос, с нежностью глянул на свою пассажирку и осторожно, бережно вкатил свою огромную машину в ворота автобазы.

«Запорожец» закапризничал

Суженый

Мы с соседями решили встретить наступающий, 1962 год на даче, расположенной в тайге. Это 59-й километр по железной дороге. Когда-то там работали лесозаготовители, жили в бараках. Потом бараки опустели, и работники авиазавода заняли их под дачи. Тогда, в начале 60-х, приобретение дач начало входить в моду. И вскоре стало настоящим бумом. Бараки были неказистые на вид, но главное, холодные. Мы с Женей и соседями-супругами, Машей и Мишей, взяли у наших знакомых, хозяев дачи, ключи и отправились на электричке в не-

знакомое место. Доехали вечером. Нашли домик, оглядели комнату: неуютно, холодно. Миша отправился заготавливать дрова, а мы с Машей взяли лыжи и пошли покататься на ближнюю горку. Правда, больше падали, чем ездили. Когда я упала в очередной раз, ко мне подъехал, вернее, подлетел, ловко развернувшись прыжком на лыжах, высокий парень в ярко-красном свитере и заговорил:

– Девочки, поедem со мной, тут недалеко такие слаломные трамплины...

Мы с Машей переглянулись: во-первых, мы понятия не имеем, что такое слалом, а во-вторых, мы и по плоскости-то с трудом передвигаемся. Мы поблагодарили за приглашение и, отговорившись тем, что уже давно катаемся, потихоньку отправились к своему домику.

К вечеру потеплело, пошел стеной крупный мохнатый снег. Но в комнате было по-прежнему холодно: Миша не смог растопить печь, дрова были сырые, а хворост сразу сгорел.

Недалеко от нашего домика мы видели две огромных поленницы сухих дров, конечно, чужих. Маша предложила: «Давай накинем на себя простыни и возьмем из поленницы по три полешка для растопки. В белых простынях на снегу нас никто не увидит». Так и сделали. Но только развернулись со своей добычей, как нас остановил громкий окрик: «Стой, кто идет?!» Перед нами вырос тот же рыжий парень и приказал: «Следуйте за мной!» Мы послушно побрели за ним. Показались другие парни, целая компания. Мы почувствовали себя очень неуютно. Нас ввели в большую, довольно хорошо обставленную дачу. Оказалось, здесь встречают Новый год парни и девушки из горно-металлургического института. Строгим голосом парни потребовали объяснения. Мы, заикаясь, пожаловались, что не можем растопить печь, дрова сырые. Девчонки хохотали над нашим растерянным видом, но парни хранили серьезность и объявили:

– Мы вас отпустим, если вы выпьете с нами по рюмочке и назовете ваши имена.

Маша осмелела, но, увидев на столе красное вино, заявила: – Знаете, мы медики и пьем только чистый спирт.

Парни расхохотались.

– Вам повезло. Вон в углу стоит ведро чистого спирта, можем зачерпнуть вам по кружечке.

Мы испугались.

– Ладно, зовут нас Маша и Лиза, а выпить придем к вам к наступлению Нового года. Нам надо истопить печь.

Парни нагрузились дровами и проводили нас до нашего жилища, но, увидев нашего мужчину, явно были разочарованы.

Мы истопили печку, приготовили ужин и нарядили у крылечка собственную елку. Зажгли свечи и только решили открыть шампанское, как появился тот же рыжий парень. Он по-свойски открыл бутылку, произнес тост и остался с нами у елки до 3 часов ночи. К счастью, ночь оказалась очень теплой, сменив сильнейший дневной мороз. Я читала стихи о своем «Запорожце», и он решил, что я шофер. И потом в Иркутске искал меня, называя «Лиза-шофер».

Утром мне надо было быть на работе, а Маша и Миша с Женей остались еще на два дня. В 5.30 я побежала на электричку, и дорогу мне опять пересек новый знакомый. Звали его Виктор. Я торопилась, и он, скрывая за юмором свою неуверенность, предложил:

– Давайте встретимся в Иркутске, может, и там сразу потеплеет?

Он был студентом, а я уже работала. И я подумала: «Зачем он мне?» Не желая обидеть, назначила свидание через неделю у клиники. Но получилось так, что в это время я была на конференции, и мы не встретились. Закончилась конференция поздно, и мы, голодные, зашли с подругами в пельменную. Виктор сидел за столиком с каким-то парнем. Увидев меня, вскочил, предложил нам места и шепнул мне: «А я думал, все кончено. Я же хотел сводить вас в кафе, неделю копил деньги от обедов. Испугался, что не встретимся, других координат ведь у меня нет».

После обеда Виктор проводил меня до дома и снова попросил о свидании. В это время у меня сильно болела челюсть, и я должна была лечь на обследование. Я опять намекнула ему, что он молодой, студент. На это он ответил, что три года от-

служил в армии, год работал на шахте. И настоятельно просил о встрече. Я ему сказала откровенно, что у меня есть сын и мне неловко перед ним. А я завтра ложусь в клинику, и Женя будет жить у сестры. Так, ни до чего не договорившись, мы расстались, и я легла на обследование.

Виктор приходил каждый день. Однажды робко сказал мне: «Я не знаю, что со мной, но я вот и от путевки отказался, все время хочу видеть тебя». О сыне никогда не спрашивал, и я старалась не говорить на эту тему.

После обследования тяжелый диагноз не подтвердился, и меня выписали домой. Виктор приехал за мной, но я категорически отказалась, чтобы он меня сопровождал, не хотела, чтобы его увидел мой сын. Но Виктор не отступал и поднялся на нашу лестничную площадку. Дверь распахнулась, и вдруг сын, увидев Виктора, бросился к нему и заявил: «Мама, дядя Витя будет жить у нас, спать он будет со мной. Мы с ним ходили на каток, на самбо, и еще мы побелили нашу квартиру».

Такой поворот дела поставил меня в очень неловкое положение. Оказывается, Виктор узнал адрес сестры, договорился, что будет следить за мальчиком и так влюбил его в себя, что они живут душа в душу вот уже 50 лет.

Мы с Витей

Нам не оставалось ничего другого, как пожениться. Вскоре у нас родился Андрюшка. К этому времени нам выделили новую двухкомнатную квартиру. Рождение сына было огромной радостью. Жизнь теперь наполнилась новыми хлопотами. Женя с утра уходил в школу, я на работу. Витя с утра занимался сыном, а с обеда уезжал в институт. Я дважды в день приходила кормить малыша грудью и домой возвращалась в 7 вечера. Остро встал вопрос о няне. Но бабушка, которую мы пригласили, оказалась тяжело больна, и нам пришлось в 4 месяца отдать Андрюшу в ясли. Вечером его забирал Виктор.

Однажды мне пришлось задержаться дольше обычного. Медсестра Раечка уже замыкала кабинет, когда вдруг подъехала «скорая». Привезли больную с кровотечением после удаления зуба. Зуб ей удалили в деревне, в 10 километрах от города. Все было хорошо, но она попила горячего чая, появилась сукровица. Она решила остановить кровь соленым раствором, и тут открылось настоящее кровотечение. Обычные методы остановки крови не помогли, пришлось наложить швы. На все ушло больше часа.

Наконец, все закончилось, и я устало побрела домой. Путь мой шел мимо детских яслей, которые посещал мой шестимесячный сын Андрюша. Окна здания были темные, но за ними слышался громкий захлебывающийся плач ребенка. Какая же непутевая мать забыла о ребенке, как он плачет, бедняжка, подумала я и заторопилась домой. Пора кормить моего малыша, его уже забрал, конечно, муж.

Открыла дверь в квартиру, а там темно – ни мужа, ни ребенка. Кинулась к соседям – может быть, мои зашли к ним? Нет. Я вдруг с ужасом вспомнила рев забытого ребенка. Кинулась в ясли. У выхода уборщица-сторожиха домывала пол и всячески проклинала непутевую мать.

Я ринулась в группу. На втором этаже бушевал ветер. Окно было открыто – и это зимой! Посреди комнаты в манеже лежал мой шестимесячный малыш и уже не кричал, а стонал, весь совершенно холодный и мокрый. Я сбросила шубу, схватила ребенка, прижала его к себе и укутала в шубу. Андрюшка не брал грудь и продолжал тихонько плакать. Когда он согрелся и успокоился, я быстро передела его, завернула в шубу и закрыла окно. Ребенок

взял грудь, но сосал вяло и быстро уснул. Мне жалко было нарушить его сон, и я продолжала сидеть, согревая его своим телом и шубой.

Вошла уборщица:

– Ну и долго ты тут рассиживать будешь?

– Столько, сколько сочту нужным. Вы что, специально окно открыли в сорокаградусный мороз? Ждали, когда он совсем замерзнет?

– Я что, я человек маленький. Знаю, что положено проветривать группу, а есть там кто или нет, мне какое дело?

Ночью у ребенка поднялась температура. Началось тяжелое воспаление легких, его с трудом удалось спасти, болел он долго.

Чувство собственной вины не позволило мне возбудить дело против работников яслей.

Но будто в назидание мне ситуация повторилась потом в детском саду.

Воспитательница уложила детей на послеобеденный сон и вышла. Как только за ней закрылась дверь, кто-то из озорников бросил в кого-то подушкой. Дети повскакали с кроватей и включились в игру. Услышав шум, воспитательница вернулась в группу. Кто из ребят заметил ее, успел лечь. Андрюша стоял к двери спиной и был застигнут на «месте преступления». Рассерженная воспитательница схватила его, босого, в одних трусиках и увела в туалет. Заставила стоять здесь и, уходя, сказала, что скоро из трубы в туалете вылезет черт.

Кстати, Андрюша воспитательницу эту очень любил, носил ей гостинцы из дома, подавал тапочки, когда она приходила на работу.

А «любимая воспитательница», наказав малыша, забыла о нем. Ребенок, простояв босыми ногами на кафельном полу в туалете, замерз (дело было зимой). От холода и страха ожидания черта, он сел на корточки и заплакал. Услышав плач, воспитательница ворвалась в туалет, резко подняла малыша на ноги и велела стоять, не двигаясь. А сама отпросилась пораньше с работы и ушла домой.

Когда я пришла за сыном, ребенка не могли найти. Прибежала заведующая. Наконец, отыскали его в туалете, замерзшего, пере-

пуганного. Он даже говорить не мог, только дрожал и стучал зубами. Взгляд был блуждающий, дикий. И снова мальчика пришлось лечить от пневмонии и испуга.

Воспитательницу Марину решено было уволить. Она явилась к нам домой. Не прощения просить, нет. Она просила вступиться за нее: ведь, по ее мнению, ничего особенного не произошло. Мало ли что бывает, когда работаешь с детьми...

Недостатка в игрушках у Андрюши не было. Здесь были самые разные машинки: автобусы и «Зимы», легковушки и «пожарки», и к каждой игрушке обязательно прилагалась конфета, Однажды Андрейка выставил свои сокровища цепочкой на полу, получилась целая полоса по диагонали из одного угла комнаты в другой.

А в День рождения Андрюши к нам в гости пришла его подружка Олечка. Она старше Андрюши на 7 лет, но это не мешало им дружить. Оля принесла Андрюшке свой трехколесный велосипед. Он был старенький, но с блестящим звонком и вполне пригодный для езды. Все игрушки вмиг потеряли для мальчика свою ценность. Разве могут они сравниться с настоящим велосипедом? Ему немедленно захотелось покататься, но на дворе был январь. Оля усадила Андрейку на велосипед, и он проехал по комнате в коридор. Тут мне пришлось его остановить и несмотря на протесты отправить спать.

До лета было далеко, но каждый день, возвращаясь из детского сада, он просил у меня тряпочку, мочил ее под краном и тщательно протирал каждую спицу, каждую деталь своего любимца. Велосипед стал членом семьи, Андрюша разговаривал с ним, ставил на ночь рядом со своей кроватью и засыпал с мечтой о лете.

Теперь все наши воспитательные угрозы были связаны с велосипедом. «Не съешь суп, летом не будешь кататься». И все сразу становилось на свое место.

К весне Андрюша уже хорошо катался по квартире, и было решено выпустить его на улицу 9 мая. В этот день Андрюшка проснулся в 7 часов утра и стал торопливо натягивать брюки прямо на пижаму, ботинки надел, перепутав правую и левую ноги. И стал будить отца: «Папа, велик хочет на улицу, погулять, выпусти нас, пожалуйста». Витя удивился: «Андрейка, еще рано». Но сын не отставал, и после легкого завтрака мы отпустили ребенка. Отец

видел, как сын ловко сел на велосипед и стал набирать скорость. При этом он что-то радостно и громко кричал и смеялся. Улица, чистая и нарядная, еще спала.

*Андрейка со своим
трехколесным другом*

– Андрюша, катайся только во дворе.

– Хорошо, папочка!

И стал делать быстрые и веселые круги.

Через два часа мы стали усаживаться за праздничный стол, и Виктор пошел звать Андрея. Мальчика во дворе не было. За столиком сидели любители домино, в другом конце двора играли мальчики.

– Ребята, вы не видели мальчика на велосипеде?

– Нет, не видели.

Отец выскочил на улицу, обежал дом. Между забором и углом дома, прижавшись мокрым лицом к стене, тихонько

плакал Андрейка. Лицо распухло, глаза покраснели, по щекам ползли грязные ручейки, он захлебывался слезами и не мог говорить. С трудом удалось выяснить, что какой-то мальчик взял велосипед и не вернулся.

– Ты ему сам дал?

– Нет. Я стал бросать камешки в бассейн, а велик стоял рядом. А когда я хотел опять покататься, его уже не было. Я ждал, ждал, потом бегал за мальчиком, который ехал по той стороне, но не догнал, а теперь он, наверное, заблудился и не найдет меня.

– А где бассейн? Может, он там стоит?

И они вернулись во двор. Бассейн оказался мелкой лужицей, образованной стружкой воды, вытекающей из водопроводной трубы. Велосипеда рядом не было.

От обеда мальчик отказался. Весь день он просидел у окна и грустными глазами провожал катающихся детей. И все спрашивал:

– А мальчик, когда принесет велик, найдет меня? Велик устал, ему надо помыться.

И снова и снова бежал смачивать тряпочку и клал ее рядом с собой на подоконник.

Ночью Андрейка заболел, метался, бредил и разговаривал с велосипедом, спрашивал, устали ли у него ножки и хочет ли он мыться. Соседи советовали вывесить объявление: любая мать вернет, если увидит в доме чужой велосипед.

Мы не стали этого делать, а просто купили Андрейке новый велосипед. Он был красивый, блестящий, но Андрюша посмотрел на покупку безразлично и даже не притронулся к ней.

– Папа, мне не надо этот велосипед, я подожду свой велик. Этот и мыть не надо, он весь чистый.

И подошел к окну посмотреть, не покажется ли мальчик на его трехколесном друге.

В 1963 году нас постигло большое семейное горе – после операции умер очень дорогой мне человек – отец. Это произошло по вине врача, неумело сделавшего операцию.

Наша семья в 1966 г.: я, Андрей, Виктор, стоит Женя

Наша мама пережила его почти на 20 лет. Она продолжала нам помогать, как могла. Воспитала нас, шестерых детей, а теперь нянчилась с нашими детьми. Все внуки время от времени жили у наших родителей. Я оставляла своих детей на маму, когда уезжала в командировку или на учебу. А троих детей моей сестры Милы мама растила с пеленок – ведь Мила осталась одна. И то, что все эти ребята выросли порядочными, светлыми и талантливыми, очень велика мамина заслуга. Чем дольше я живу на свете, тем больше удивляюсь маминной терпимости, трудолюбием и бесконечной добротой, граничащей с нежностью.

Когда я была маленькая и девочки-подружки хвалились своими мамами, я всегда молчала. Я и так знала, что моя мама самая красивая, самая добрая и самая лучшая из мам, но не хотела, чтобы они об этом знали. Не имея какого-либо образования, она, опираясь лишь на свою интуицию и природную мудрость, сумела выпустить в мир всех своих питомцев открытыми добру людьми, всегда спешащими помочь слабому. Несмотря на житейские трудности, она каждому из нас дала возможность учиться, получить образование и найти свое место в жизни. Умерла мама скоропостижно, в возрасте 80 лет. В моих поэтических сборниках есть немало стихов, посвященных маме. Это то малое, что я могу воздать ей за ее материнскую любовь и самоотверженность.

Жизнь продолжалась. Я по-прежнему заведовала отделением, читала лекции и вела практические занятия в медицинском училище и для интернов мединститута. Виктор начал работать технологом на заводе железобетонных изделий. Женя заканчивал школу.

Мы со старшим сыном Женей

Занятия со студентами

Работа подкидывала сюрпризы, расслабиться не давала. Однажды мы с Виктором выбрались в кои-то веки в кино. Фильм только начался, и тут дверь в кинозал приоткрылась, в темноте раздался громкий голос: «Доктор Родина, вас ждет

«Скорая помощь», выходите!». Кино, как назло, интересное, Муж возмущенно: «Когда это кончится?» Но я встаю, и мы идем к выходу.

В приемном покое пахло свежей кровью. Санитарка смывала кровавые лужи с линолеума на полу, дежурная сестра звала лифт.

В операционной на столе лежал мужчина, до подбородка прикрытый коричневой простыней. Пока я мыла руки, дежурный хирург рассказывал его историю. Больной – инкассатор. Они с охранником везли большую сумму денег, неожиданно им навстречу вывернула машина со стрелой подъемного крана. Кран резко опустился на инкассаторскую машину, на инкассатора посыпались мелкие колючие осколки стекла и части разрушенной кабины.

Больной был в шоке. Вместо лица – плоская тарелка, наполненная кровью. Левое веко оторвано и висит на волоске, нос вдавлен, скуловые кости провалились, губы разорваны, нижняя челюсть с одной стороны превратилась в мешок костей. Вся кожа на лице иссечена кровотокающими мелкими порезами.

Дежурный хирург считал, что больной до утра не доживет, поэтому надо поторопиться «сделать лицо» (чтобы в случае смерти выглядел прилично).

Когда обложили лицо салфетками, я на секунду задумалась: с чего начать? Решила подшить веко. Потрогала глазное яблоко – реакции никакой. Значит, нарушены и мышечная система, и нервная проводимость. Чтобы «сделать лицо», надо поднять скуловые кости верхней челюсти. Я туго затромбовала салфетками гайморовы пазухи – скуловые кости поднялись. В нос вставила тонкие резиновые трубки, а под носовую полость – тампоны. Единственную подвижную часть лицевого скелета собрала на дугу тонкой лигатурной проволокой и вывела на марлевую шапочку с помощью крючков. Чтобы остановить кровотечение из многочисленных лицевых порезов, пришлось наложить более двух сотен швов волосом.

Операционная сестра говорит: «Зачем вы так стараетесь, волосом шьете, кто это увидит?» «По привычке», – отвечаю.

Операция инкассатору

Написала историю болезни, изложила ход операции, взглянула на часы. 4 часа 25 минут. В коридоре на скамейке дремлет муж. Говорю: «Может, мне остаться до конца, зафиксировать смерть?» Решили все-таки пойти домой. На улице ни души. Воздух чистый, мягкий, после операционной это особенно приятно.

Долго не могла уснуть. Ничего не знаю об этом человеке, но как-то тоскливо и жалко его.

Утром встала, уверенная, что больной уже вывезен на лестничную площадку – сюда, под лестницу, через два часа после смерти выкатывали на каталке умерших перед тем, как отвезти в морг.

Кидаю туда взгляд, но на лестничной площадке пусто. Захожу в ординаторскую, навстречу мне улыбается дежурный хирург:

– Ваш крестник жив. И вроде пытается что-то сказать.

В палате двое. Молодой парень смачивает губы моему пациенту мокрым бинтом, намотанным на палочку. Палатная санитарка домывает пол, в окно ярко светит утреннее солнце, освещая перевязанное лицо и голову моего инкассатора. Он что-то пытается мне сказать. Бинты промокли, но перевязку я

решаю перенести на вечер. Сделала назначения и ушла вести прием.

Вечером больной (выяснилось, что зовут его Павел Парфенович) попытался мне пожаловаться на боль. Я пропальпировала ему голову, шею, уши, но, видимо, в место боли не попала. Бинты опять трогать не стала. Через день – перевязка. Удивительно, но все мелкие раночки затянулись, их почти не видно, только, как усики, торчат кончики волоса. Веко держится хорошо, нос красивый, прямой, четко обозначились бугорки щек, только нижняя челюсть выведена на крючки марлевой шапочки. Больной пишет записку: «Здесь все хорошо. Сильно болит нога, бедро в области головки». Все удивляются: «Ну надо же, выкарабкается».

Посмотрел общий хирург: «На рентген!» Снимок показал оскольчатый перелом шейки бедра, нужна операция. Но наркоз надо вводить через рот или нос, а такой возможности нет, надо ждать еще недели две.

На следующей перевязке больной опять пишет записку: «Е.Н.! Я не вижу левым глазом. Будете выписывать, не пишите, что он ослеп. Мне осталось 4 месяца до пенсии, а меня уволят по здоровью». Потом посмотрел в маленькое зеркальце, улыбнулся и написал: «Нос у меня был с горбинкой, а теперь прямой, как у Аполлона. Я бабник, сейчас стал еще привлекательнее. Спасибо».

Мне стало и смешно, и радостно: человек еще не знает, что будет с ногой, но уже видит себя здоровым. Через две недели сделали операцию на ноге. Нога стала короче. Когда я заполняла выписку из истории болезни, Павел Парфенович попросил записать диагноз полностью: на работу его не возьмут из-за укороченной ноги, а если присоединится и глаз, дадут группу инвалидности более подходящую, значит, пенсия будет больше.

Моя профессия часто нарушала наши семейные планы. В другой раз мы приобрели путевки на юг и, получив отпуска, собирались отдохнуть втроем, мы с мужем и Андрюша. Женя в это время служил в армии. Но тут на заводе случилась авария.

Летчики при неудачной посадке получили травмы головы и лица. Меня задержали, пришлось сдать путевки. Руководители завода пообещали, что как только летчики после операции пойдут на поправку, нам не только выделят путевки, но и отправят с попутным рейсом заводского самолета.

Так и произошло.

Путевки нам выделили в Цихидзири, под Сухуми. Летели комфортно. Во время плановой остановки в Ташкенте ходили по великолепным южным базарам, закупили фруктов – арбуз самый лучший стоил 1 рубль – и полетели дальше, до Сухуми. Сын был в восторге от полета, моря, садов.

Добрались до здравницы, заходим в приемный покой. Очень сердитая медсестра ткнула в сына пальцем; «А это еще чей?» Сын быстро ответил: «Папин».

– Вы что, не знали, что вас с ребенком не примут?

– Нет, не знали. Мы надеялись, что детская путевка поможет нам поселиться вместе.

– Я вас оформлять не буду. В пяти километрах отсюда есть поселок, везите ребенка туда, они принимают детей в частном доме.

Ребенку три с половиной года, он никогда не жил с чужими людьми, как же можно доверить его в чужом городе незнакомым людям? Решили отказаться от путевок и поселиться где-нибудь в Сухуми. Но тут подошла к нам милая, приятная женщина в белом халате.

– А вы сходите к Илиасу, директору санатория, он на горе живет, может быть, поселит ребенка у себя?

На гору вели сто две ступени. Жара, солнце палит, ребенок хочет спать и есть. У дома Илиаса толпа, многие громко причитают, плачут. Впечатление такое, будто кто-то умер. Спрашиваю, что случилось.

– Илиас умирает, а «скорая» не едет.

Прошу меня пропустить. Встали стеной.

– Я врач, – говорю, – может, смогу помочь?

Расступились. Я вошла в дом. На кровати в какой-то неестественной позе лежал грузный мужчина лет пятидесяти с серым, землистым лицом. Открытым ртом он, как рыба, хватал

воздух и задыхался. Я попросила ложку и заглянула ему в рот. Набухшие миндалины величиной с крупную черешню ярко-бордового цвета почти закрыли гортань, перекрыв воздуху доступ в легкие. Я быстро вымыла руки и попросила опасную бритву, которую мы прокалили на горящем самогоне. Велела быстрее вскипятить воду и развести в трехлитровой банке две столовые ложки соли. Но как только я подошла с бритвой к больному, женщины громко заголосили, попытались вырвать у меня из рук этот заменитель скальпеля. Стоило больших усилий их успокоить.

Едва я коснулась бритвой поверхности миндалин, как изо рта у больного полилась черно-зеленая зловонная жидкость. Больного повернули на бок, и жидкость все текла и текла. Когда, наконец, остались лишь капли, лица женщин посветлели, подобрели взгляды.

Соленым раствором с помощью детской клизмы я приступила к промыванию горла. Больной молчал. Наступил вечер, я продолжала свою работу. Только попросила хозяйку покормить ребенка и, если можно, уложить его спать.

Мужа и сына провели в отдельную комнату, покормили, пригласили к столу и меня.

Я знала, что опасность еще не миновала, что свежие разрезы могут легко сомкнуться, и все начнется сначала. Я попросила прокипятить бинт и ножницы, сделала тоненькие жгутики и вставила их в раны. По ним жидкость будет стекать в рот, значит, рот надо постоянно прополаскивать. Спрашиваю у домочадцев:

– А у ваших медиков в санатории, наверное, должны быть пенициллин, новокаин, шприцы?

Быстро послали гонцов в санаторий. Пришла та самая милая женщина, которая направила нас к Илиасу, принесла все, кроме новокаина. Пришлось разводить пенициллин кипяченой водой. Поставили больному укол, другой бутылочкой промыли раны. Я просидела возле больного всю ночь. «Скорая» так и не приехала. Первое, что Илиас сказал мне утром, когда пришел в себя:

– Я – как огурец (видимо, хотел сказать: «свеж, как огурчик»).

Жили мы у Илиаса три дня. Теперь мне неловко было просить его решить наш вопрос, вроде бы требовать от него благодарности за помощь.

На четвертый день Илиас собрался на работу и сказал;

– Я распорядился, чтобы вам в санатории выделили отдельную комнату вместе с сыном. Сейчас я вас отвезу.

Комната оказалась великолепная, с видом на море. Илиас возил нас по Сухуми, с гордостью показывал нам все достопримечательности в городе и его окрестностях. А когда окончился срок нашего пребывания на курорте, отвез нас в аэропорт и, прощаясь, сказал:

– Вы спасли мне жизнь. Я ваш должник, и когда бы вы ни захотели приехать сюда, вам будет оказан самый радушный прием и мной, и моим народом.

*Семья Чурсиных.
Сидят: отец Виктора
Андрей Георгиевич, Андрюша,
жена Андрея Георгиевича;
стоим мы с Виктором. 1967 г.*

На обратном пути мы решили заехать в Талды-Курган, там при выходе на пенсию поселились отец Виктора Андрей Георгиевич с мачехой.

Отец вышел к нашему поезду в военной форме, вся грудь в орденах. Витя показал на него Андрюше:

– Вон военный стоит. Это твой дедушка Андрей Чурсин.

Не успели оглянуться, как сын подлетел к деду, обнял его колени и твердит:

– Ты Андрей Чурсин и я Андрей Чурсин. Мы два Андрея!

Дед растерялся и растрогался – это был его первый родной внук. Взял его на руки,

рассматривает, улыбается – очень обрадовался нашему приезду. Он всю войну командовал эскадрильей, и здесь у него было много друзей-летчиков. Так что Андриюше повезло – покатали и на самолете, и на танке. Целый день дед возился с внуком, а ночами мы подолгу беседовали с этим интересным, прожившим нелегкую жизнь человеком, так что даже мы почувствовали, что Витина мачеха испытывает ревность к нашей семье.

Тогда я узнала много нового о жизни семьи Виктора. Но особое впечатление произвел на меня рассказ мужа о его военном детстве. И я записала его.

Детство Вити

Витюшке не было еще четырех лет, когда началась война. Жили они в Казахстане, тогда советском, в городе Змеиногорске. В их двухэтажном доме со второго этажа, где находилась их квартира, вела широкая деревянная лестница, по ее перилам было удобно съезжать вниз. В доме было только два подъезда, в каждом жили его друзья. В большом дворе разместились сеновал и стайка, в которой жила красавица Манька, их большая корова, расписанная, как на картинке, красными и белыми пятнами. Мама очень дружила с Манькой, называла ее «моя хорошая» и перед дойкой обязательно выносила ей кусок черного хлеба с солью.

Дом стоял рядом со спиртовым заводом, где Витин отец работал директором. Когда мама стала женой отца, она привезла с собой сына, а Вити еще не было на свете. А когда он появился на свет, старший брат не мог смириться, как он считал, с соперником, ревновал к нему маму, часто обижал его, доводя до слез. Так что когда Витя немного подрос, он старался держаться подальше от брата и дружил со сверстниками из соседнего подъезда.

В один из первых дней войны отец пришел с работы раньше обычного, привез разные фрукты и еще выложил на стол что-то большое и круглое. Взял Витюшку на руки, поцеловал несколько раз и объявил: «Сынок, я уезжаю на фронт, ты слушайся маму и Юру». «Ладно», – сказал Витя и побежал к столу, где лежали такие соблазнительные угощения. Он не очень заметил отсутствие отца: тот каждый день пропадал на работе, уходил, когда мальчик еще спал, а возвращался, когда тот уже спал, так что Витя не видел его порой неделями.

Виктор Чурсин. 1955 г.

С утра мама доила их кормилицу Маню, поила братьев парным молоком, и они отправлялись по своим ребячьим делам. Во дворе дома был маленький огород. Витя рвал там морковь и съедал слегка помытую, огурец вовсе не мыл, и у него часто болел живот.

Против дома была красивая зеленая поляна, где иногда паслась Манька. Обычно корову вечером встречала мама. Но однажды случилось так, что мать запозднилась, и Маньку никто не встретил. Корова подошла к подъезду, помычала и, не получив ответа, открыла рогами дверь. Потом, поднявшись по лестнице на второй этаж, попыталась войти в квартиру. Сбежались соседи. Все суетились, бурно обсуждая, как помочь теперь корове спуститься. Один из соседей взял ее за рога и начал подталкивать вниз, другие, забежав вперед, представляли ей ноги. Так медленно и осторожно удалось спустить корову во двор. Когда мама вернулась, Манька жалобно мычала и лизала ей руки.

Когда Витьку исполнилось пять лет, мать вышла на работу, теперь встречать Маньку стало обязанностью Вити. Однажды мальчики из их дома, как обычно, встречали коров с пастбища. И вдруг увидели: коровы бегут с дикими глазами, задрав хвосты трубой и дико мыча. Ребята едва успели отбежать в сторону – стадо промчалось мимо. День был жаркий, коров замучили пауты, и теперь они, потеряв голову от боли, неслись куда глаза глядят. Витек увидел Маньку и погнался за ней. Орал во все горло, плакал, но корова не останавливалась. Наконец она добежала до какого-то куста, встала в тень и стала чесаться о ветки. Мальчик догнал корову, но подойти ближе побоялся, сел на кочку поодаль и тихо заплакал. Стало смеркаться. Корова не двигалась, а он тоже боялся встать с места. Уже взошли звезды. Мальчик опять горько заплакал и громко сказал: «Я же боюсь, мне холодно, а мама дома ждет». Корова будто поняла, развернулась важно и медленно продефилировала к городу.

Мама для порядка шлепнула Витьку, ласково заговорила с Манькой и повела ее доить.

Вскоре пришел аттестат от отца. Это был настоящий праздник. Мама дала детям по три рубля, каждый мог распорядиться капиталом по своему усмотрению. Витюша не знал дорогу на базар, поэтому пригласил друга. Какой-то черный дядька продавал петушки на палочке по 3 рубля 50 копеек за штуку, а конфету-подушечку – за 3 рубля. Купили подушечку. Конфету несли перекладывая по очереди на ладонь друг другу, и каждый потом облизывал свою ладошку. Витя нарочно держал ладонь открытой, чтобы в нее больше натаяло. Возле дома они раскусили конфету пополам. Это была первая в жизни самостоятельная покупка.

Вместе с аттестатом отец прислал письмо и фотографию. На фото он стоял в кожаном пальто и шлеме на фоне самолета в окружении молодых летчиков. Отец воевал на самолете еще в первую мировую войну, теперь его опыт и профессиягодились. Всю отечественную войну он прослужил командиром эскадрильи, перегонял самолеты из Комсомольска-на-Амуре, Арсеньева и Иркутска на фронт. Были и катастрофы, и утраты.

Отец писал часто, но лицо его постепенно стерлось в памяти мальчика.

*Отец Виктора Андрей Георгиевич Чурсин с военными летчиками
(сидит второй справа). 1943 г.*

Первый год пережили благополучно. Вечером ребята со двора выкапывали картошку из их огорода, пекли в золе и ели все вместе. Зимой было хуже, сидели больше дома, валенок у Витюшки не было, он ждал, когда Юра освободит свои. У коровы кончился корм, и пришлось купить машину сена. Рабочие вывалили его во дворе, и ребята дружно перенесли его в сеновал, который стал потом местом их сборищ. В сене было тепло и уютно, и они, зарывшись в него, рассказывали друг другу страшные истории про домовых, леших и привидения, а потом ночью испуганно вскакивали с кроватей.

Манька была главной кормилицей семьи. Но вскоре кормить ее стало совсем нечем, и мать продала ее. Двор опустел. Не стало и молока. Мальчик постоянно хотел есть, осунулся, похудел. Правда, однажды Витьку сказали, чтобы приходил на

проходную завода, там выдавали по стакану молока. Получив очередную порцию, Витя заметил, что во дворе завода бродит много кур. Куры, гуляя, то и дело прятались под амбарами. На завод посторонних не пускали, но заводская стена другой стороной приходилась на их двор. Витек прошел вдоль стены и обнаружил небольшой лаз. Снял пальтишко и протиснулся на другую сторону. Прошелся по двору, стараясь быть незамеченным. Охранная собака облизала ему лицо и поползла под амбар, как будто хотела показать ему дорогу. Он решил, что там щенки и полез за ней. Но собака ткнула морду в ямку – она была полна куриных яиц. Витек тут же разбил одно и выпил – вкусно!

Он стал постоянно собирать яйца, с собакой они стали друзьями. Она ждала мальчика у лаза в заборе, и они вместе угощались яйцами. Зимой лазать стало труднее. Валенки у него не было, Юркины порвались. Он делал толстую стельку из сена, но оно выползало из-под пяток и тащилось за ним по снегу. Витя подходил к дыре в заборе и разговаривал с собакой. Она виляла хвостом, слушала Витьку и как будто хотела сказать: я бы принесла тебе угощение, но яйца в зубах не унесешь.

В следующую зиму Витюшке исполнилось шесть лет, и он почувствовал себя вполне взрослым. Ребята впервые взяли его с собой в лес, он стал ходить на лыжах. Зимний лес поразил своей торжественной красотой. Яркое солнце расцвечивало снег разными красками, он блестел и переливался до рези в глазах, огромные деревья, одетые в снеговые шапки, стояли, как деда Морозы, охраняющие дороги. Из мелкого кустарника выскакивали зайцы, замирали столбиком, глядя на мальчишек, и стремглав исчезали.

Ребята научили его ставить петли на зайцев. Какое это было счастье, когда удавалось принести домой добычу! Какой это был праздник в голодном доме! Потом Витя научился самостоятельно ставить капканы и подкармливал своими трофеями семью.

К концу войны Вите исполнилось 8 лет, но в школу он не пошел – нечего было надеть. Год был особенно тяжелым. Все в школу, а он – на двор за яйцами и в тайгу за зайцами.

Наконец вернулся отец – весь в орденах, в кожаном скрипучем пальто. Его встречали друзья по работе и сын. Витек не понял тогда, почему мать забрала Юрия и они уехали в неизвестном направлении.

Отец сразу пошел на работу. Вите хотелось как-то отпраздновать возвращение отца, и он решил сварить студень. Купил свиную голову, засунул в большую кастрюлю с водой, посолил и пошел играть в футбол. Вспомнил о ней, когда во дворе появилась пожарная машина. Из окон их квартиры валил дым, соседи кричали: «Пожар! Пожар!» Витек вбежал в квартиру: на плите стояла сгоревшая кастрюля, из нее торчала обугленная голова свиньи.

Отец не ругался, лишь сказал, обнимая сына: «Ну, сынок, и напугал ты меня, можно сказать, подложил свинью».

Вскоре отец нанял эвакуированную чеченку. Халипат стала приходить в дом готовить обед, убирать квартиру. А Витюшка отправился в школу.

Защита провинциалки

В октябре 1980 года я защитила кандидатскую диссертацию. Тема была апробирована практикой – «Стоматологический статус у больных вибрационной болезнью». Теперь уже не знаю, что было труднее: провести огромную исследовательскую работу, которая привела к успешным результатам в борьбе с вибрационной болезнью, или преодолеть те московские рогатки и препоны, которые стоят на пути людей из глупинки, дерзнувших получить за эту работу заслуженную ими научную степень.

Экзамены кандидатского минимума (стоматология, иностранный язык и философия) сданы ещё в Иркутске, в разных профильных вузах. До предзащиты в Москве мою работу изучил учёный секретарь, профессор Паниковровский. Он заметил, что в ней большое место занимают исследования по

гистологии, а потому предложил мне сдать дополнительный экзамен по этой специальности. Я готовилась несколько дней, работу дома выполнила сама и легко сдала четвёртый экзамен кандидатского минимума.

Репетирую публичную защиту в конференц-зале Центрального научно-исследовательского института Москвы. Вывесила все плакаты, диаграммы по защищаемой теме и хронометрирую свой доклад на Учёном совете. Защита через три дня. Уложиться по времени нужно точно в 20 минут, не более. Мой научный руководитель Татьяна Васильевна Никитина слушает меня с часами в руках. Я закончила своё вступительное слово. Татьяна Васильевна встаёт:

– Вы не можете защищаться, Вы говорили 20 минут 42 секунды. Вас будут слушать великие учёные, время которых расписано до секунды. Если не сумеете уложиться, защиту отложим на следующий год!

И ушла.

Растерянная, я сижу, проклиная эти сорок две секунды. Входит секретарь Учёного совета Лилечка:

– Елизавета Никитична, я вынуждена Вас огорчить: за оставшиеся три дня Вы должны сдать ещё четыре экзамена кандидатского минимума. Пришёл новый приказ, по которому вам предстоит сдать кандидатские экзамены по гигиене труда, технике безопасности, токсикологии, а также медицинской статистике.

– Когда же я успею, и где можно эти экзамены сдать?

Лилечка холодно отвечает:

– Это Ваши проблемы. А вообще-то в Графовом переулке принимает технику безопасности профессор Князев. Пусть Вам напечатают направление, и поезжайте в Стоматологический институт на Смоленской площади.

И ушла.

У меня выступили слезы. Усталая, потерявшая веру, я хотела только домой. Тут ко мне подошла хирург Александра Петровна Безрукова:

– Что случилось?

Я рассказала.

– Так вот, дорогая провинциалочка, подойдите к Лиле, покажите ей пятьдесят рублей, она не откажет.

Я так и сделала, хоть было мне крайне неприятно. Я сказала Лилечке:

– Попросите Вашу соседку и дайте ей деньги.

И подала пятьдесят рублей. Лиля оживилась:

– Какой пустяк, – сказала она, пряча деньги в сумочку.

Направление было напечатано, и она посоветовала:

– Поезжайте сейчас на Смоленскую площадь, зайдите в институт к секретарю, покажите наше направление и попросите, чтобы она включила вас в список, и с ним поезжайте в Графов переулок. Ну, дайте ей немножко».

Ольга Евгеньевна встретила меня холодно. Я объяснила, что мне надо сдать четыре экзамена за три дня, сегодня уже почти полдня прошло, время потеряно. Подаю ей деньги, она сварливо поругивает меня «за всех этих недисциплинированных провинциалов», кладёт деньги в сумочку и подпечатывает мою фамилию в конце экзаменационного списка. Список отдаёт мне.

Когда я появилась на кафедре, в коридоре сидели два человека, ещё два уже сдавали экзамен. Я подала секретарю направление и список. Барышня равнодушно взяла список, посмотрела на свой, сравнила, обнаружила, что в первом списке меня нет:

– А где приказ на Вас? Мне нужен приказ директорский.

Я начала объяснять, что у меня через три дня защита. Она резко прервала меня:

– Это ваши проблемы. Поезжайте, привезите приказ. Только я сомневаюсь, что успеете. Профессор уйдёт.

Мне бы ей дать деньги, но у меня уже не осталось ни копейки. Я, пристегнув депутатский значок, побежала опять на трамвай (депутаты ездили бесплатно на всех видах государственного транспорта).

Директор института, профессор Ковригина проводила совещание. Я показала секретарю депутатскую книжку, по которой в то время депутаты принимались вне очереди. Удостоверение подействовало – секретарша сходила к дирек-

тору, и из её кабинета сразу вышло несколько человек. Я рассказала о своих похождениях, умолчав, естественно, о поборах. Ковригина сняла трубку и начала отчитывать профессора Князева. Я перебиваю:

– Он меня не видел.

– Пусть видит!

И приказала ему, чтобы ждал меня и принял экзамен.

У кабинета не было ни секретаря, ни экзаменующихся. Раздражённый и, наверное, голодный, Князев зло спросил меня, откуда я и какова моя тема. Я назвала. Он сразу ожил:

– А, это Вы у Седова работаете? Что это он там за трубочки с дырочками придумал в литейном цехе? Раньше был силикоз, теперь растёт туберкулёз?

Я как депутат была знакома с этими вопросами. Действительно, когда открывали печи, летела раскалённая зола (шихта), и становилось трудно дышать. Рабочие открывали двери, возникал сквозняк, они простывали, а зола вызывала силикоз. Я рассказала профессору, что трубочки заполняются водой, и когда идёт шихта, пускают через них воду, она прибивает шихту к полу цеха, воздух очищается. Рабочие довольны.

– А что, они в мокрых робах ходят?

– Нет, это такой мелкий дождик, что они не намокают.

Я так горячо защищала изобретение Константина Рафаиловича, что профессор Князев вынужден был сказать:

– Ну молодец, защитница. Только за это я бы тебе поставил «пять». А теперь расскажите о своей работе.

Я подробно рассказала о нашей работе по профилактике и лечению вибрационной болезни, показала фотографии процесса лечения в цехах. Он удивлялся. Мы хорошо поговорили. На прощание он спросил:

– Когда защита?

Говорю ему, что через два дня.

– Ну, с Богом!

Я ему:

– Да мне ещё за два дня три экзамена сдать.

– Какие?

– Да вот, новое постановление только что пришло. Я защищаюсь сразу по двум специальностям, поэтому мне прибавили и дисциплины.

Он удивился и спросил:

– А Вы готовы?

– Медицинскую статистику и охрану труда я знаю отлично, а вот токсикологию в пределах гражданской обороны.

– Тогда подождите, я сейчас позвоню заведующему кафедрой. Если он на месте, то поможет Вам получить зачёт.

Профессор оказался на месте, но предупредил, что задержится не более чем на час. Князев сказал, чтобы я ехала на вокзал, села в электричку и сошла на 56-м километре.

– По ходу поезда, справа, пройдёте километра полтора, увидите красивый дом со светящейся башней, это и будет институт токсикологии.

Был уже четвёртый час дня, до института два часа езды на электричке. Денег нет. Еду по депутатскому удостоверению. Сошла с поезда, иду по насыпи, справа от которой сразу же начинается лес. Идёт мелкий, холодный дождь. Конец октября. Я в белом пушистом пальто, белой шляпе с большими полями и в белых ботинках на очень высоком каблуке. Становится всё темнее, лес всё гуще, на расстоянии даже двух шагов ничего не видно. Мне становится страшно. Вдруг передо мной на тропинке появилась очень старенькая, истощённая женщина с добрым лицом. За спиной у неё вязанка хвороста. Оглядев меня, она сказала:

– Ты куда, голубушка? Через 10 шагов отсюда пасётся стадо кабанов. Беги бегом назад. Тебе через дорогу, в другую сторону.

И исчезла.

Я сильно испугалась. Намокшее пальто давило меня к земле, каблуки застревали в грязи. Я бежала, не чувствуя усталости. Перебралась буквально на четвереньках через железнодорожную насыпь и вышла на ровную, грязную дорогу. Вдали сверкали какие-то огни. Я решила, что надо ехать назад, оставаться одной на незнакомой дороге ночью страшно. Но почему-то продолжала идти. Минут через двадцать я уви-

дела бараки и двух женщин в белых халатах, которые несли большой, тяжёлый бак.

– Скажите, пожалуйста, это институт токсикологии?

– Нет. Это лепрозорий, здесь лечат больных проказой.

– А вы не знаете, где красивое здание со светящимся куполом-шаром вверху?

– А во-о-н, наверное, вправо, метров сто отсюда.

Я обреченно пошлёпала по грязной дороге, уже ни на что не рассчитывая.

Мокрые, грязные сапожки оставляли чудовищные следы, когда я поднялась на мраморное крыльцо. В здании было темно, светились только два окна: одно на первом этаже, другое – на третьем. Позвонила. Сердитый голос проворчал:

– Кого чёрт носит в такую погоду?

– Я к профессору.

Пожилой ухоженный человек открыл тяжёлую дубовую дверь:

– Это тебя ждёт Петр Сергеевич?

– Да.

Он посмотрел на меня, мокрую, грязную и испуганную, со смешанным чувством жалости и брезгливости.

Наверх вела широкая красивая мраморная лестница, застланная яркокрасной дорожкой. На первом этаже у двери я сняла сапожки. Чулки тоже были мокрые и оставляли следы на полу. Пальто, тяжёлое и мокрое, я положила рядом с обувью, сверху на него – шляпу. Сумка не промокла, и я взяла ее с собой. Намокшие косы тянули вниз, с них капала вода.

На втором этаже красивая молодая женщина неприветливо оглядела меня и коротко бросила:

– Идите быстрее. Мы собираемся уезжать. Не умеете вы ценить чужое время.

Я поднялась этажом выше. Элегантный моложавый человек холодно спросил:

– Что Вы знаете по токсикологии?

– В пределах гражданской обороны.

– Не много. Ну расскажите мне.

Отвечала я вяло, меня охватило безразличие, была внутренняя дрожь, не хотелось говорить, слова давались с большим трудом.

– Вас устроит, если я поставлю Вам тройку?

Я согласилась.

Он взял мой экзаменационный лист, вывел в нём «Удовлетвор.» и небрежно подал мне. Его совершенно не интересовало, что со мной случилось, на лице его явно прочитывалось нетерпение: «Поскорей бы ты убралась!».

Вошла женщина, мило улыбнулась профессору:

– Ну едем?

– Да, да, едем!

Перед входом в здание стояла белая «Волга». Я быстро натянула мокрые сапожки, надела тяжёлое пальто и шляпу и вышла на улицу. Наступала холодная октябрьская ночь. Я побрела по той же тёмной грязной дороге в обратную сторону. Через несколько минут мимо, обдав меня грязью, промчалась «Волга».

Полустанок. Будка, освещаемая единственной электрической лампочкой, была пуста. Я села в тёмный уголок, дрожа всем телом от холода и страха. Решила, что сяду на любой поезд, в какую бы сторону он ни шёл. Вдруг послышались мужские голоса: шли то ли пьяные, то ли чем-то сильно возбуждённые мужчины. Они говорили очень громко, обсуждая какое-то убийство. Сориентировавшись, я забежала за будку и спряталась внизу за столбом. Мужчины вошли в будку:

– ...а я его! Посмотри, на мне крови не видно?

И дальше в том же духе.

Я боялась чем-нибудь выдать своё присутствие, замерла, дрожа от страха. Минут через пятнадцать послышался шум приближающейся электрички. Было трудно разобрать, с какой стороны она идет – лесное эхо множило шум, казалось, он идёт со всех сторон.

К счастью, поезд шел в сторону Москвы. Я на четвереньках вскарабкалась на насыпь и вскочила в полутемный пустой вагон. Мне опять стало страшно, и я побежала через тёмные тамбуры к головному вагону. На остановках стали входить редкие

пассажиры. Я постепенно успокоилась, пригrelась и задремала. Проснулась оттого, что кто-то тряс меня за плечо:

– Гражданка, Москва. Выходи! Торопись, сейчас закроют метро.

Я едва успела. Вагоны метро тоже были пусты, два-три пассажира в каждом. Мне предстояла пересадка на другую линию. В переходах тоже было пусто. Через каждые десять минут объявляли:

– Граждане, освобождайте вагоны, метро закрывается!

Я вышла на станции метро «Щёлковская». Шёл холодный осенний дождь. Автобусов не было, и я бежала без остановки. Совсем промокшее пальто стало непосильной ношей, с каждым шагом становившейся всё тяжелее, и лишь сапожки не подводили меня и послушно разбрызгивали лужи. В полночь я позвонила в дверь квартиры подруги на 15-ой Парковой. Как только я вошла, у двери образовалась лужа. Подруга не спала. Разыскивая меня, она обзвонила все больницы, морги, милицию...

Развесили сушить мои вещи, и я, дрожа всем телом, улеглась в ванной в горячей воде. Долго не могла отогреться. Поужинали. А утром мне предстояло сдавать ещё два экзамена. Медицинскую статистику – материал моей диссертации я обрабатывала сама, математический анализ лёг в основу выводов и рекомендаций, поэтому я легко сдала этот экзамен на пятёрку. После обеда в другом институте сдала экзамен по охране труда тоже на «отлично».

Передавать документы в Учёный совет было поздно, и я осталась в институте, чтобы вызубрить свой доклад, уложиться в отведённый регламент – 20 минут. Когда я заканчивала очередной повтор, в дверь заглянула профессор Никитина. Первый её вопрос:

– Где Вы были два дня вместо того, чтобы докладывать мне? Я случайно сюда зашла. Меня вызвали, и я не успела отменить Вашу защиту. Увидела Ваше пальто на вешалке. Сейчас посмотрю больного и поговорим...

Пока красавица Татьяна Васильевна осматривала больного, я ещё два раза повторила доклад. Кажется, уложилась...

Татьяна Васильевна в гнев была ещё красивее. Я прошептала:

– Я укладываюсь, если сможете, прослушайте меня.

Красавица с бархатными чёрными глазами, гордая и неприступная, по-царски расположилась в кресле и приготовилась слушать.

Я справилась с докладом на полторы минуты раньше.

– Ну, хорошо, – смилостивилась она. – Где же Вы гуляли два дня?

– Я сдавала дополнительные экзамены.

– Какие?

Я перечислила.

Утром я принесла учёному секретарю документы и экзаменационный лист со сданными восемью экзаменами. Учёный секретарь удивился:

– А это ещё зачем?

Выскочив из-за стола, Лилечка виноватым тоном сказала:

– Вы уж меня извините, пожалуйста, я не дочитала новый приказ. Оказывается, надо было сдать какой-то один из четырёх экзаменов, на выбор, а не все.

Стало очень обидно.

Татьяна Васильевна посоветовала мне утром сходить в храм к заутрене помолиться и к 14 часам явиться на защиту.

На Учёном совете присутствовали учёные двух государственных стоматологических вузов, Института гигиены труда: защита предполагалась по двум специальностям. Зал был полон. Защита прошла успешно. Но обида за предзащитные три дня, устроенные «столичными штучками» провинциалке, живёт во мне до сих пор.

Надо сказать, это была первая научная работа на нашем авиазаводе и первый случай, когда практический врач медсанчасти защитился в Москве.

Когда я возвратилась в Иркутск, реакция на мою защиту оказалась разной. Я вспомнила, как перед поездкой в Москву Константин Рафаилович Седов предупреждал меня: «Поедешь

на защиту – никому не говори, одни порадуются, а другие могут и напасть». Он оказался прав.

Руководство района отметило мой успех тем, что выделило ордер на покупку «Жигулей», стоили они тогда 8600 рублей. Зато в медсанчасти это известие встретили более чем прохладно. Одна из моих начальниц, узнав, что меня вызывают в Москву для получения диплома кандидата наук, побледнела и потеряла сознание, а придя в себя, прошептала: «Почему никто не знал?»

Я все-таки решила широко отметить это событие со всеми, кто участвовал в нашей успешной борьбе с вибрационной болезнью. Набралось более 200 человек: весь мой коллектив, руководители медсанчасти, заведующие кафедрами мединститута, на которых выполнялись работы по гистологии, гистохимии, биохимии и другие. И, конечно, рабочие и инженеры, которые создавали совершенно новые аппараты для реализации нашей идеи. А было их изобретено и изготовлено прямо в заводских цехах немало: капиллярскоп, приставка для фотографирования «игры» капилляров, приставка к реографу для полости рта, аппараты вакууммассажа для десен, аппарат для изучения радиоизотопного выведения меченых атомов, аппарат для поддержания температуры в полости рта и еще многое другое, что потребовало знания тонкостей стоматологического дела.

Перед торжественным ужином Седов снова предупредил меня: «Подбирай людей порядочных, никакой шушеры». Я тогда не поняла, что он имеет в виду. Но когда стали выступать ученые, говоря о ценности проделанной работы, та же дама устроила демонстративный шум в своем окружении. Академик остановился на полуслове и громко сказал в сторону компании: «Елизавета Никитична, я же просил вас не приглашать шушеры, которая не умеет себя вести». Наступила неловкая тишина, и компании пришлось притихнуть.

А работать в какой-то мере стало сложнее. Теперь, если возникал трудный случай по моей специальности и необходимость в консультации, на кафедре мединститута отвечали: «У вас теперь свой ученый». И приходилось соответствовать.

К счастью, коллектив у нас был умелый, трудоспособный, преданный своему делу, и мы, как правило, находили решение.

Через год меня вызвали в Москву на съезд изобретателей, чтобы вручить диплом и удостоверение «Изобретатель СССР» – за ряд тех самых аппаратов, которые мы придумали в ходе изучения вибрационной болезни. Один из них – капилляроскоп привлек внимание ученых из института сердца. Здесь проводились экспериментальные работы по вживлению искусственного сердца и таких же полимеровых сосудов на животных. Животные, на которых проводились опыты, не жили больше одного-двух дней. Чтобы выяснить причину неудачи, необходимо было проследить микроциркуляцию крови и назначить поэтапное лечение. Наш аппарат был здесь как нельзя кстати. Меня вызвали в Москву. Я проработала здесь несколько дней. Наш подопытный бычок прожил целую неделю. Это была настоящая сенсация. Правда, сама я покрылась какими-то высыпаниями и беспрерывно чихала.

После успешного эксперимента в институте мне не медленно предложили остаться в Москве. Обещали в ближайшее время квартиру, гарантировали защиту докторской. Но тут воспротивилась моя семья, в первую очередь, муж. Андрюша заканчивал школу, собирался поступать в институт, у Жени намечалась свадьба. И я отказалась.

Однако вкус к научной работе у меня не пропал. Когда семейные дела входили в свое обычное русло, я вновь с головой уходила в свою родную стоматологию. Материала за пять десятилетий накопилось достаточно, и я решила обобщить состояние стоматологического статуса населения через 50 лет. Обследовала детей детских садов, с помощью школьных врачей собрала данные по школам. Это, по сути, были уже внуки и правнуки той категории населения, которую мы обследовали с 1949 года. Результаты получились очень интересные. По существу я продолжала свои научные эпидемиологические исследования, которые вела на протяжении всех предыдущих лет, работая на лечебном приеме и возглавляя работу стоматологической поликлиники.

Первые результаты работы по распространенности стоматологической патологии за 20 лет я когда-то представляла на первую защиту кандидатской диссертации в Московский стоматологический институт и даже успешно прошла предзащиту. Но, видимо, тогда не нашлось поддержки влиятельных людей. Уже позже я узнала, что мой материал институт представил как собственную разработку в Министерство здравоохранения, и он стал основанием для издания приказа по штатным нормативам стоматологов в Российской Федерации. Я не в претензии, главное, что материал сыграл свою роль – мы получили дополнительные штаты стоматологов, важность нашей службы была оценена должным образом.

Теперь я решила обобщить итоги этой работы за 50 лет на базе Ленинского района. Тем более, что итоги этой работы я подводила каждые 10 лет. Сюда входили данные по распространенности и интенсивности кариеса, потребности в стоматологической помощи и результаты профилактики и санации полости рта у детского населения района. Я понимала, что эта работа представляет большую научную и практическую ценность. Исследования учитывали влияние окружающей среды и условий жизни на здоровье ребенка. Обобщая результаты, я заметила, что в последнее десятилетие в связи с неблагоприятными факторами уровень заболевания детей повысился, и это потребовало усиления стоматологической помощи. Ленинский район стал одним из крупных промышленных центров со всеми вытекающими отсюда издержками.

До 1949 года район был по преимуществу деревенным поселком с хорошо развитой сетью подсобных хозяйств. Свежий чистый воздух, огороды с собственными овощами, подворье с живностью. Свои овощи, молоко, мясо. В 50-60 годы начинается активное строительство многоэтажных домов, возникают новые промышленные предприятия, исчезают личные подворья. За эти пять десятилетий мы обследовали выборочно 9390 детей.

До 1969 года, когда проводилась частичная санация полости рта и действовал фактор витаминизированного питания,

удавалось поддерживать уровень распространенности кариеса в пределах 517 дошкольников на 1000.

В 60-е годы в связи с изменением внешней среды и условий жизни показатели распространенности стоматологических заболеваний также изменились в худшую сторону – с 517,4 до 563,5 на тысячу дошкольного детского населения. Увеличилась и интенсивность (количество больных зубов) на одного ребенка – с 2,1 до 2,4 зуба.

С 1969 по 1989 годы проводились большие гигиенические мероприятия: мы повсеместно обучали детей гигиене полости рта, разрабатывали индивидуальное профилактическое питание, проводили двукратную санацию и сразу добились значительного снижения распространенности заболевания.

Однако следующее десятилетие (с 1989 по 1999 год), несмотря на все профилактические мероприятия, ознаменовалось ростом распространенности кариеса (574,7 в 1999 году против 503,4 в 1989-м). Это начались годы перестройки и связанное с ними резкое ухудшение социальных условий в стране. Заметно ухудшилось питание в детских учреждениях, повысилось загрязнение воздуха отходами промышленного производства, почти прекратилась работа по борьбе с этими явлениями.

Расчеты и выводы, сделанные на материалах, собранных за 50 лет моей работы, я опубликовала в 2000 году в сибирском научном медицинском журнале.

Дачные хлопоты

В 1968 году Андрюше исполнилось три года, Женя учился на первом курсе политехнического института, на работе все вошло в нормальную колею. Виктор имел престижную, хорошо оплачиваемую работу, и у меня появилось какое-то свободное время. В тот момент заводу выделили под дачи землю в районе станции Дачная, так называлась остановка пригородной элек-

трички. Нам достался участок в лесу, и мы решили построить свою дачу. По соседству получила землю и моя старшая сестра Галина. Мой муж к этому времени работал директором завода железобетонных конструкций, и ему удалось приобрести строительные материалы.

Наш участок в пять с половиной соток был частью лесного массива. Мы насчитали здесь 37 берез, несколько осин, две ели и три лиственницы. Начали корчевать деревья. Все делали собственными руками. Начали с того, что освободили место под «баню в лесу» – маленький домик из досок с одним окном. Туда уместилась большая кровать, откидной стол, небольшой диван, а также полки и ящики для разной утвари и посуды. Нашлось место и для шкафчика с электроплиткой.

Я наравне с мужиками орудовала топором, высвобождая участок – снимала дерн и складывала его ровной горкой. К началу сентября мы уже ночевали в нашем домике, дети на кровати, мы – на диване. Матрац, набитый сеном, живо напомнил мне детские годы в родительском доме.

Участок еще далеко не был обработан, и тут соседка притащила нам целое ведро кустиков клубники для посадки. Грядок пока не было, и, чтобы не обидеть соседку, мы рассадили клубнику прямо на лесной поляне.

В конце лета мы с моей семьёй уехали на отдых в Кабардино-Балкарию. А когда вернулись, обнаружили целую плантацию клубники с крупной и ароматной ягодой. Она прекрасно прижилась на новом месте и без ухода и полива еще несколько лет давала нам огромные урожаи.

Кругом шло бурное строительство. Наш приятель Илья Черепанов говорил: пора и вам строить настоящий дом.

На следующий год мы завезли лес и за лето подняли своими силами просторный дом. Потихоньку засадили участок и с тех пор попали в полную кабалу к своей даче: удобрения, поливка, прополка, заготовки. Летом ни одного свободного дня. Вскоре дали знать о себе воришки – днем чистили огороды, а ночью вытаскивали запасы и, главное, бессмысленно пакостили – выливали варенье, били посуду, порой ночевали в домах целыми компаниями.

И все-таки дача оставалась праздником души, приедешь на участок, кажется, нет никаких сил, свалиться бы и уснуть. Но склонился к одной травке, к другой, и снисходит на душу такой покой и отдохновение, что так и остался бы здесь, и не хочется возвращаться в пыльный и шумный город.

Впрочем, моя профессия и здесь догоняла меня. Помню, я была в отпуске, погода выдалась пакостная. Вторую неделю ждали тепла, а дождь все лил и лил. Но вот он, кажется, начал затихать и уже мелкими ручейками стекал по окнам дачи. В огороде мокро, холодно, неудобно, нос не хочется высовывать из дома. Старый мой пациент, теперь выполняющий в дачном поселке обязанности электрика, постучал в дверь:

– Обедаете? Извините, – и собрался уходить. Я остановила его:

– А что случилось? Проходите, пообедаем вместе.

– Нет, у меня такое дело. Бывший наш председатель дачного кооператива сильно заболел, десять дней уже не принимает пищу, глушит боль водкой.

Он назвал мне фамилию, и я сразу вспомнила молодого спортсмена и красавца, активного организатора нашего дачного коллектива.

– А что с ним?

– Да все лицо распухло, болит зуб. Домашнее лечение не помогает, а ходить он не может. Если позволите, мы его к вам привезем.

– Да что вы, пойдемте, я посмотрю.

Я собрала все, что смогла найти на даче: пинцет, зеркало, зонд, перекись водорода, йод и специальные стоматологические препараты.

Мы медленно шли по грязной дороге, сапоги вязли в слякоти. Я представляла его таким, как помнила давно: энергичный, деловой, он организовал в дачном поселке спортивную площадку, теннисный корт, пытался провести спортивные состязания дачников. Сначала все загорелось, но тут созрела клубника, выросли огурцы, помидоры, потом все углубилось в строительство домиков. Строили кто как мог и из чего мог. У него был самый красивый двухэтажный дом, ухоженный огород, цветник.

Мы ходили «подглядывать», как его жена выращивает цветы, я всегда восхищалась такими умельцами.

Подшли к даче. Калитка была открыта. Теплица в огороде стояла полуразрушенная, там, где были красивые клумбы, набирала цвет картошка. В дверях дома стоял на костылях худой старик с опухшим лицом. Я хотела спросить: «А где больной?», но жена опередила меня.

– Вы, наверное, нас не узнали? Вы вот тоже изменились...

Да, в другом месте я не узнала бы прежнего красавца. Впрочем, наверное, и он не узнал бы меня.

Он осторожно проковылял к креслу, сел. Губы у него слиплись, левая щека опухла, глаз закрыт. Я положила лекарство, успокаивающее боль, с трудом удалось открыть рот. Оказалось, у больного «проелись» коронки и, как кольцо, опустились вниз, под слизистую десны: видны были только верхние концы режущего края. Десна распухла, гнойные выделения. Я надела перчатки и пыталась подцепить пинцетом и зондом край коронки, но он не поддавался.

Я понимала, что, несмотря на анестезию пациенту больно. У него на лбу выступил пот и потек по лицу. Никакими усилиями я не могла вытащить коронку: зуб, на который она была надета, был очень подвижным. Удалять коронку вместе с зубом не хотелось.

С меня тоже потек пот. Я сняла перчатки и погрузила ноготь указательного пальца вглубь десны, зацепила коронку ногтем и потихоньку вытащила протез. Глубокую кровотокающую рану промыла струей из шприца, обработала, наложила лекарство. Оставила лекарство для последующего лечения и собралась уходить. И вдруг жена пациента остановила меня вопросом:

– Сколько стоит ваша услуга?

Я опешила. Таких вопросов никогда не задавали врачам нашего поколения, честно исполняющим клятву Гиппократа. Я удивилась:

– Что это с вами?

– Да теперь все берут. А тут вы и пришли сами, и лекарство оставили...

Больной попытался встать, чтобы проводить меня, но пока мы вели беседу, он, уставший от бессонницы и боли, крепко уснул.

Возвращалась я одна. Вечерело, дождь закончился. Меня остановил другой сосед по даче.

– Вы меня помните? Вот он, рубец, который вы мне оставили на память, спасая мою жизнь. Спасибо Вам».

Что может быть выше этой награды для настоящего врача?

Сама я хорошим садоводом никогда не была. И потому с восхищением смотрела на некоторых своих соседей. У супругов Юрия и Аллы на участке ни одной травки, все цветет и плодоносит. Потом появились новые соседи – Клавдия Ивановна с детьми. Они внесли свои новшества – разноцветье редких цветов среди красивой шелковой травы, журчит вода в маленьком бассейне, красивая уютная беседка. Клавдия Федоровна с дочерью Ниной – талантливые овощеводы и садоводы. Теплица в идеальном порядке и полна спелых помидоров. Ранние огурцы, все виды сибирских ягод – хоть на сельхозвыставку. Или вот у Светланы с Сашей – тоже не огород, а настоящий цветник.

Мне от таких соседей иногда перепадает хорошая рассада.

Но все чаще сталкиваешься и с другим: на многих участках, пока молоды и живы были родители, и огород был ухожен, и дом блистал уютом и звенел детскими голосами. И вот родители состарились и не в силах трудиться на земле, а детям это неинтересно – они предпочитают проводить отпуск где-нибудь за границей, в путешествиях и на пляжах, а если уж выберутся в свое дачное поместье, так разве что повеселиться с друзьями на природе или уединиться с любимой девушкой. И порой наталкиваешься на заколоченные окна, поросшие бурьяном ранее цветущие огороды, покосившиеся заборы.

Все эти впечатления вылились у меня в целый дачный цикл стихотворений, одно из которых заканчивается таким четверостишием:

*Кабалою, не иначе,
Называют наши дачи.
Вам завидую, удачник,
Потому что вы не дачник.*

И все-таки... Физический труд, свежий воздух, ключевая вода, свои овощи – все это стоит того, чтобы низко поклониться нашим дачным участкам.

Зимой мы ходили здесь на лыжах. Как-то в субботу мой старший сын Женя, ему тогда было лет 20, и младший, шестилетний Андрюша, поехали на дачу покататься. Обычно Женя занимался слаломом, а Андрюша катался с горки на санках.

Они затопили в доме печь, поставили чайник и пошли через замерзшую речку на высокую гору. Когда Женя летел с горы, одна из лыж неудачно повернулась на трамплине, и Женя с размаху врезался в дерево. Удар оказался сильным, и Женя потерял сознание. Маленький Андрюша, не видя никакой помощи вокруг, не зная, что делать, стал снегом натирать лицо брату. Женя застонал. Андрюша связал лыжи и санки, помог Жене забраться на санки и вывез на тракт. И тут увидел, что над их дачей идет дым. Что делать? Там пожар, тут – раненый брат.

В это время на тракте показалась машина, плачущий мальчик поднял руку. Машина, на счастье, оказалась медицинская. Женю уложили на носилки, и тут Андрюшка, захлебываясь от слез, показал водителю на дым: «Это наша дача горит!» Водитель, добрый человек, заехал на дачу. Зашли в дом. Оказалось, горят мокрые рукавицы, оставленные на плите – было больше дыма, чем огня.

Старшего брата доставили в Шелеховскую больницу, и Андрюша стал просить помочь дозвониться домой.

Я подняла трубку и с ужасом услышала:

– Мама, Женя еще не умер, приезжайте скорей в больницу!

А затем мужской голос, видимо, врача: «У вашего сына серьезная травма, приезжайте быстрее».

Когда мы приехали, Женя лежал весь бледный, тяжело дышал. Были вызваны хирурги, взяли анализы на скрытую кровь – нет ли внутреннего кровотечения. Женя пробыл в стационаре три недели – обнаружили переломы ребер, множественные ушибы.

Теперь, когда нам хочется сказать о чем-то очень серьезном, но не напугать, мы говорим: «Не волнуйтесь. Женя еще живой».

СЫНОВЬЯ

Постоянно занятая на работе, я, наверное, многое упустила в своей жизни и, в первую очередь, в отношении к детям. Я вечно спешила – то на прием к больным, то на общественную работу и уходила из дома, когда детям хотелось побыть со мной. Но мои сыновья всегда считались с моим мнением, и в трудные минуты приходили ко мне за помощью и советом: и при выборе профессии, и при создании семьи. Может быть, поэтому в наших семьях никогда не было серьезных конфликтов.

Женя

Женя – мой старший сын. Мы долго, до моего второго замужества, жили с ним вдвоем. Он рос добрым мальчиком и очень внимательно относился ко мне. Однажды он подарил мне в день рождения очень красивую и дорогую чайную ложечку. Я так и не смогла допроситься у сына, где он взял такие деньги. И тут захожу как-то в промтоварный магазин, а мне улыбается продавец. Гляжу на витрину и вдруг вижу набор таких ложечек. Я улыбнулась продавцу в ответ, и она рассказала мне, что неделю назад приходил Женя и высыпал на стекло витрины кучу мелочи с просьбой продать ему такую ложечку. Тут были и копейки, и двушки.

Я удивилась: «Откуда же он взял?»

Оказывается, он признался продавцу, что не покупал булочки в школе, экономил на подарок. «Ему, правда, немного не хватило, – засмеялась продавец, – но мы добавили».

И потом, уже став взрослым, Женя всегда помнил все знаменательные даты в жизни близких людей и обязательно дарил подарки. Привозил презенты из командировок, всегда оригинальные, которые за давностью лет не потеряли своей ценности.

Он всегда был скромным и очень терпеливым. Помню, лет восьми он играл во дворе в футбол с друзьями, сильно упал и

разорвал голень. Пока мчался к себе на второй этаж, оставил кровавую дорожку. Вбежал в квартиру весь белый, испуганный. Я подставила таз, схватила махровое полотенце – оно тотчас промокло от крови. Бросила на минутку иголку с ниткой в спирт, протерла спиртом края раны и этой простой иглой, без всякой анестезии наложила 4 шва, потом тугую повязку и только тогда вызвала скорую помощь. Повязка не промокла. Приехавший врач нашел, что все сделано правильно, посоветовал ногу не трогать, а просто приподнять ее и не вставать до следующего дня. Женя мужественно вытерпел всю эту процедуру и только кусал губы. Я дала обезболивающую таблетку. Рана благополучно зажила без дополнительного вмешательства.

В четырнадцатилетнем возрасте я отправила Женю погостить к своим знакомым в тайгу. Потом он всегда вспоминал это время как чудесную сказку. Семья – муж с женой и сын – жили на Черной речке. Здесь в реке было видимо-невидимо рыбы, звери подходили прямо к жилищу. Женю научили ездить верхом, стрелять, ловить рыбу, собирать ягоду, которой была полна тайга. Когда мы с мужем приехали за ним, он очень не хотел уезжать, готов был совсем отказаться от городской жизни.

После окончания седьмого класса они с двоюродным братом Виталиком решили поступать в авиационный техникум. Но Виталий вдруг передумал. А Женя успешно сдал экзамены, несмотря на большой конкурс, и был зачислен. Перед началом учебного года я поинтересовалась, когда начнутся занятия, а он мне вдруг спокойно отвечает: «Ты знаешь, мама, я забрал документы». Я очень расстроилась.

Женя вернулся в школу, закончил 10-летку и поступил в политехнический институт на авиационный факультет. До призыва в армию работал на нашем авиационном заводе.

В 1980 году он, отслужив, вернулся из армии. Вернулся возмужавшим, интересным молодым человеком. Снова устроился на завод. Мы построили ему двухкомнатную кооперативную квартиру. Вскоре он решил жениться, представил нам свою невесту Нину. Мы с Витей познакомились с ее родителями и посватали её, пока Женя был в командировке. Вернулся он перед Новым годом, а 7 января состоялась свадьба. Андрюша в это

время поступил на 1 курс в военно-инженерное училище, но на наши просьбы отпустить его на свадьбу брата нам ответили категорическим отказом.

После свадьбы Жени с Ниной. Алексей Павлович – отец Нины, Нина, Женя, моя сестра Галя, я, Анна Карповна – мать невесты, стоит Анатолий Иннокентьевич – муж Гали

Женя, Нина и их дочь Влада

Родители невесты Жени жили в Нижнеудинске. Отец Алексей Павлович военный, мать Анна Карповна, по образованию агроном, работала в администрации города. Нина заканчивала экономическую академию, шла на красный диплом. Вскоре эта красивая

зеленоглазая девушка подарила нам Владочку. Вот уже много лет Нина работает главным бухгалтером на одном из предприятий. Владочка отлично закончила лицей, а затем тот же, что и мама, институт и работает в той же должности, но на другом предприятии. Женя в течение 45 лет работает на авиазаводе инженером (начальник техотдела цеха). Женат уже 31 год. Живём мы с их семьёй в одном доме, на одной лестничной площадке.

После свадьбы Женя опять уехал в длительную командировку в Германию, на целый год. Так что Владочка, моя первая внучка, родилась без него. Радости моей не было границ. Каждый день я бежала к моим девочкам, потом мы с Владой стали ходить на занятия танцами, в бассейн. Вскоре родители Нины, став пенсионерами, переехали из Нижнеудинска в Иркутск и заботу о внучке взяли на себя. А я продолжала работать, и все внимание Влады переключилась

на другую бабушку. Ребята построили гараж, дачу, купили шикарную машину. Жизнь потекла по намеченному руслу.

С Внучкой Владочкой

Женя с семьёй

Андрюша

Своего младшего сына я родила в 39 лет. Это был настоящий подарок судьбы. Андрюшка родился крупный, здоровый, спокойный. Мой старший сын Женя не мог на него насмотреться – часами играл с ним и развлекал его.

Андрюша с подружкой Светой

О раннем детстве Андрюши я писала выше, поэтому перейду сразу к школьным годам.

Учился Андрюша ровно, но с первых лет было видно, как его увлекает техника. Когда ему было десять лет, они с друзьями освободили кладовку в подвале и натаскали туда разных железяк со свалки – старые стиральные машины, холодильники, моторы. Из велосипедов конструировали мопеды, мотороллеры, мотоциклы, а позже, в старших классах, строили дельтапланы. При заводском клубе работал авиамодельный кружок, там ребята с увлечением строили модели самолетов и по воскресеньям запускали своих «птиц» в небо, соревнуясь, у кого получается выше, быстрее, выносливее. Когда стали старше, сами летали на дельтапланах, уезжая по выходным дням в усть-ордынские степи.

Однажды в ветреную погоду Андрей долго бежал по полю, пытаясь взлететь. Колхозник недалеко пахал на тракторе поле. Видит, что парнишка не может справиться с ветром, предложил подвезти его на тракторе вместе с дельтапланом. И очень удивился, что Андрей отказался.

Рос сын добрым человеком, но с чувством собственного достоинства, не позволял обижать слабых и унижать себя.

В 7 классе трое ребят с нашего двора, в их числе Андрей, вместе пошли в магазин за молоком. Их остановили старшеклассники и потребовали отдать деньги. Двое отдали, а Андрей – нет. Завязалась драка. Десятиклассников было трое. Они избивали Андрея, но денег он не отдал. Когда мы с мужем пришли с работы, Андрей лежал в постели, прикидываясь спящим. Но я увидела кровь в раковине и в комнате на полу. Подошла к кровати, взглянула на сына. Его лицо было сплошной раной. Конечно, он не спал, видно было, что ему очень плохо. «Что случилось?» – спросила я. «Я запнулся и упал лицом».

Но тут позвонила мать одного из его друзей и спросила, как чувствует себя Андрюша. И рассказала историю с дракой.

В восьмом классе Андрей летом решил потрудиться на авиационном заводе. Их с друзьями направили в «деревянный» цех. Поручили заколачивать ящики с готовой продукцией или шкурить, полировать клюшки, причем ручным способом. Работа долгая и нудная. Рядом ребята из ПТУ, проходившие практику, делали это на станках. Андрей решил сам освоить станок, а так как в рабочее время свободных станков не было, он приходил в цех в 6 утра, не ходил на обед и вечером оставался в цехе, пока его не выдворяли силой. Когда кому-то из практикантов надо было сбежать с работы, они оставляли за станком Андрея. Скоро он за два часа работы до начала смены стал почти выполнять норму. Ему нравилось в цехе, нравились старые рабочие, которые, видя его старания, подходили к нему, подсказывали, как сделать легче и лучше. Однажды он, как обычно, остался после смены, груда клюшек возле быстро росла. И тут к нему подошел начальник цеха, посмотрел, похвалил и вдруг сказал: «На будущий год закончишь ПТУ и обязательно приходи ко мне. Будешь работать и учиться в техникуме. А сейчас веди запись сданных клюшек, чтобы тебя не обсчитали. Первого числа принесешь мне свои записи».

Андрей пришел домой счастливый: «Папа, ко мне подошел директор цеха и пригласил на работу, он думал, что я из ПТУ. Я ему не сказал, что учусь в школе. Будет стыдно, если он узнает».

С первой зарплаты Андрюша купил отцу часы, мне – пуховый платок, а брату – чертежный набор. На завод он больше не

приходил до следующей практики, когда пришел уже в качестве военного летчика-испытателя.

В Андрее вообще было сильно развито чувство справедливости. Однажды, когда сын учился в девятом классе, классная руководительница, преподаватель истории, попросила его оформить к Дню Победы стенную газету, а также, зная его приверженность к технике, отремонтировать музыкальный центр. Андрей неделю старательно выполнял оба задания. Выискивал необходимые детали, мастерил и паял. Параллельно рисовал газету. За два дня до праздника принес в класс готовую газету и отремонтированную магнитоу. Классная дама, не дав себе труда взглянуть на проделанную работу, небрежно бросила: «Я тут посмотрела – нам некуда ее вешать, забрось на шкаф. С музыкой тоже договорились, все равно эту выбрасывать пора».

Через три дня эта классная руководительница вызывает меня в школу и с возмущением жалуется, что Андрей перестал с ней здороваться, как будто не замечает ее. Вернувшись домой, я спросила у Андрея, в чем дело, он сказал мне с возмущением: «Я всю неделю старался, сделал все, как она просила, а она даже не взглянула и спасибо не сказала. Прежде чем воспитывать других, надо воспитать себя. Учить и отвечать историю буду на отлично, но здороваться с ней не буду».

В 10 классе Андрей решил, что будет поступать в летное училище. Мы запротестовали. Дед, отец мужа, две войны прошедший летчиком, в свое время категорически запретил сыну даже думать об этой профессии.

Но Андрей с детства вынашивал эту мечту. Комиссия его не пропустила – хронический тонзиллит, надо удалять миндалины. Андрей в тот же день самостоятельно ушел в клинику и прооперировался. Операция достаточно тяжелая, с большой потерей крови. Утром, когда я подошла к нему, он, обычно сдержанный, сказал: «Как же мне тебя не хватало, мама, сегодня ночью».

Время для поступления в летное было упущено, и Андрей решил идти в наше ИВВИАУ – Иркутское высшее военное инженерное авиационное училище. Был июль, мы знали, что

там конкурс 5 человек на место. Были уверены, что Андрей отступится от своего решения, в августе будет поступать в политехнический институт, и со спокойной совестью уехали на отдых к сестре Ляле во Владивосток. Она увезла нас в «Садгород». В лесничестве нам предоставили славный домик прямо на берегу океана. Весь двор здесь был усажен разными сортами роз. Отдых превратился в настоящий праздник.

А когда вернулись, квартира была пустой. На столе белела записка: «Я поступил, живу в училище». Оказывается, он уже месяц жил с однокурсниками в палатке на территории учебного заведения. У меня больно сжалось сердце. Я должна была немедленно повидать сына!

С одной из таких же матерей, чей сын поступил в то же училище, Тамарой Григорьевной Ожоговой, мы решили ехать туда и попросить хотя бы о минутном свидании. Однако нам строго ответили: никаких разговоров о свидании быть не может. Но тут в проходной женщина, которая там мыла пол, подсказала нам потихоньку, что со стороны аэропорта на территорию училища проходит старая, очень широкая труба. Она сухая, по ней можно проникнуть во двор. В 6 вечера ребята строем пойдут на ужин, вы сможете им махнуть. Но нужно быть осторожнее, там недалеко смотровая будка с вооруженным дежурным.

Мы с Тамарой Григорьевной нашли нужное место, проползли по трубе и вылезли на полянку. И тут же услышали над головой строгий окрик: «К кому?! Зачем?! Сейчас вызову наряд и вас арестуют». Перед нами стоял вооруженный курсант. Мы взмолились, упростили отпустить нас. Но подойдя к выходу через пропускной пункт, притаились и увидели своих мальчишек живыми и здоровыми. Это немного успокоило.

В первое полугодие ребят совсем не отпускали домой и редко приглашали на проходную, хотя мы приезжали каждую неделю и порой ждали часами.

В начале второго семестра первокурсникам выдали новую форму, вплоть до шинелей. Но на вешалке в столовой старшекурсники-выпускники заменили новые шинели первокурсников на свои, которые проносили пять лет. Не все смирились с этой подменой. Завязалась драка. Андрей свою ши-

нель отстоял, но ему разбили лоб, рассекли до крови бровь и щеку под глазом. Это мы узнали позже. А в тот день Андрей

Андрей, 2-й курс ИВВАИУ

на свидание с нами не вышел, и никто не сказал почему. Мы уехали расстроенные. А вечером анонимный звонок: «Андрей тяжелый, в лазарете. Найдите сами способ к нему попасть, ему нужна помощь. Предупреждаем: вам никто не звонил».

Не зная, в чем дело, но находясь в сильной тревоге, я взяла бикс, перевязочные материалы, анестетики, иглы, волос, зажимы и прочее, мы надели с мужем белые халаты и отправились к училищу вечером, ко времени, когда офицеры уходят домой.

Машину оставили на улице и по морозу в халатах и белых колпаках, сверху накинув куртки, заходим в проходную.

Нас останавливают и требуют пропуск, я строго отвечаю: «Профессора вызывали на консультацию?» «К кому?» Я, заглядывая в бумажку: «Больной Чурсин А.В.». Дежурный звонит в лазарет: «У вас есть больной Чурсин?». Долго не отвечают, наконец: «Да. С травмой».

Наш дежурный: «Тут к нему врачи приехали». «Пропусти».

Заходим на территорию, не знаем, куда идти. Никого нет, неровен час, какой-нибудь офицер увидит. И тут идет женщина. Подробно объяснила, как дойти до места. Пришли. Мрачное, плохо освещенное здание. Спрашиваю у дежурного: «Где травмоторделение?». Парень улыбается: «У нас все здесь травмоторделение и воспаление».

– А дежурный врач здесь?

– Нет, я один. А кого вам надо?

Я называю фамилию, он смотрит в длинный список.

– Да, он на втором этаже. Пойдите немного, я доделаю уколы.

В коридоре выстроилась очередь ребят – кто с засученным рукавом, кто с приспущенными брюками. Парень ловко набирает из пенициллиновой бутылочки лекарство – шлепок, и вкалывает раствор. При этом не меняет шприца – быстро, ловко, как автомат.

Спрашиваю: «Вы наше медучилище кончили?»

– Нет, я слесарь. Просто научился ставить уколы. А вот внутривенно днем ставит настоящий фельдшер.

Наконец, поднялись на второй этаж. В углу палаты в бессознательном состоянии лежал наш сын. Из рассеченной брови тихонько сочилась кровь, глаз закрыт, отек всего лица. Я пощупала пульс – 92 удара. Сам горит огнем и бредит. Сделала анестезию, ввела антибиотик, зашила рану, ввела болеутоляющее. Промыла лицо. Сын открыл один глаз, и из него выкатилась слеза. Я наложила повязку и попросила разрешения остаться до утра. У нас был с собой ужин, мы угостили дежурного, и он посоветовал остаться до 6 утра, а потом незаметно уйти.

Виктор уехал, а я всю ночь выхаживала сына. К утру температура снизилась до 38. Андрюша пришел в себя и спросил: «Как тебе удалось пройти?» Он не помнил, что я была с отцом.

– Который час?

– Пять тридцать.

– Мама, уходи. Я думаю, что теперь я выживу, мне легче. Только, пожалуйста, никому ничего не говори.

Днем я связалась со знакомой студенткой, проходившей у меня практику – она жила на территории училища. Она попросила для меня пропуск, я приходила теперь в лазарет каждый вечер. И заставляла ту же картину: мальчики так же регулярно получали свои шлепки и уколы. И, представьте, никаких осложнений, насколько я знаю, это не вызвало.

Учился Андрей с удовольствием. Но несправедливые обиды по-прежнему переносил с трудом. У него была такая привычка, о которой знали только мы, родные. Когда его ругали несправедливо, у него на лице появлялась застенчивая улыбка – так он пытался скрыть свою обиду. Но начальнику курса показалось, что Андрей смеётся над его словами, и он назначил ему пять ночных смен дежурить «на тумбочке». Это охрана знамени с оружием. Среди курсантов ходила легенда, что раньше здесь было юнкерское училище, и теперь ночью появляются привидения – монашки. Андрей за пять ночей сильно переутомился и в последний день дежурства, видимо, на нервной почве весь покрылся красными изъязвлениями. Его отпустили домой, и мы выхаживали его целую неделю.

На старших курсах местных ребят стали отпускать на ночь с субботы на воскресенье домой. Андрей привозил с собой по несколько человек. Я стряпала пирожки, подкармливала их как могла.

По старой традиции ребят со старших курсов училища стали приглашать на вечера в медицинский и педагогический институты, тогда по преимуществу девичьи. Завязывались знакомства, романы, пошли свадьбы. Однажды на последнем месте курсанты пришли в педагогический институт. Обычно на вечера их пускали бесплатно, а тут запросили по рублю. Какие у курсантов деньги? В дверях стояла девушка, в которой Андрей узнал одноклассницу Таню Горбунову. Конечно, она пропустила ребят бесплатно. Вечер они провели вместе. На следующий день Таня пришла ко мне в поликлинику и рассказала, что виделась с Андреем. Я пригласила ее домой, мы долго разговаривали. Симпатичная, скромная, Таня мне очень понравилась. Они стали встречаться.

Настал день выпуска. Андрей получил направление в Грузию. Но когда приехали в военкомат сниматься с учета, ему и еще одному выпускнику объявили, что они остаются служить в области, на станции Белая в поселке Зеленом.

Ребят поместили в общежитие. В маленькой, узкой комнатке стояли две кровати, шкаф, стол и аквариум с рыбками.

В день окончания института

Служба была нелегкой. Им предстояло готовить к полетам тяжелые самолеты, обслуживать должны были 7 человек, а их было только двое.

Таня часто приезжала к Андрею, но ночевать было негде – приходилось идти к подруге или договариваться с гостиницей. В 1986 году ребята решили пожениться. Свадьбу справили в ресторане гостиницы «Ангара». Гостей было две сотни человек. В белом подвенечном платье и изящной шляпе, Таня была настоящей красавицей. Жених в летной форме

лейтенанта авиации тоже выглядел эффектно. Родители Тани были известные в посёлке люди: отец Геннадий Николаевич Горбунов был в то время директором авиазавода, а его жена Тамара Петровна работала на этом заводе инженером.

Свадьба Тани с Андреем

Поселились они в военном поселке Зеленом. Им дали однокомнатную квартиру, очень запущенную, не беленную много лет, грязную – здесь жили до них холостые ребята. Привели ее в порядок завезли мебель. Один из уезжающих летчиков предложил Андрею купить у него гараж вместе с машиной, это был разбитый «Москвич». Андрюша осмотрел машину, и они вместе с отцом вывезли её в наш гараж в Иркутске. Теперь каждое воскресенье Андрей приезжал домой и возился с машиной. Лежал под ней по 8 часов, покупал то одно, то другое, что-то ему вытачивал в своем институте отец. К лету машину покрасили в бежевый цвет и вывели из гаража – потом она несколько лет верой и правдой служила молодой семье.

Через год в семье родилась девочка, которую назвали Лерой. Когда девочке не было еще трех лет, Таня серьезно заболела, легла в Усольскую больницу. Андрей в это время был в командировке. Я взяла отпуск, и мы жили с Лерочкой в Зеленом вдвоем. Территория в поселке вся перекопана, гулять по-хорошему негде. А Лерочка настоящая егоза, летит как стрела, не угнаться. Пришли в магазин, я встала в очередь за продуктами, оглянулась – нет ребенка. Поднялась паника, все ищут вокруг, нигде не видно. Отыскали в глубине магазина – Лерочка с увлечением раскладывала продуктовые банки и кульки по своему усмотрению. Еле вытащили.

Первый ребенок в семье Андрея

Пришло время возвращения Тани. Вернулся из командировки Андрей. Прикатили на «Волге» Танины родители. Накрыли стол, посидели по-семейному. Можно было и уезжать. Я спросила свою сватью Тамару Петровну, не найдется ли у них места

в «Волге», на которой они сюда приехали. Место есть, ответила она, но им еще нужно ехать по каким-то делам. Андрей собрался проводить меня на вокзал, но я отказалась, понимала, что семья не виделась больше месяца, да и Лерочка вцепилась в отца и не хотела его отпускать.

Было уже 9 вечера. Поезд до Иркутска уходил через полчаса. И я пошла на вокзал. Дорога до станции недалёкая и приятная – узкая тропинка ведет через пшеничное поле прямо от военного городка. Погода была прекрасная, солнце еще стояло высоко, золотом отливала пшеница, стрекотали кузнечики, порхали бабочки. Я в красном сарафане, с легкой сумочкой с удовольствием шла по тропинке, поглядывая на часы. До отхода поезда оставалось пять минут, вокзал был уже рядом. «Еще и билет успею купить», – подумала я. И вдруг услышала громкое: «Ух! Ух! Ух!»

Я оглянулась. Наперерез мне, метрах в 50, не бежал, а летел стрелой огромный черный бык. Он летел явно ко мне, и так страшно горели его налитые кровью глаза, что я, не помня себя, рванула к вокзалу. На пути у меня, перед платформой, чернела огромная куча свежего, еще теплого шлака. Уже не оглядываясь, но чувствуя за собой шумное сопение, я взлетела на четвереньках на вершину кучи и кубарем скатилась с нее прямо на платформу. Здесь стояла толпа, и поезд уже подходил. Я первая вскочила на подножку и вбежала в вагон. И только потом выглянула в окно. Огромный бык стоял на вершине кучи, нервно перебирая ногами. Его черная спина ярко блестела в свете заходящего вечернего солнца, он дрожал, глаза налились кровью, изо рта на шлак стекала белая пена. Я заплакала. Соседка усадила меня напротив себя и спросила:

– Это он?

Я кивнула, не в силах говорить.

– Читайте, что вы родились сегодня второй раз...

А мне вспомнился случай из моего детства. В доме, где я росла, всегда была корова, которая ежегодно одаривала нашу семью бычком или телочкой. С детства мы ухаживали за ними и считали их добрыми, даже беззащитными домашними животными.

Однажды утром мама послала меня в магазин за хлебом. Мне семь лет. Магазин через три дома, по нашей стороне улицы. Я купила хлеб и медленно иду домой, отщипывая на ходу теплые корочки. Навстречу мне так же медленно идет небольшой бычок красного цвета. Поравнялись. Вдруг бычок разворачивается, прыжком настигает меня, прижимает к забору и начинает чувствительно бодать своими едва выглядывающими из головы маленькими рожками.

Вначале я даже не испугалась, это было похоже на игру. Но вдруг боднул меня так, что хлеб выпал у меня из рук и он наступил на него ногой. Толчки становились все сильнее. Тут я по-настоящему испугалась, закричала и заплакала. Выскочили соседи, прутом отхлестали и отогнали бычка, а меня проводили домой. С тех пор я старалась не общаться с чужими бычками. И тут такое...

Полтора часа, пока шла электричка, я, онемев, тупо смотрела в окно. Руки и ноги, ободранные шлаком, саднили, лицо и платье были черные от золы. В Иркутск мы прибыли затемно, и только тут я спохватилась, что потеряла сумочку. Я медленно сошла на платформу и побрела ночными переулками домой. Страх на пустых темных улицах я не испытывала, тот, пережитый ужас был сильнее. Явившись домой, я своим видом испугала семью.

Уже в постели меня начало трясти, зуб на зуб не попадал. Успокоительное не помогало.

Теперь, когда я вижу коровье стадо, у меня начинает подергиваться уголок правого глаза – память о той страшной встрече.

Лерочку я любила нежно и грустно – она чаще была в доме у родителей Тани, и бабушка очень ревниво относилась к моему общению с внучкой.

Мы встречались тайно, через щель в заборе детского сада. Как-то раз я, как обычно, подошла к детскому саду. После жаркого дня вдруг поднялся сильный холодный ветер. Лерочка стояла у нашей щели в очень красивом и совершенно прозрачном розовом платье и дрожала от холода. Я говорю: «Сейчас принесу тебе одежду». Она испугалась: «Баба Тома рассердит-

ся». Я зашла в ближайший магазин, купила новое платье и кофточку и пришла во двор садика. Лерочка совсем перепугалась, все повторяла, что баба Тома будет сердиться, она не хочет, чтобы ты приходила ко мне. Но все-таки дала себя переодеть, потом прижалась ко мне, и мы вместе поплакали.

А когда Лерочке исполнилось 7 лет, родился Кирюша.

Андрей с Кирюшей

В это время семья Андрюши жила в Улан-Удэ, по новому месту службы Андрея. Андрей получил должность военного представителя на здешнем вертолетном заводе. Заметив его техническую грамотность и интерес к вертолетам, руководство назначило его бортинженером. Служба шла

успешно, здесь семья получила новую прекрасную квартиру. Андрей построил гараж, приобрели «Волгу».

Я часто навещала их здесь, чтобы помочь Тане. Поезд приходил в 6 утра, в 7 я уже тихонько стучалась в дверь квартиры. Мне открывала Лерочка и шепотом сообщала, что папа с мамой еще спят, но она уже сварила кофе, приготовила бутерброды и теперь гладит Кирюшины пеленки. В свои семь лет Лера стала настоящей хозяйкой в доме. Когда у ребят появилась дача, она с энтузиазмом пропалывала грядки, выращивала клубнику и даже капусту.

Вообще это был удивительно трудолюбивый ребенок. Несколько лет она серьезно занималась танцами, отлично танцевала.

Как я уже говорила, Кирюша родился в Улан-Удэ. Этот день стал большим праздником. Таню встречали на десяти машинах все сослуживцы Андрея – среди детей в их компании это был первый мальчик. 20 человек уселись за праздничный

стол, посреди которого красовался 10-килограммовый торт. Остроумные, веселые поздравления, торжественные тосты. Я тогда сказала Тане: «Запомни этот день – так бывает только раз в жизни». Через несколько дней я уехала домой.

А через 7 месяцев случилась страшная трагедия – при неудачной посадке вертолета погиб наш сын.

В день гибели

Это произошло 8 августа, стоял жаркий ветреный день. Андрей был в отпуске. Его вызвали на аэродром, объяснив, что инженер-испытатель не хочет лететь с новым пилотом, который до этого летал только на истребителе. Андрей согласился прийти, и полет состоялся. Но летчик не сумел вывести машину на посадку. Андрей, понимая, что в вертолете три тонны бензина и при падении он взорвется, отстегнулся и успел отключить двигатель, но снова пристегнуться уже не успел. При ударе машины о землю все остались живы, а он вылетел вниз лицом, пробив головой 10-миллиметровое плексиглазовое лобовое стекло. Он получил очень серьезную травму, но мог остаться в живых, если бы ему сразу была грамотно оказана помощь.

Он был в сознании и попытался дать знать руками, чтобы его не переворачивали на спину. Нижняя челюсть была сломана, и мышцы подъязычной области оттянули язык к гортани. Говорить он не мог, но понимал, что если его перевернут, то закроют дыхательные пути. А это смерть.

Этих знаний он набрался, часто бывая подростком у меня в кабинете и внимательно наблюдая за челюстно-лицевыми операциями, которые я делала в его присутствии. Когда мы возвращались домой, он мог сказать: «Знаешь, мама, а я бы подтянул тот лоскут правее, было бы лучше». И, уже работая инженером, как-то сознался: «Мама, а я ведь очень хотел быть хирургом, но стеснялся тебе сказать».

В тот момент летчики, конечно, не поняли его знаков, перевернули на спину, и, пока несли до больницы, он задохнулся.

Когда я представляю, как он умирал, истекая кровью, боль не дает мне забыть. А ведь всего-то и надо было – вытянуть язык и пристегнуть его даже просто булавкой к воротнику гимнастерки, зашинуровать перелом и обработать раны головы. И человек бы жил, работал, растил детей, учил молодых.

Похороны Андрея

В Улан-Удэ с Андрюшей прощались с великими почестями. Привезли его в Иркутск, выносили из нашего дома и хоронили на кладбище летчиков-испытателей. Народу было много, говорили теплые добрые слова, называли героем, ведь он спас от пожара поселок, экипаж и машину. На месте гибели Андрея почти в центре города стоит обелиск и пятиметровый крест.

Памятник Андрею в поселке Каменка

На месте гибели Андрея

Тоска и бесконечная боль от потери сына до сих пор терзают меня. Как-то муж, работая на даче, заметил, что каждой весной, когда кипит работа на огородах, над дачным поселком, возвращаясь из теплых краев, пролетают клин за клином журавли. И каждый раз одна из птиц, отрывается от стаи и курлыча делает несколько кругов над нашим домиком и только потом присоединяется к стае. Осенью, когда птицы улетают, картина повторяется. Теперь мы каждые осень и весну ждем их появления, и нам кажется, что это наш Андрюша приветствует нас. Так родились стихи «Журавель», к которым мой друг, музыкант и композитор Михаил Лапис, написал музыку. Эта песня, посвященная сыну, теперь часто исполняется на на-

ших совместных концертах в филармонии, областной библиотеке, в органном зале и на других встречах.

Песня заканчивается словами:

*А журавли, курлыча, пролетают,
Один отстал и машет мне крылом,
Его друзья, наверно, понимают,
Что мой сынок приветствует свой дом.*

Когда песню исполняет заслуженный артист России Николай Прошин, слушатели обычно встают и приветствуют авторов и исполнителя. А у кого-то она неизменно вызывает слезы.

После гибели Андрюши мы с мужем всю свою любовь перенесли на внуков.

Младший сын Андрюши – Кирюша прошел по всей нашей жизни. Маленького я забирала его из детского садика, который находился на нашей улице, отсюда мы шли в «Детский мир», каждый раз покупая какую-нибудь новую игрушку. Однажды Таня с Лерочкой уехали в гости в Индию к Таниной сестре – она вышла замуж за индийца и живет там. Кирюша на это время поселился у нас. Я взяла отпуск. Кирюша, прекрасно понимая мою к нему любовь и привязанность, с утра начинал диктовать мне меню: «Какаву! Нет, манную кашу! Нет, капусту!» Выходили гулять. Он садился в свою детскую машину, нажимал на педаль и мчался так быстро, что догнать я его не могла. Он оглядывался, хохотал, но не останавливался. В парке, что недалеко от нашего дома, мы переходили с одного аттракциона на другой до самого закрытия, пока дворник с метлой не пригрозит шуточно вымести его в мусорный ящик. А каких только сказок не сочиняла я, чтобы уложить его спать!

Когда Кире было 8 лет, произошел такой случай. Однажды Таня приехала на завод на своей машине, оставила ее у проходной. Машину угнали. Вечером Кирилл катался на велосипеде и увидел возле одного из домов мамину машину, в которой сидели чужие парни. Кира смело подъехал к ним и закричал: «Это наша машина, выходите!» Парни быстро включили двигатель и поехали прочь. Кирилл долго гнался за ними, запомнил,

куда они поехали и их лица, и когда Таня обратилась в милицию, машину и угонщиков быстро нашли.

*Виктор Андреевич с внуками
Лерой и Кириллом*

Когда Кируша подрос и пошел в школу, он сразу записался в несколько кружков: танцев, рисования, в бассейн. Потом увлекся футболом. В этом году он окончил лицей и теперь учится в Академии экономики.

Лера после окончания лицея и института иностранных языков – с отличием – вышла

замуж за своего школьного друга Антона, у них подрастает сын Ярослав. Таня работает на авиазаводе инженером.

Свадьба внучки Лерочки с Антоном

Кирилл на свадъбе Лерочки

Лерочка с мужем Антоном и сыном Ярославом

У меня две невестки, я люблю их обеих и посвятила им немало стихотворений. Вот одно из них:

*У меня две невестки – цветущие розы.
Запах ландыша, чая, весенней мимозы,
Васильков и черемухи, терпкий – жасмина.
Имена светло-русские: Таня и Нина.
Что постарше – рубин, а глаза – изумруд,
Ей по силам мудрейший, утонченный труд.
Рассудительно-дельная, чуть холодна,
Держит в строгости мужа такая жена.
У второй синевы незабудок глаза,
Блеск и нежность и тон – ну сама бирюза.
Как кораллы, очерчены пухлые губы,
Словно жемчуг, блестящие ровные зубы,
Чуть мечтательна.
Обе они музыкальны,
А в нарядах – со вкусом и оригинальны.
Очень схожи с напевною дивною песней.
Нет милей сыновей, а невесток – прелестней*

Невестка Таня с внуком Ярославом

Наша семья

Братья и сестры

Мой младший братишка Коля прожил меньше нас всех, погиб трагически в возрасте 18 лет.

Родился он в 1935 году. После окончания восьмого класса поступил в горный техникум в Иркутске на геологический факультет. Коля был высокий, стройный блондин, ему очень шла форма горняка. Когда он учился на 2 курсе, я взяла красивый серый костюм мужа, распорол его, отутюжила и отдала портному в переделку. В этом костюме он был неотразим. Потом горный техникум перевели в Черемхово, и мы стали встречаться реже.

Брат Коля в первом ряду справа

На последнем курсе их группу отправили на преддипломную практику в село Березовка Кемеровской области. Оттуда Коля написал родителям, что вернется домой 13 июля вместе со своей девушкой – Машей, она его невеста.

За день до отъезда компания девушек и ребят возвращалась с работы по берегу реки. Было жарко, и девчата решили искупаться. Зашли на боны на берегу. Маша прыгнула в воду

и вдруг стала кричать, что ее затягивает под боны. Когда подбежали ближе, ее уже не было видно. Коля нырнул и сумел вытолкнуть девушку наверх. Но сам выплыть не смог. Его еще долго потом не могли найти. Хоронили его в Березовке. Погода стояла жаркая, в поезде бы его не довезли, а самолетом – отказали. Коля был светлый человек, красивый душевно и физически. Лет тридцать назад к нему на могилу ездила сестра Людмила, а я была там раньше. За могилой до сих пор ухаживают хорошие люди, дай им Бог здоровья. А Коленьке светлая память! Ведь он погиб героически, спасая человека.

Другой мой брат Вася родился в 1926 году. Родился недоношенным, раньше времени на 2 месяца. Его долго пришлось выхаживать, лечить, чтобы он выжил. Рос он добрым и любимым, особенно отцом. Ведь он был первым его сыном, и отец радостно говорил: «Наследник растет!»

Он поступил в ПТУ, но так как был болезненным и робким, его там постоянно обижали. Мама, приехав его проведать и увидев, какой он весь синий, худой и испуганный, забрала его домой. А на следующий год он поступил в ветеринарный техникум в Иркутске и поселился у сестры отца. Там было не лучше. В этой семье ученье не было в почете, мальчишку заставили ходить за скотиной, эксплуатировали нещадно, он отстал от программы и, наконец, воротился домой.

Внешне Вася ничем не выделялся среди сверстников, даже рост у него был средний. Он и работу себе выбрал такую же «среднюю», заурядную – окончил курсы шоферов и пошел работать на завод горного оборудования. А вот голос у Васи был необычный, очень красивый голос.

Девушки на него особенно не заглядывались. Но однажды при погрузке товара подошла девушка и попросила его расписаться в накладной. Была она небольшого роста, со строгими серьезными глазами, полноватая, с мягкой доброй улыбкой. Он недоуменно посмотрел на нее, расписался, но потом долго не решался сесть в машину: чем-то она покорила его. С тех пор она стала каждую ночь сниться Васе. Когда он получал на комбинате товар, с нетерпением ждал ее выхода. Она появилась

один раз, другой. На третий раз, улыбаясь, заговорила с ним. Он пригласил ее в кино. К его удивлению и радости, девушка охотно согласилась, а когда через два месяца он осторожно сделал ей предложение, она так же легко и быстро дала согласие. Но предупредила, что у нее очень строгие родители, требуют соблюдения обычаев, поэтому надо засылать сватов.

Такое известие удивило маму и отца, но они приоделись понаряднее и в назначенный день пошли с подарками сватать невесту. Мать Таси долго рассуждала о строгости, в которой они воспитывали дочь, и настояла, чтобы молодые венчались в церкви. Вася был влюблен и на все соглашался.

Договорились, что жить молодые будут в доме наших родителей.

Свадьба состоялась в нашем родительском доме. Гости хвалили невесту и жениха, но невеста сидела почему-то грустная, ссылаясь на головную боль. Разошлись в два часа ночи, молодые ушли в свою комнату, приезжие гости ночевали в избушке во дворе.

Ближе к утру Вася встал и стал искать что-то в комод. Потом был долгий напряженный шепот, и все затихло. Утром приехали родители Таси поднимать невесту, проверять ее девственность. Если она невинна, то простыня должна быть в крови. Считалось, что эта простыня оберегает молодую семью, поэтому должна долго храниться в таком виде.

Накрыли стол, мать невесты торжественно внесла окровавленную простыню, жених поблагодарил родителей и невесту за чистоту – на этом самый щепетильный момент свадебного обряда был завершен.

Тут Васю попросили перенести какой-то тяжелый бак, и у него из-под рукава рубашки полилась кровь. Родители забеспокоились: что это?

– Это я вчера на работе. Тише, дайте бинтик.

Молодые ушли в спальню и вернулись не скоро. Никто не удивился: молодые, любовь, медовый месяц...

Вася жил, как в тумане. Счастье его было безгранично. Он уезжал на работу, через час возвращался, чтобы увезти на работу жену, на обед и после обеда они ехали вместе. Тася часто

задерживалась на работе – она была секретарем у начальника и нередко говорила Васе: «Ты поезжай домой, я у родителей заночую, тут рядом».

Влюбленный муж на все соглашался, но однажды мать Таси возмутилась, заявив Васе: «Да что это – вам тесно спать вдвоем, что ты ее все к нам отправляешь?» Дома вторил его отец: «Ты что, Василий, так жену от себя отвадишь. Кончай с этим!»

Прошло три месяца. Тася заметно округлилась, реже выходила обедать со всеми. Однажды она не пришла домой ни на второй, ни на третий день. Вася возвратился с работы грустный, не стал ужинать, сразу ушел в свою комнату, и мать вдруг услышала, что он горько плачет.

Оказалась, что Таисья ушла совсем. Видимых причин для развода не было, у нас в доме о ней все заботились, Вася одел любимую жену «с иголки», вечером читал ей вслух, он очень любил книги. Только мама не верила в эту идиллию, чуя неясную беду.

Тем временем Тасин начальник выхлопотал ей комнату в общежитии и часто навещался к ней, заботясь, как она устроилась. Через два месяца Таисья родила сына, назвала его именем своего начальника, а отчество и фамилию оставила Васиной.

Вася привозил ей дрова и воду, обеспечивал продуктами, хотя, как оказалось, он со дня свадьбы знал о ее связи с начальником. Даже руку порезал, чтобы измазать простыню и спасти ее честь, доказав, что она невинна. Он и тут простил жену, просил вернуться. Но и начальник, узнав, что Тася вышла замуж, тоже пообещал жениться на ней, вот она и подала на развод. На суде Тася объявила, что любит другого, что у нее растет от него сын, что к Васе она претензий не имеет, он очень хороший человек.

Вася после развода не женился. Подросший мальчик начал бегать в гости к «папе», получал от него подарки, гостинцы. Вася привязался к мальчику и все надеялся, что Тася вернется. Начальник с семьей между тем переехал в другой город, обещая за ней приехать.

Прошло еще два года. Тася ласково встречала Васю, когда он приходил навестить «сына» или поздравить ее с днем рождения, праздником. Но по-прежнему ждала своего кумира.

Как-то через несколько лет он покупал на почте марки. Миловидная женщина, выглянув из окошечка, сказала, что Вася поражает ее своей щедростью, никогда не берет сдачу. И предложила ему лишний билет в кино. Вася купил.

Фильм был необычный, захватывающий – очень популярный тогда «Тарзан». Когда перед началом фильма в зале погас свет, на соседнее кресло прошла женщина. Она громко возторгалась фильмом, смеялась и подпрыгивала, толкала Васю в бок и прижималась к нему. В перерыве между сериями зажегся свет, и Вася узнал в соседке женщину с почты. Фильм кончился, и она попросила проводить ее домой: она, мол, не знала, что он двухсерийный, что сеанс закончится так поздно. Жила Лида, как она представилась, на другом конце города. Разговаривать с ней Васе было неинтересно, и он, проведив ее, быстро ушел домой.

Тоска по бывшей жене вспыхнула с новой силой, и на следующий день он пошел повидать ее и мальчика. Тася сияла. Оказывается, она получила письмо от подруги о том, что ее бывший любовник разошелся с женой и собирается жениться. Тася быстро выпроводила Василия, ей хотелось помечтать о своем поклоннике.

Лида не отставала от Васи, делала ему предложение за предложением, убеждала, что Тася никогда к нему не вернется, и, наконец, через год переехала в дом к нашим родителям. Приятная внешне, милая и ласковая, каждый мужчина был бы рад такой жене. Вскоре Васе выделили квартиру, и они уехали из родительского дома.

У Лиды была какая-то болезненная страсть к покупке нужных и ненужных вещей. Вася перешел на работу в Ангарск, работал в две смены. Нарядная, модно одетая Лида не любила заниматься домом, семьей, категорически была против детей, не соглашалась иметь ребенка. У Васи же главная мечта была стать отцом.

Так прошло три года. Пустых, без любви и семейного счастья. Наряды, выпивки, глупые Лидины разговоры его раздражали. Но он считал: жизнь его кончена: Тася не вернется, значит какая разница – Лида или кто-то другой.

Однажды, возвращаясь с работы, Вася обратил внимание на единственное светящееся окно почты. Он невольно заглянул и увидел свою жену на диване рядом с молодым офицером. В эту ночь Лидия не пришла домой, а через день объявила, что любит другого и уезжает с ним в Севастополь. Слышать это было неприятно, но брат не очень огорчился: их брак, к счастью, официально не был оформлен. Вася сдал квартиру и вернулся к родителям.

Он по-прежнему навещал Тасю, не теряя надежды вернуть её. Но она все еще ждала своего начальника. Вася заметил, что она подурнела и начала пить, при встречах вела себя вызывающе, вульгарно. Вася впервые почувствовал, что она ему стала неприятна. Он ничего не сказал ей, не сделал никакого замечания, отдал гостинцы мальчику, проверил его дневник, поговорил об учебе. И тут мальчик попросил забрать его.

– Знаешь, сынок, – сказал Вася, – мне надо поговорить с мамой, но сегодня она нездорова. А если она согласится, я заберу тебя сразу.

– У меня самые радостные дни, когда ты приходишь. У нас мало денег, а мама пьет.

Через две недели Вася пришел за сыном. Тася встретила его грозно:

– Что я, дура какая, чтобы тебе сына отдать? Это же деньги у себя отнять. Ты его заберешь, а кто меня будет обеспечивать? Меня грозят с работы уволить. Я еще у тебя алименты отсужу или давай увеличивай дотацию вдвое!

– Официально ты ничего не получишь. Ты вышла за меня, чтобы скрыть свою беременность, ты же сама об этом заявила в суде. Да и биологическое отцовство легко опровергнуть. Просто отдай мне мальчика, и пусть он считает меня отцом. Ты изувечишь ему жизнь.

– Бери, но только вместе со мной. Меня уволили с работы.

Вид у нее был неопрятный: пьяная, косматая, злобно выплёвывающая слова баба.

– Я еще жду своего... Если уж не дождусь, пойду за тебя, мне все равно.

Васе было неприятно смотреть на нее. Но мальчик-подросток был дорог ему, как родной.

– Ты мне противна. Жди своего начальника. А сына мне отдай.

– Какой он тебе сын? – и она выпалила при ребенке всю правду.

– Папа, это правда?

– Ты же видишь, – сказал ребенку Вася, – у тебя и фамилия, и отчество мои. Идем ко мне, будем жить вместе.

Назавтра сын пришел жить к Василию. Он был добрым мальчиком, жалел мать и каждый день носил ей еду и деньги.

После школы Ваня поступил в институт, потом ушел в армию. Вася дважды ездил на место его службы на восток, писал ему и очень скучал. И по-прежнему мечтал о нормальной семье, в которой было бы много детей.

Однажды, выезжая с завода, Василий увидел у ворот мальчишку лет семи, грязного, худого. Тот подбежал к кабине и попросил конфетку.

– Ты как сюда попал? – спросил Василий.

– Моя мама ворота открывает.

– Скажи ей, что я тебя покатаю.

Мальчик побежал к будке. Вышла цыганка, довольно приятная, быстроглазая.

– Возьми на час, и назад. Юра, слышишь?

Юра кивнул и молча забрался в кабину. Они заехали в столовую, пообедали, потом Вася купил пакет конфет и пряников и повез ребенка к матери. Юра заметно отставал в развитии, не учился, но очень умело ругался матом.

Через несколько дней Василий увидел мать Юры на дежурстве.

– Где же ваш Юра?

– Заболел Юрка. Все вас вспоминает.

В обеденный перерыв Василий накопил гостинцев и с матерью Юры, Марией, поехали к ним домой. Землянка, в которой жили его новые знакомые, находилась в Нахаловке, так называли район самостроя. В ней было холодно, грязно и, конечно, голодно. Юра метался в бреду, весь горел.

Василий содрогнулся, увидев это. Он работал уже начальником охраны предприятия, получал хорошую зарплату, жил в доме один – мама и отец к тому времени ушли из жизни, а мы все разъехались. Ему до боли было жалко мальчика. Тот тянул к нему руки, просил взять к себе. Вечером Василий забрал Юру, привез его в свой дом, выкупал, уложил к печке, напоил горячим брусничным морсом. Ребенок уснул. Ближе к ночи пришла с дежурства его мать. Вася оставил их в самой теплой комнате, сам уснул в другой, на диване. Наутро вызвал врача. Тот поставил диагноз: пневмония, назначил лечение. По соседству с Василием жила студентка медучилища. Вася попросил ее делать уколы, а Марии строго наказал выполнять все предписания врача.

Ребенок проболел три недели. Мария получила бюллетень и все это время прожила в доме Василия. Топила печи, мыла полы, готовила обеды. В доме стало снова тепло и уютно, как при матери и отце.

Когда Юра выздоровел, Мария вышла на работу и первым делом пошла взглянуть на свою землянку. От той не осталось и следа, самострой снесли бульдозером. Самостройщиков уже давно предупреждали, чтобы они перенесли свой скарб на другое место. Теперь у них не было ни кола, ни двора, и они с Юркой остались пока жить у Василия.

Маша продолжала вести хозяйство. Не имеющий опыта воспитания, Вася безмерно баловал мальчика, завалил его подарками, игрушками. Когда Юре пришла пора идти в школу, мальчик заявил, что не хочет учиться, несколько раз сходил на занятия, но так и не окончил первый класс. Этот хитрый, быстрый цыганенок мог незаметно залезть в чужой карман, стащить что-нибудь у соседей, пользоваться чужим огородом, как своим. Все у него получалось. Кроме учебы.

Через десять лет Юра превратился в красивого крепкого парня. Каждый день требовал у матери денег на бутылку и папиросы, нигде не работал и не собирался.

Однажды, вернувшись из командировки, Василий не застал Марии дома. Юрий сказал, что она в больнице, что-то с почками. Вася застал Марию в больнице в бессознательном состоянии, спина у нее была черной от кровоподтеков. Никто не мог сказать, что с ней произошло. Две недели Василий ухаживал за Марией, не выходя из больницы. Она таяла на глазах и, наконец, умерла. Похоронив Марию, Василий кинулся искать Юрия. Нашел его в морге – он был убит в пьяной драке. Вася тяжело пережил эту утрату и винил себя за то, что не сумел переломить их горькие судьбы.

А Лидия не оставила его в покое. В Севастополе молодой офицер бросил ее, и она прибилась к семье своей сестры, по совпадению проживавшей в этом городе. Дочка сестры, племянница Лидии, родила ребенка вне брака. Тогда это

считалось большим позором. Лидия и из этого решила извлечь выгоду. Зная, как любит Василий детей, как мечтает о них, она взяла новорожденную девочку и нагрянула с ней к Васе. Был холодный предновогодний вечер. Василий сидел за столом со своим другом детства Константином. В доме тепло, пахнет свежим хлебом, на плите котлеты и пельмени. Вася не пьет и не курит, привык сам поддерживать порядок, который всегда царил в родительском доме. На стук в окно и плач ребенка друзья вскочили в чем были. Лидия рассчитала точно: Василий не позволит себе выставить ребенка на улицу. Все заботы о девочке снова легли на него, он кормил ее и пеленал, купал и покупал ей игрушки. Лидия к девочке была совершенно равнодушна, она достигла своей цели – вернула себе благополучную жизнь за спиной доброго человека.

Правда, Василий не замечал ее и однажды сказал ей в сердцах: «Кто тебя звал?» Но она подготовилась к этому разговору и сочинила историю про то, что отец хотел убить девочку, а она ее спасла. И пообещала: «Я найду квартиру, и мы уйдем».

Но Василий уже намертво привязался к маленькой Светланке. После работы спешил домой и нередко заставлял де-

вочку одну, мокрую, голодную, в слезах. Девочка обожала деда Васю. Он тоже в ней души не чаял. С восторгом рассказывал о ней друзьям, радовался ее первым шагам, первым словам, отдал ее в детский сад. Когда Лидия отправилась в Севастополь под предлогом, что ей надо оформить пенсию, он даже обрадовался – девочка будет с ним. Но в один прекрасный день та снова явилась, упала, как снег на голову, и объявила, что приехала за девочкой. При этом, увидев Светланку, очень удивилась: «Ой, какая она стала хорошенькая!»

Василий очень тяжело пережил расставание с ребенком, тосковал и мучился.

А через год Лидия снова появилась на пороге и стала уговаривать Василия ехать с ней в Севастополь, уверяя, что Света будет жить с ними, для нее тамошний климат полезен. И Вася снова сдался. Родительский дом передал племянникам, детям сестры Людмилы, и поехал в Севастополь к своей любимице. Но там, в чужой квартире, он оказался на «птичьих правах». Устроился работать, но семьи не сложилось. У Лидии была своя жизнь, она проводила время на стороне. Света между тем выросла, вышла замуж. Ей отдали квартиру, а Вася стал строить домик во дворе, где стоял особняк ее деда.

Однажды мы с моим мужем Виктором по дороге на отдых заехали в Севастополь и ужаснулись нищенскому виду Васи и его положению в семье. Я настояла, чтобы он ехал с нами в Иркутск и поселился у нас. Он согласился. Но Лидия нашла его и здесь, целый год жила у нас, нигде не работая, в конце концов все-таки увезла его назад. Достроить избушку Вася не успел – тяжело заболел. У него обнаружили опухоль в легких. Умирал он очень тяжело и, по сути, в одиночестве, но никому не жалуясь.

Может быть, кому-то эта история покажется неоправданно длинной, но я решилась рассказать ее подробно – уж очень она необычна и даже трагична. Брат мог бы стать прекрасным семьянином и, главное, отличным многодетным отцом. А вот выпала ему такая судьба – оказались рядом с ним такие женщины. Мы, сестры, переживали очень за него, но изменить

что-то в его жизни были не в силах. Светлая память и этому моему брату, Быкову Василию Никитичу!

Наша семья: сидят: слева мама Ульяна Ефремовна, рядом Женя, папа Никита Семенович, Виталик – сын Галины, Лиза, стоят: Лидя – жена Васи, Василий, Галина, Людмила

Кроме двух братьев со мной выросли три сестры. **Про старшую, Галю** я уже рассказывала. Она первая в семье после школы пошла учиться, поступила в Иркутский авиационный техникум. Техникум только что открыли, учебных площадей не хватало, общежития не было, студентов размещали по частным квартирам в многодетные голодающие семьи. Ее друг Спартак был на фронте, и в 1943 году погиб под Сталинградом.

К тому времени, как я поступила в стоматологический институт, Галя окончила техникум и начала работать на авиационном заводе во втором Иркутске, где получила место в общежитии. Каждую субботу и воскресенье я ездила к ней. Жили мы очень дружно, делили пополам радости и трудности, боролись как могли с голодом. В связи с этим мне помнится один случай.

Было это осенью второго года войны. В отдалении от взлетной полосы заводского аэродрома распахали кусок земли, на котором посадили картошку. Осенью хозяин участка, заместитель директора завода Б.Б., эвакуированный из Москвы, попросил меня, тогда студентку, помочь выкопать картошку. Два родственника хозяина, Игорь и Юрий, здоровые, крепкие парни, ждали в половине шестого утра у своего подъезда. Меня провожала сестра, несла два пустых мешка и два ведра. Договор состоялся до начала работы: копальщица получит два мешка картошки.

В поле работников повез сам Б.Б. Земля, на которой росла картошка, была жирная, блестящая, черно-мраморная. Как сказал шофер: «Так бы намазал на хлеб и съел».

Работу распределили так: Юра подкапывает, Игорь относит и засыпает сразу в мешок, я выбираю картошку из земли.

Вышли в поле. Было очень холодно, дул сильный ветер. Начали копать. Юра хорошо выворачивал землю, так что не требовалось еще рыться в ней после удаления клубней. Такого хорошего урожая картошки мы никогда не видели. Ведро наполнялось сразу, достаточно было выбрать один-два куста. Чистая, крупная – 20-25 картофелин, и ведро полное, Игорь не успевал носить. Так что работа была даже приятной. Но вскоре сказалась усталость: я ушла из общежития, не позавтракав, есть было нечего. К тому же было сказано, что хозяйева работников покормят.

Прошло пять часов. Мы работали не разгибаясь. К обеду приехал Б.Б. на трехтонке, привез туески с пищей. Ребята и Б.Б. сели обедать. Я ждала, что меня пригласят. Но Юра предварительно подкопал десять рядков картошки, чтобы я не теряла времени. Я задыхалась от запаха, который шел от туесков. Может, быть, они позовут, когда сами наедятся? И тут услышала, как скребут ложками по дну посуды. Ничего от еды не осталось.

Чтобы не тратить времени, Б.Б. и шофер стали грузить мешки в машину. А Юра быстро-быстро подкапывал новые рядки, приговаривая: «Надо до вечера успеть!»

Неубранной оставалась половина поля. У меня от голода и усталости дрожали ноги и руки, а хозяева как будто ничего не понимали. Сытые и веселые, они начали еще и подгонять меня. Б.Б. увез первую машину, сказав: «Спешите, за остальным приеду к вечеру».

Ведра так же быстро наполнялись, парни бойко обсуждали, как они отправят целый вагон в Москву на продажу.

Машина пришла лишь в двенадцатом часу ночи. Я, падая от усталости, подставила два своих мешка и нагребла одно ведро картошки. У меня затекли ноги, заплыли глаза. Ничего уже не хотелось, скорее бы приехать, уткнуться в плечо старшей сестры и выплакать свою обиду.

Веселые мужики рассказывали, что им приготовили дома жены, как их там ждут. Погрузили машину. Б.Б. и Игорь уехали в «легковушке», Юра сел в кабину грузовика, а мне помогли забраться в кузов. Не выпуская из рук своего ведра картошки, я едва удерживалась на мешках, которыми доверху был набит кузов. Приехали в город. Сестра встретила меня со слезами, понимая мое состояние. Одно радовало нас обеих – на зиму мы будем с картошкой.

Я протянула ведро сестре, но выскочившая из дома жена Б.Б. выхватила это ведро со словами: «Спасибо, Лиза, что догадалась привезти картошку в ведре, не надо развязывать мешок. Я сейчас ее сварю, а вы идите, отдыхайте. Мешки с вашей картошкой мы поместим в хранилище отдельно, весной вы их получите, тогда картошка будет дороже».

Вернувшись домой, мы с сестрой поделили кусочек хлеба, выпили по стакану кипятка и уснули в слезах.

В феврале, когда голод стал просто невыносим, мы пришли за своей заработанной картошкой. Жена Б.Б., как всегда, очень вежливая и улыбочивая, сказала: «Знаете, девочки, всю картошку в подвале съели крысы. Мы тоже остались без картошки».

Это была первая подлость, с которой я столкнулась в жизни. В нашей трудовой семье царили другие нравы.

Прошло время. Я давно окончила институт, стала врачом. Вела обычный прием больных. Вдруг за дверями кабинета послышался какой-то шум, кто-то спорил с очередью, кто-то возмущался.

– Что там такое? – поглядела я на медсестру. Она приоткрыла дверь, и я услышала, как женский голос уверенно настаивал:

– Я, конечно, пройду без очереди. Мы с ней (я услышала свое имя) не просто знакомые, мы больше чем родня, мы войну вместе пережили...

Медсестра посторонилась, и в кабинет буквально ворвалась женщина. Сначала я ее не узнала. Но чем больше она говорила, тем более знакомым казалось мне ее лицо. И я вспомнила тот осенний день и картофельное поле.

Мы с Галей (слева)

Она так и продолжала ходить ко мне на прием без очереди. И я принимала ее, кляня себя за малодушие.

Галя вышла замуж за хорошего человека, Анатолия Иннокентьевича Метляева, родила сына. Виталик был ровесником моего Жени, они вместе учились ходить, вместе взрослели, потом ушли в армию. Виталий поступил в медицинский институт, но потом перешел на работу в аэропорт старшим диспетчером и проработал там всю свою жизнь. Женился на очень красивой девушке Любе, медсестре детской поликлиники, которая подарила ему дочку Светлану. Они

Виталий Метляев – сын Галины

Гая с внуком Колей

Ирина, дочь Галины

были красивой парой и прожили в любви и дружбе всю свою жизнь. Света окончила медицинский институт и работала врачом-анестезиологом в детской больнице. Воспитывает дочку Полину, которой сейчас 6 лет.

У Гали есть еще и дочь – Ирина, тоже выпускница медицинского института, кардиолог с редкой специализацией, врач космической авиации. Муж у Ирины – специалист по компьютерам, двое прекрасных сыновей, Николай, как и отец, возглавляет компьютерное производство, в его семье подрастает трое детей. Второй сын, Анатолий, тоже инженер-компьютерщик, работает на авиационном заводе.

Мой племянник Николай с женой Настей с детьми

Во время войны Галя работала с 7.30 до 19 часов. В этих условиях ей еще приходилось помогать мне. Она была одним из сильнейших технологов в цехе, ею запатентовано много рационализаторских предложений. Человек строгий, ответственный, грамотный, она неоднократно поощрялась за свою работу – грамотами, премиями, благодарностями.

Другая сестра, Валентина, была на четыре года младше меня. Впрочем, этим именем мы ее не называли. Маленькая, она была такая очаровательная, такая улыбка, что мы все наперебой рвались с ней водиться и звали ее Лялькой. С этим именем она окончила школу, потом медицинский институт, с этим именем прошла по жизни. С самого раннего детства Лялька проявляла один талант за другим: хорошо рисовала, шила себе одежду, прекрасно читала со сцены стихи. Школу она закончила во время войны и поступила в медицинский институт на фармацевтический факультет. Родителям показалось, что ей будет легче, если она поселится у папиной сестры. Муж тетки работал на хлебокомбинате, они растили свиней, жили в собственном деревянном доме в центре Иркутска. Ляля, как и Вася в свое время, стала там батрачкой – с утра

ездила на водокачку за водой, разносила свиньям корм, потом, уже уставшая, шла в институт. Ей постоянно хотелось спать. Однажды вечером после занятий она зашла ко мне поплакаться на свою жизнь. Мы долго проговорили, и я пошла ее провожать на улицу Подгорную, где жила тетка. Дорога шла вдоль горы у старого кладбища и церкви. Здесь нас остановили мужчина и женщина. Мужчина, обращаясь ко мне, сказал: «Прощайтесь, ты пойдешь с нами». Кругом пустырь, никого нет. Я говорю: «Сейчас, через пять минут». Они чуть-чуть отошли. В этот момент появилась еще какая-то пара, видимо, муж и жена. Они громко ругались, жена обвиняла своего мужа, по виду военного, в неверности. Как только они поравнялись с нами, я вцепилась в мужчину и стала шептать ему, что нас хотят убить. Он, не останавливаясь, сунул руку в карман, вроде, за пистолетом. Жена, не поняв, в чем дело, приняла меня, видимо, за ту самую изменщицу и громко закричала: «Вот тебе и подтверждение!» Я оглянулась: женщина из прежней пары крикнула: «Еще попадетесь!» И они пошли в гору. Мы благодарили своих спасителей, женщина, поняв, наконец, в чем дело, успокоилась, а мы со всех ног помчались к тетке.

Тетя Лиза встретила нас холодно, выслушала в пол-уха наш рассказ и выделила матрац для меня, который постелила на пол. Ночь я не спала, дуло из всех углов. Едва дождавшись утра, я стала собирать Ляльку, чтобы отвести к себе. Тетя возмутилась: «Я отцу обещала, ему и отдам». Мы молча собрали учебники, попросались и, не дождавшись ответа, ушли.

Ляля стала девятой в нашей комнате. Спали мы вдвоем на моей односпальной кровати. Девочки приняли ее, как свою. Когда я вышла замуж и муж увез меня к себе, Ляля заняла мою кровать.

После окончания института Лялю направили в Хабаровск на фармкомбинат и назначили начальником цеха. Потом она работала управляющей аптекой в Комсомольске-на-Амуре, руководила аптекоуправлением во Владивостоке. Вышла замуж за корреспондента местной газеты, родила дочку, ту самую Лерочку, которая жила у нас потом полгода. Скончалась Ляля скоропостижно два года назад в Твери, в семье своих де-

тей. В ее лице я потеряла не просто горячо любимую сестру, но большого сердечного друга.

Проводы из Иркутска сестры Вали (первая справа)

Мои племянницы Ира и Лера

Лера, теперь Валерия Артуровна Кулеш, красивая и талантливая, тоже стала врачом, вышла замуж, родила двоих детей. Она успешный педиатр, врач высшей категории, имеет печатные работы. Её муж Виталий – инженер, надежный человек. Старший сын Никита работает в Москве. Уля закончила два факультета педагогического института и работает педагогом.

Семья дочери Ляли Валерии Артуровны – Виталий, Никита, Уля, Лера

Моя самая младшая сестренка – Милочка, Людмила, Людмила Никитична Лященко, младше меня на 14 лет. Ей выпала нелегкая доля.

В начале войны ей было всего три с половиной года. Маленькая, она ходила за мной хвостиком, держась за мой подол. Детство у нее было голодное, как у большинства детей военных лет. Во время войны на нашей улице совсем не осталось маленьких детей, рожать было не от кого, и Милочка стала общей любимицей наших соседей.

Школьные годы ее шли уже без нас, старших детей, в семье они остались вдвоем с Колей. К учебе Мила относилась очень ответственно, особенно хорошо ей давались иностранные языки, и она легко поступила в институт иностранных языков в Иркутске. Мила с детства хорошо пела и в институте стала солисткой, играла в студенческом струнном оркестре.

Практику она проходила в родном Усолье, в вечерней школе для взрослых. Стройная, кареглазая, с косой ниже пояса, она не могла не привлечь к себе внимание молодых людей. Тут и появился у нее поклонник, Володя Лященко. Он стал настойчиво добиваться ее внимания, настаивал на том, чтобы она вышла

за него замуж, грозил в случае отказа покончить с собой. Испугавшись, Мила согласилась. Свадьба состоялась, но была грустной, жених вел себя не очень достойно.

После окончания института Милочку направили на работу в школу-интернат в родном Усолье. Муж к этому времени окончил школу и поступил в университет. В семье появился малыш – Мишка. Чтобы содержать семью – Владимир был студентом – Мила работала сразу во многих местах – преподавала английский и немецкий, этику и эстетику в ПТУ, техникуме, медучилище.

Хорошо, что Мишей занимались бабушка с дедушкой, наши родители.

Еще через пять лет у Милы родились очаровательные двойняшки – Коленька и Максимка. Владимир между тем поступил в аспирантуру, писал диссертацию и уже 10 лет по существу жил на иждивении у жены. Теперь ему понадобилось уехать на предзащиту в Алма-Ату. Мила собрала все, какие были, деньги в доме, отправила мужа, а сама вместо отпуска устроилась воспитателем в пионерский лагерь, забрав с собой всех троих детей.

Так и жила, надрываясь на трех-четырех работах. Счастье, что мама была надежной поддержкой, забирала детей из детского сада, потом кормила после школы. Да и у самой Милы руки золотые – она из уцененных материалов шила детям замечательные наряды – мальчишки всегда были красиво одеты.

Владимир же вместо помощи продолжал лишь тянуть из семьи последние деньги, и, наконец, Людмила узнала от его родственников, что он женился на молоденькой дочери свое-

*Моя младшая сестра Людмила
Никитична Лященко. 1975 г.*

*Семья Людмилы:
сидят близнецы Максим
и Николай, стоят Михаил
и Людмила*

го научного руководителя и не собирается возвращаться в семью. Домой приехал, только чтобы забрать свои вещи и с намерением увезти детей – новая жена оказалась бездетной. Что пережила при этом Милочка, трудно описать. В конце концов ей удалось тайком от него привезти детей к нам. Я долго не могла научиться различать двойняшек. Зову Колю, а малыш мне отвечает: «Я не Коля, я – Максимочка». Наконец Владимир уехал, прихватив из дома что получше – Мила в это время была на специализации в Германии. От алиментов муж долго прятался, скрывая свои

заработки.

Мила от личной жизни, несмотря на неоднократные предложения, отказалась и полностью посвятила себя детям. Она любила свою работу, была прекрасным педагогом, ученики до сих пор вспоминают ее с благодарностью и часто навещают. Ее хватало и на общественную работу. По ее сценариям проходили праздники в городе. Украинские песни, которые она замечательно пела вместе с сыновьями, всегда имели успех на конкурсах и олимпиадах.

Мы с сестрой, приезжая навестить Милу, редко заставляли её дома. «Мама ушла проведать тетю Христю. Это одинокая слепая старушка», – объясняли сыновья и обижались, если мы высказывали свое недовольство.

При всей нелегкой жизненной ситуации мальчики Милы не были ничем обделены – они успешно учились, занимались спортом в секциях самбо и каратэ, все получили образование. Никто из сыновей не курит, не пьет, все высокие красивые парни, много знающие и умеющие.

Миша окончил пожарное училище, отслужил в армии и затем работал в пожарном депо. Но жизнь сложилась неудачно, даже трагично. Он женился, родились двое детей. Жила семья в однокомнатной квартире. Приехавшая в гости теща настояла на том, чтобы Миша построил дачу. Миша получил большой, в 20 соток участок в Тельме и сам выстроил просторный дом, сложил печь, развел огород. Собранный урожай хранили в подвале на даче. Поскольку дача стояла на отшибе, Мише поручили жить там и стеречь продукты. В ночь под Новый год Миша затопил печь и лег спать. Проснулся, задыхаясь от дыма – дом пылал. Миша кинулся к дверям, но дверь оказалась подперта снаружи. Ему удалось разбить двойные рамы, весь в порезах и ожогах он вывалился из окна на сорокаградусный мороз. Скорая и пожарная машины приехали почти через полчаса. Мишу с серьезными ожогами и обморожением увезли в больницу. А когда выписали, жена объявила, что инвалид ей не нужен. Сейчас он одинокий пенсионер.

Коля после службы в армии окончил педагогический институт, женился на славной девушке, преподавателе физики в мединституте. Сейчас семья живет и работает в Москве. Их дочь Таня заканчивает там юридический институт.

Максим, спокойный, талантливый, тонкий человек, окончив строительный факультет политехнического института, стал военным строителем. Женился по большой любви на одно-

курснице. Но семейная жизнь не сложилась – жена вскоре подала на развод, влюбившись в другого. Теперь у Максима новая семья, растет дочка. Он любящий муж и отец, заботливый сын, постоянно навещает мать. Милочка тяжело боль-

Сыновья Людмилы – Максим и Николай

на, но интереса к жизни не потеряла. Все три сына у неё – военные, все – капитаны.

Максим

Лиза, дочь Максима

Татьяна, дочь Николая

Подруги

Известный философ Ларош Фуко говорил: «Как ни редка настоящая любовь, настоящая дружба еще реже». Это правда: настоящих друзей много не бывает. У меня за всю жизнь близких подруг было 5 или 6. О Марусе Морозовой-Михайловой я писала. Мы просидели с ней за одной партой все 10 школьных лет, а потом еще общались 70 лет – то я приезжала в Москву, то она с сыном Сережей гостила у нас в Иркутске.

Мы с Маней Морозовой и Женей

В институте я близко дружила с Вале́й Климович, но после окончания вуза мы разъехались, она теперь живет в Питере, но мы перезваниваемся, и я знаю, что она всегда готова откликнуться на любую мою просьбу.

Мы с Вале́й Климович

С Дией Кирилловной Козловой я подружилась на работе. Я заметила её ещё в институте, а потом, став заведующей отделением, пригласила её на работу. Мы вместе начинали оперировать, вместе переживали свои ошибки и удачи. К юбилею нашей дружбы я написала стихи, посвященные нашим многолетним добрым отношениям.

Мы с Козловой Дией Кирилловной

Подруги

*Нашу дружбу на весах не взвесить,
Много радостей минуло и невзгод.
Продружили мы с тобою десять,
Полетел одиннадцатый год.
О знакомстве нашем вспоминай-ка!
Зал студенческий. Ты задала вопрос.
Я ответила, а ты: «Зазнайка!»
Я в ответ: «Сует повсюду нос!»
Снова встретились уже врачами.
У постели тяжело больного
Мы молчали. Был диагноз ясен.
Ждал больной решительного слова.
«Что ж молчите? Говорите, что ли!
Силы нет мучения терпеть,
Ночью раздражающие боли,
Не могу, уж лучше умереть...»
Молодой, красивый, угасающий,
Где-то в тайниках своей души
Ждал от нас он слов спасающих:
«Умирать, голубчик не спеши»*

*Так к глазастым окнам кабинета
Подползла пугающая ночь.
Мы, читая, не нашли ответа,
Как спасти и чем ему помочь.*

*И решили: «Значит, завтра режем,
Испытаем новый препарат».
Был уход за ним предельно нежен,
Он спасен, и выше нет наград.
«Ты устала?» «Ничего, немного».
«Выживет?» «Пожалуй, будет жить»
Первый раз пошли одной дорогой,
Незаметно начали дружить.
И спасенный доброю улыбкой
Нас теперь встречает на пути.
Были и удачи, и ошибки –
Новое иначе не найти.
Потому-то я других богаче,
Что смогла с тобою поделить
Наши радости и наши неудачи,
И стремленье знать, уметь, творить».*

Мы вместе с ней ходили в вечерний университет, на курсы кройки и шитья, вместе заканчивали шоферские курсы, одновременно приобрели машины, она – «Москвич-401», а я – «Запорожец». Нам нравилось вместе ездить за грибами и за ягодами. Но главное, мы с полуслова понимали друг друга.

Помню такой случай. Мы втроем – я, Дия и ее двоюродная сестра Эмма, возвращались зимой с работы, было 8 вечера. Шли мимо стройки. Вдруг из-за кучи бревен выходят два парня, говорят: «Ну, подруги, для начала снимайте часы». Я каким-то гортанным голосом кричу: «Разойдись!» И мы все побежали в разные стороны. Мой дом был ближе всего, они гнались за мной. Я влетела во двор и продолжаю спектакль: «Товарищ начальник, вот они, выходите!»

Парни приостановились в нерешительности, и в это время мои девчата прибежали к дому с другой стороны. Услышав мой крик, Дия с ходу включилась в «игру» и откликнулась нарочи-

то грубым голосом: «Ребята, окружай бандитов!» Те стремглав кинулись прочь.

Потом Дия уехала в другой город, но до конца её жизни мы поддерживали связь и ездили друг к другу.

Особую добрую и светлую память храню я о 40-летней теплой и искренней дружбе с замечательной женщиной Александрой Гавриловной Гладышевой.

На её долю выпала нелегкая судьба, но она была человеком удивительно мужественным и любящим жизнь. Оставшись без одной руки и ноги, она сумела преодолеть все трудности и стать необходимой семье, коллективу и друзьям. На моем «горбатеньком», как мы называли «Запорожца», мы с ней объездили все места, где она хотела побывать. Ездили на Теплые озера, где в пустынных местах купались, не боясь посторонних глаз. Для нее каждая такая поездка была праздником. Я это делала не из милосердия, мне с ней было интересно: ее мудрость и знание жизни заряжали меня энергией и любовью ко всему окружающему. Она умела радоваться каждой былинке в лесу, каждой снежинке, тающей у нее на руке. Я училась у нее воле к жизни и мужеству переносить трудности.

Александра Гавриловна Гладышева, Лиза Родина, Тамара Горбунова

Её уже нет в живых, но мне давно хотелось написать о ней. И я написала рассказ, в котором совсем нет вымысла – только правда об этом прекрасном человеке.

Сила духа

Ветер бушевал всю ночь. Рыхлые комочки снега облепили темное стекло окна, будто кто-то нарочно, играя в снежки, набросал их сюда. В комнате общежития две железные кровати, стол, около двери вешалка с занавеской. Далеко за полночь.

«Пить...», – шепчут сухие губы разметающейся в постели девочки. Другая девочка, склонившись к постели, маленькой ложечкой подает воду, подтыкает одеяло.

Две недели назад она вот так же сидела у постели умирающей матери, а теперь – Галя, ее единственная сестренка. «Если и ее не будет?» – ужас охватил Шуру. Она прикоснулась щекой к пылающему личику сестренки и шептала: «Галя, Галя, ты меня слышишь?». К утру девочка уснула, и Шура задремала на стуле. Проснулась внезапно, вспомнила вдруг – у нее сегодня экзамен. Посмотрела на сестренку – та крепко спала. До отхода электрички 20 минут. Надо ехать, она кормилица в семье. И Шура поспешила на электричку. В хорошую погоду она, легкая и тоненькая, с белоснежными локонами по плечам, любила бегать этой прямой и красивой дорогой.

Но сегодня бежать было трудно: ветер дул в лицо, снег слепил глаза. На виадуке услышала объявление: «До отправления поезда осталось две минуты». Ступеньки скользкие, но надо успеть. Вот уже обледенелые поручни, ледяная ступенька электрички... Резкий порыв ветра будто столкнул ее, маленькую и невесомую. Потом огромное колесо перед глазами, белый-белый снег, красные пятна и испуганные лица людей.

...Около кровати сидели двое в белых халатах: мужчина и женщина. Запах лекарств. Больница. «Зачем? Почему? Что с Галей?». Вдруг заняли пальцы на ампутированной ноге, захотелось подняться и прикрыть их концом одеяла, но вдруг почувствовала, что нет руки. В ужасе расширились глаза, хо-

лодный пот выступил на бледном лице. И опять глубокий обморок. Шура еще не знала о глубине своего несчастья.

Много дней, то ненадолго приходя в себя, то теряя сознание, она преодолевала смерть.

Осознав случившуюся с ней трагедию, Шура приняла решение: жить не буду. Она отказалась принимать пищу и лекарства, отворачивалась к стене, когда приносили обед. Через несколько дней в дверях палаты появилась маленькая девочка в непомерно длинном халате. Она бросилась к Шуре: «Мамочка, Шурочка, пойдем домой! Мне плохо без тебя, скорей выздоравливай. Я теперь буду каждый день к тебе приходить».

Она разжала свой маленький кулачок и поднесла к губам Шуры половинку пряника – всё, что нашла самого сладкого и вкусного в их доме, ведь шла война. Потом чай. Шура не могла отказать сестренке и сделала несколько глотков. Так Галя кормила ее каждый день. И Шура поняла, что обязана жить ради этой маленькой девочки.

Через два месяца ей разрешили садиться. Вначале это казалось невозможным. Невероятной силой воли она заставляла себя это делать. Потом училась вставать на одну ногу, опираясь на единственную руку. Ампутация высокая, протез невозможен. Вот уже и костыль. Падая, расшибаясь, она вставала, кусая до крови губы. Снова и снова училась, делая шаг за шагом. Вот преодолела палату. Праздник! Через месяц – коридор! Через полгода она самостоятельно вышла к машине, увозившей ее из больницы.

Надо растить сестренку. И Шура пошла работать, продолжая заочно учиться. Её умные, серьезные курсовые работы вызывали восхищение педагогов. С первого до последнего дня учебы её знания оценивались только на «отлично».

Окончен институт, получена высокая должность, выросла сестренка. Её научные статьи публикуются в специальных журналах. На семинарах главных бухгалтеров, специалистов со всей области, она выступает с докладами, учит своих коллег. Очень строгая, требовательная, деловитая и непрístupная на работе, она тонкий, чуткий, добрый человек в быту. Любит и

знает музыку, помнит наизусть все сколько-нибудь оригинальные стихи. От нее первой можно узнать о новинках поэзии.

А здоровье? Усилием воли и терпением преодолевая боль, она научилась ходить на работу и с работы пешком, опираясь одной рукой на костыль, заменяющий вторую ногу. Одной рукой она научилась чистить картошку, месить тесто, стряпать пироги, стирать, гладить.

А какие картины вышивала! Прижимая пальцы грудью к стене, она вышивала и гладью, и крестом, а потом дарила работы на память друзьям. А какой она друг!

Она вырастила сестру, а потом ее детей. Когда у Гали родилась дочка, как умело Шура с ней нянчилась! Она не могла взять ребенка на руки, но так разговаривала с ней, лежащей в кроватке, что трехмесячная Ирочка, слушая ее, улыбалась и никогда не просилась на руки.

А погибла Шура до обидного нелепо: от укола, плохо поставленного медицинской сестрой.

Служебные отношения хоть часто и складываются как дружеские, на деле порой на службе и кончаются. Особенно если ты занимаешь руководящую должность. И трудно распознать, где искренние чувства, а где лишь желание быть поближе к начальству. Это становится ясно потом, когда меняется твой служебный статус.

Эзоп говорил: друг познается в несчастье. Я бы не согласилась с этим утверждением. В несчастье человечно помочь даже недругу. А вот когда подруга очень счастлива, не всякая женщина способна это перенести, и порой появляется зависть, граничащая с предательством. Философ Анри де Монтерлан считал, что дружба между женщинами – всего лишь пакт о ненападении. И все-таки я благодарна судьбе – она не обделила меня настоящими друзьями, и пусть их было немного, но это были люди, на которых я могла положиться, как на себя.

Перестройка

В 90-е годы настали трудные времена. Прежде всего, мы ощутили это на своей службе. Перестройка и сопровождавшие ее реформы начали планомерно разрушать налаженную нами систему работы по профилактике и лечению стоматологических заболеваний, которая создавалась на протяжении многих лет усилиями нашего коллектива. Мы гордились, что открыли кабинеты, где организовали эту работу, начиная с беременных женщин. Осуществляли их лечение и санацию в период беременности и лактации, а затем родившиеся дети попадали под контроль детских стоматологов. В тех же кабинетах осматривали и санировали всех сердечно-сосудистых больных из стационара. С перестройкой эти кабинеты оказались ненужными. Начали закрываться стоматологические кабинеты в школах, а затем и в цехах, убрали с завода хирурга-стоматолога. Словом, все, что было создано с таким старанием для людей и на что ушло 50 лет, развалилось в одночасье, и не только у нас, но по всей стране. У меня тогда случился первый инфаркт.

Коллектив медсанчасти в это время уже насчитывал около тысячи человек, в том числе – 250 врачей. Медсанчасть перешла из областного подчинения в городское, став муниципальным учреждением здравоохранения. Ухудшилось финансирование, больница стала испытывать дефицит медикаментов, инвентаря, постельного белья. Внедрялась система медицинского страхования, но она не способствовала увеличению финансирования медучреждения. Зато непомерно выросло число контролеров от медицины, в колоссальных размерах вырос объем отчетности, а с нею статистическая служба. Внимание врачей невольно переключилось с обслуживания больных на ведение документации. Стали сокращаться сроки пребывания больных в стационаре, медики не укладывались в рекомендуемые сроки обследования.

Часть отделений была ликвидирована.

Правда, надо отдать должное главному врачу, возглавившему медсанчасть в это трудное время. Николай Петрович

Матвейчук сумел продолжить работу своих предшественников по укреплению материальной базы медсанчасти и совершенствованию методов лечения. Но проблем оставалось много, и решать их приходилось, прилагая необыкновенные усилия.

В городе начали закрываться предприятия, сворачиваться стройки, и завод железобетонных конструкций, который к тому времени возглавлял мой муж, остался без заказов. Он перешел на работу заместителем директора НИАТ (научно-исследовательский авиационный институт), в котором работает до сих пор.

О моей профессии

Пришло время расставаться с коллективом, с которым я проработала 60 лет.

Я покидала свой коллектив не без горького чувства потерь, которые происходили в нашем здравоохранении, в первую очередь, эти перемены касались врачебной этики, отношений между врачом и больным.

На мой взгляд, самые главные профессии, в которых нуждается человеческое общество, – это священнослужитель, учитель и врач. 60 лет я отдала делу врачевания, сопряженного с любовью, страданием и радостью.

С детства я удивлялась знаниям искусства исцеления моей неграмотной мамы. Стоило кому-то из членов нашей семьи заболеть, и мама тут же готовила лекарства по простым народным рецептам. Закашлял ребенок? Зажжет лучину, и растопленный кусковой сахар капает в водку. Дает пить это по каплям. Через каждый час – стакан брусничного морса. Ноги прогреть в горчице, укутать в теплый плед, и на завтра ребенок здоров. Другие болезни – другие средства. Мы удивлялись знаниям мамы, а отец всегда говорил, что в семье должен быть свой медик. При этом он не смел мечтать о враче – хотя бы медсестра. И был счастлив, когда я получила диплом врача.

Все мы, дети, после окончания учебных заведений договорились о том, что с первого месяца работы высылаем родителям каждый по десять процентов со своей зарплаты. И делали это ежемесячно и до конца их жизни.

С моим заместителем по стоматологической поликлинике Ирой Весельской

Когда я пришла на свое первое рабочее место, я уже знала, как я буду работать. Я понимала: при тех заболеваниях, которые возникли после войны, одним наблюдением за больным не обойдешься. Нужна прежде всего профилактика. Вот в моей профессии стоматолога. Если у пациента маленькое отверстие в зубе, его легко вычистить и в тот же день поставить пломбу. Наблюдая много лет за одними и теми же своими пациентами, я убедилась, что такая пломба может стоять 50 лет. И в лечении тогда был несколько другой подход. Если у больного была маленькая полость в зубе, удаляли часть сосудисто-нервного пучка, оставляя здоровую пульпу в корнях. И зуб, получая хорошее питание, продолжает еще долго служить человеку. Мы всегда старались сохранить зуб живым.

Сегодня подход другой: лечат не ампутационным, а так называемым экстерпационным методом, то есть удаляют всю живую часть пульпы и пломбируют зуб импортными пастами. Цена

лечения сегодня зависит от количества единиц, в которых измеряется работа врача. Вылечить маленькое отверстие – от 0,5 до 1,5 единиц, а большое удаление пульпы набирает до 11 единиц. Первым способом можно заработать 100 рублей, вторым – тысячу. Работая по первому методу, нужно принять 15 больных, а по второму достаточно двух, а заработаешь в два раза больше. Вот и получается: что на пользу пациенту – невыгодно врачу.

Старые врачи уходят. Отлаженная в наше время система профилактики к 2006 году оказалась разрушена. Наступила эра погони за заработком врачей-стоматологов. Выросли очереди у кабинетов. Время идет, процесс болезни усугубляется, переходит в осложненную форму, и значит, лечение будет дороже стоить. Чтобы попасть на прием к врачу, приходится ждать по две-три недели. За это время процесс может закончиться, хорошо, если в сторону улучшения. Цены за лечение просто недоступные, поэтому многие лечатся как могут.

Помню, когда я раньше смотрела зарубежные фильмы и видела отсутствие фронтальных зубов или торчащие во рту корни, во мне поднималось профессиональное возмущение. Сейчас, когда я вижу нашего рабочего без зубов, я страдаю. Нажива стала началом всего. После моего ухода на пенсию почти все врачи, работавшие со мной, ушли. Новые молодые доктора положили при лечении в основу метод обогащения – их так научили. Их не интересует, что будет с их пациентами через несколько лет. Потеряла свой смысл клятва Гиппократа, которая подчеркивает, что главный долг врача – «честно исполнять его соответственно моим силам и моему разумению, направлять режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от применения всякого вреда и несправедливости».

Речь не только о стоматологии. Любые дополнительные услуги, связанные с медициной вырастают сегодня в проблему для пожилых людей, располагающих только пенсией. Например, наши машины скорой помощи не имеют на борту санитаров. Чтобы спустить на носилках больного, предлагается собирать соседей или прохожих с улицы. А если дело происходит в 3 часа ночи? Или в подъезде одни женщины и пожилые люди? А это никого не интересует. Приходится вызывать платную транспортную помощь.

Её услуга стоит 1800 рублей. Откуда у пенсионера такие деньги? Появляются все новые указы о бесплатной медицинской помощи, а лечение становится на практике все дороже.

Нас учили, что человек до своего смертного часа остается человеком и вправе рассчитывать на помощь. Сейчас пожилые все чаще слышат: «Что вы хотите в вашем возрасте, вам уже 70».

Одна пожилая женщина рассказала мне: «Приехала на вызов молоденькая докторша, остановилась в дверях, услышала, что я кашляю и говорит: «По-моему, у Вас грипп, измерьте температуру и давление, а я запишу в карточку, рецептик вот на тумбочке, станет легче, позвоните...» И ушла.

Не так давно я сама столкнулась с удивительно холодным отношением врачей к своему долгу. У меня заболел муж. Температура 41, потеря сознания. Два здоровых парня, приехавших на «Скорой», надели перчатки, маски, очки, измерили давление, выслушать больного не захотели и говорят: «Одевайте больного, повезем в инфекционное отделение». Я начала ворочать бесчувственного мужа, сил не хватает, одеть не могу. Они равнодушно стоят и смотрят, как я мучаюсь. На просьбу помочь один из них отвечает: «Это в наши обязанности не входит. Да позаботьтесь, чтоб кто-то спустил его на носилках в машину». В подъезде у нас одни женщины. Время 2 часа ночи. Я все-таки говорю: «Хорошо, но я поеду с вами». «Нет, – отвечают, – не положено». Кончилось тем, что мне подсунули бумажку – расписаться об отказе от госпитализации. Начала лечить самостоятельно. Сделала высокую клизму, влила в рот аспирин, сделала инъекцию кардиамин, промыла желудок. К утру температура снизилась, затем упала. Так и выкарабкался без диагноза. Ну хорошо, я с медицинским образованием. А другие?

Почему никого не интересует такое положение вещей? Тяжелых больных становится все больше, и они оказываются предоставлены сами себе, даже донести их до «скорой» некому. Раньше за эту работу платили шоферам и санитарам вторую ставку. Ведь это мизер, а участь больных облегчилась бы.

Вот недавно вышло постановление: чтобы попасть к узкому специалисту, пациент не должен ждать больше недели. А где их взять, этих узких специалистов, если многие из них бегают из поликлиники в поликлинику и в каждой работают по два-три часа

дважды в неделю? Будущие медики, поступившие в мединститут очень часто за деньги, потом так же, за деньги, сдают зачеты и экзамены, какие же из них будут специалисты? А затем выпускники предпочитают идти куда угодно, только не в практикующие врачи – в аптеку, торговать БАДами или вообще не по специальности.

Я не знаю, учат ли сегодня в медицинских институтах этике поведения врача, отношению к больным. Мое глубокое убеждение, что это должен быть один из важнейших предметов в программе такого вуза. Я знаю, как неосторожное слово, неосторожная реплика могут травмировать больного, усложнить его состояние, не говоря уже о холодном равнодушии и грубости.

Врач, в переводе с греческого, означает «врать», то есть говорить, уговаривать, врачевать не только лекарством, но добрым словом. Сейчас в ходу выражение: «Я обслужил больного». Как обслужил бы продавец, оператор в госбанке...

А ведь врачевание – сфера служения, а не обслуживания. Оно требует непрерывной, неутомимой, ежедневной творческой работы над собой, стремления постоянно приобретать новые знания, чтобы не отставать от современного уровня медицины. Только тогда врач может считать, что честно исполняет свой долг.

Я занималась хирургической стоматологией. Это особая отрасль медицины. Хирург всегда должен быть готов к тому, что где бы он ни находился, день это или ночь, его срочно вызовут к больному, и он должен идти, потому что порой промедление смерти подобно. Поэтому странно, что у нас хирург получает зарплату такую же, как рядовой врач – а ведь хирургия это еще и серьезная исследовательская работа. И какое счастье, если ты благодаря всему этому победил смерть!

Наверное, каждый на склоне лет так или иначе подводит итоги своей жизни. Я прожила долгую жизнь, сейчас, когда пишу эти строки, мне без малого девять десятков лет. Что я успела, что сделала для людей, для нашей страны за эти годы?

Лечила людей, возвращая им здоровье и жизнь. Как это получалось, видно из моих записок. Мне удалось организовать службу, которая системно и целенаправленно занималась профилактикой и лечением стоматологических заболеваний, что позволяло предотвратить многие инфекционные болезни. И этой системой было

охвачено население всего заводского поселка. Именно в кабинете нашей службы впервые в истории был излечен актиномикоз, редкое заболевание, кончавшееся до этого, как правило, смертью пациента. Тщательно исследована и изучена проблема производственной вибрации и ее влияния на организм и найдены методы борьбы с вибрационной болезнью. Это была первая и единственная научная работа в заводской медицинской службе за 60 лет. По ее результатам я издала монографию «Стоматологический статус у больных вибрационной болезнью». В 2003 году мы совместно с профессором Татьяной Васильевной Никитиной издали монографию «Вибропародонтальный синдром», которая вышла в Москве в издательстве «Медицина». В предисловии к монографии директор ЦНИИС Заслуженный деятель науки РФ профессор В.М. Безруков пишет, что «книга... представляет собой единственную в отечественной и зарубежной литературе монографию, которая вносит существенный вклад в стоматологическую науку... Монографию отличают высокий теоретический и методологический уровень, новизна представленных данных, что обуславливает ее ценность и значимость для науки и практики».

У меня осталось много учеников. В первые годы я читала студентам медицинского училища лекции по терапевтической, хирургической и ортопедической стоматологии, а потом в течение 30 лет вела курс по хирургической стоматологии. Опубликовала более 60 научных работ. На практике, которую мои ученики потом проходили в наших стоматологических кабинетах, я учила их многим серьезным процедурам и операциям, стараясь передать все, что знала и поняла сама. Потом, на научных конференциях в районах, куда меня приглашали как члена правления областного стоматологического общества, я обязательно встречала своих учеников. Наша стоматологическая поликлиника была базой интернатуры для студентов Иркутского медицинского института, и я лично подготовила 29 интернов.

Я никогда не отказывалась ни от каких общественных поручений и предложений. С 1960 по 1985 год я избиралась депутатом сначала Ленинского районного совета, возглавляя в течение двух созывов комиссию по здравоохранению, а потом 4 созыва была депутатом городского совета, уже в качестве заместителя

председателя аналогичной комиссии. В то время в этой комиссии работали очень заслуженные врачи – профессора Х.Г. Ходос, А.Г. Шантуров, А.И. Серкина и другие.

В течение 20 лет я возглавляла городской комитет народного контроля по линии медицины. Возглавляла общество «Знание».

Еще до выхода на пенсию, отработав в родной медсанчасти 60 лет, я была избрана в своем коллективе председателем совета ветеранов, руковожу комиссией здравоохранения Ленинского округа и советом ветеранов медицинских работников города Иркутска. Эту работу я веду до сих пор, вот уже в течение 20 лет.

Ленинский окружной совет ветеранов

Сегодня в ветеранской организации только нашей медсанчасти состоит свыше 400 человек. Списки ветеранов приходится уточнять ежегодно – одни уходят из жизни, другие пополняют наши ряды. Мы стараемся по мере наших сил и возможностей облегчить жизнь пожилых людей, украсить их досуг. Это и помощь в устройстве одиноких в дома ветеранов и в лечебные учреждения, в приобретении необходимых медикаментов. Это и посещение больных на дому, и устройство интересных встреч и праздников по знаменательным датам. Мы добились, чтобы все медики-ветераны прошли углублен-

ный медицинский осмотр и получили необходимые рекомендации по лечению и сохранению здоровья. наших ветеранов привлекают при необходимости к проверке жалоб на качество медицинского обслуживания: их опыт и квалификация здесь незаменимы.

*У меня юбилей. Директор департамента здравоохранения
Ирина Ивановна Губанова поздравляет со знаменательной датой*

Работа в ветеранской организации с пожилыми людьми, может быть, и не престижная, и хлопотная, но очень необходимая и благодарная. Медики, как правило, люди, идущие в медицину по зову сердца, служение добру становится смыслом их жизни, и, покидая работу, они часто испытывают депрессию, особенно если остаются одни, без семьи, без коллектива. И в этот момент им особенно важно внимание товарищей по профессии, общение с коллегами, важно чем-то заполнить свою жизнь. Для этой цели мы и стали создавать в своей ветеранской организации спортивные клубы, клубы здоровья. В 2009 году желающие ветераны стали обучаться на специально организованных для пожилых людей компьютерных курсах. Мы приглашаем их в школы и библиотеки, где они могут встретиться с писателями и поэтами, интересными людьми разных профессий, сами поделиться воспоминаниями. Наши

ветераны с удовольствием встречаются с членами ветеранских организаций других городов и районов. Нас гостеприимно принимали коллеги-пенсионеры Саянска и Братска, с которыми мы теперь поддерживаем постоянную связь. Наши ветераны нередко получают приглашения на спектакли театра музыкальной комедии. Они и сами с удовольствием участвуют в концертах и вечерах для таких же, как они, пожилых людей.

Мы считаем, что при нашем солидном жизненном и профессиональном опыте нам есть чем поделиться с молодыми коллегами. И эту точку зрения разделяет с нами руководство медсанчасти. И когда здесь состоялся торжественный вечер посвящения молодых специалистов-медиков в профессию, ветераны приняли в нем самое активное участие. Говорили об ответственности за избранный путь, о долге врача, делились опытом. В ответ на наказы ветеранов молодые врачи давали клятву верно служить делу, которому себя посвятили, людям, которые нуждаются в их помощи. Такие встречи оставляют светлый след в душах не только молодых врачей, но и в наших сердцах, в сердцах пожилых людей, которым хочется, чтобы вечно жили традиции честного служения своему делу. И очень к месту мы напомнили молодым на торжестве слова одного из основоположников отечественной медицины Д.С. Самойловича: «Чтобы стать врачом, надо быть безупречным человеком. Иметь тонкий и просвещенный ум, обширные знания всех наук, глубокие знания своего искусства... Ничего не должно быть грубого... Нрава ему надлежит быть исключительно кроткого, а главное – ему следует усвоить любезность и вежливость, искреннюю и простую, которые должны господствовать во всяком хорошем обществе и быть главной его привлекательностью». Согласитесь, написано в 18 веке, а как актуально звучит и сегодня!

Работа нашего совета ветеранов не однажды отмечалась и поощрялась городской и областной властями грамотами, денежными премиями, призовыми местами. А опыт нашей работы рекомендован для распространения среди других ветеранских организаций.

Не буду скрывать, мне приятно, что моя многолетняя работа получила признание государства. Я награждена орденом

«Знак почета», значком «Отличник здравоохранения», значком «Изобретатель СССР». Имею звание «Заслуженный врач Российской Федерации». А в этом году мне вручена медаль Николая Пирогова «За истинное милосердие и заботу о людях». Это очень почетная награда, и я ей горжусь.

Я вырастила двоих сыновей, стараясь воспитать их порядочными и честными людьми. И как бы ни было больно сознавать мне потерю младшего сына, лишь одно дает мне силы пережить эту трагедию: он погиб, спасая людей.

У меня растут внук, две внучки и правнук, которых я люблю всем сердцем и стараюсь помочь им и в получении образования, и в личной жизни.

И ещё одно любимое дело

Кроме своей главной профессии, я не могла отказаться от своего другого увлечения, которое шло рядом со мной всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи. Я имею в виду литературное творчество. У меня вышло в свет 18 поэтических сборников и 2 прозаических книжки, а также книга по истории нашей медсанчасти.

Поэзия, литературная работа шли рядом со мной с самого детства. В школьных стенгазетах к праздникам обязательно публиковались мои стихи. В институте я была редактором курсовой газеты, где также печатала свои поэтические опусы. Первой моей публикацией в областной газете «Восточно-Сибирская правда» стали отрывки из моей поэмы «Победа» в 1945 году. В это время я посещала литературный кружок, который работал при «Восточке». Руководил кружком автор очень популярной в то время книги «Строговы» Георгий Мокеевич Марков. Этот же кружок посещал тогда Марк Гантваргер, который потом стал широко известен под псевдонимом Марк Сергеев. Тогда Георгий Марков объявил конкурс на лучшее литературное произведение о Дне Победы. По итогам конкурса я получила диплом, ко-

торый бережно храню по сей день. К дню окончания института я написала гимн стоматологов, с которым заканчивало институт не одно поколение стоматологов.

Придя работать в медсанчасть авиационного завода, я сразу

Чтение поэмы к Победе. 1952 г.

вошла в литературное объединение при многотиражной заводской газете. Объединение это, образованное еще в начале 30-х годов, имеет свою славную историю. Его в свое время посещал знаменитый поэт, автор поэмы «Седьмое небо» Василий Федоров, работавший тогда мастером на авиазаводе, поэт Денис Цветков, писатель Василий Стародумов, позднее – уже известные сегодня Любовь Сухаревская, Ким Балков, Владимир Скиф, Василий Козлов, Татьяна Суровцева, Александр Сокольников, Василий Гинкулов и другие.

Многие годы кружком руководила журналист Алла

Чаркова, при которой объединение стало называться литературным клубом «Парус», а теперь его опекает редактор заводской газеты Нина Годовикова. Я постоянный член клуба, начиная с 1946 года по настоящее время. Среди нас есть 20 – 25 человек, которые приходят сюда в течение многих лет. Членами клуба выпущено более 50 книг. К концу 2013 г. у меня издано 16 сборников стихов, басен, поэм, две научных монографии, две повести.

В 2012 г. я участвовала в областном конкурсе чтецов и за исполнение авторских стихов получила диплом лауреата I степени, а в конце 2013 г. за участие в I городском конкурсе «А, ну-ка, бабушки!» мне вручили диплом «Самая мудрая».

Заседание клуба «Парус», в центре редактор многотиражной газеты авиазавода Ливия Петровна Каминская. 1964 г.

Клуб «Парус» в гостях у писателей г. Ангарска. 1966 г.

Наши стихи и проза печатаются на ежемесячных «Литературных страницах» газеты. У меня появились свои читатели и почитатели. Стихи печатались далеко не все, они накапливались годами в столе, читались родным и друзьям, и я не помышляла о том, чтобы сделать книжку. Но однажды по-

сле окончания врачебного приема ко мне в кабинет неуверенно вошла женщина. Стесняясь, раскрыла самодельную книжку, в которую были вклеены газетные вырезки с моими стихами, и протянула мне со словами:

– Многие женщины нашего отдела собирают ваши стихи. Вот мне поручили передать Вам эти 127 стихов, напечатанных в газете. Мы просим Вас издать их отдельной книжкой. Деньги на издание мы готовы собрать в своем цехе, только нам надо знать, сколько это стоит».

Я растерялась. Каждое стихотворение, напечатанное в каком-то издании, – всегда праздник для автора. А когда ты видишь такое признание – это праздник вдвойне. Женщина оставила мне подборку моих стихов с уговором, что я верну их ей как память для ее наследников. Я просмотрела подборку. Многие из этих стихов у меня не сохранились, зато скопилось немало других, еще нигде не напечатанных. Я поблагодарила женщину, с ней мы потом стали друзьями на всю жизнь. Дома собрала все, что нашла – набралось более 300 стихотворений. Поделилась со своей коллегой, заведующей статистическим отделом Ниной Алексеевной Пизовой. Она тут же сориентировалась: «А знаете, мы постоянно заказываем медицинские бланки в типографии «Медик». Завтра я поеду туда за бланками и узнаю, как можно напечатать сборник стихов». Тут к разговору подключилась медрегистратор. Оказывается, у нее в этой типографии работает редактором брат. На следующий день Нина Алексеевна, вернувшись из типографии, рассказала: «Они сказали, что не печатают книжки, но попробуют». Мы отвезли стихи, которые я объединила по разделам: стихи для друзей; стихи о природе; о любви; о медицине; детские стихи; басни; тосты и так далее. Первым я поставила стихи о дружбе.

*За дружбу я
не предлагаю тост,
Как истина
не ищет подтвержденья,
Так в дружбе
каждый бесконечно прост,*

Без ярких фраз,
речей и объяснений.
Твой друг придет,
когда пришла беда,
А твой успех
в нем не разбудит зависть,
Отсчитывая
день за днем года,
Разделит радость,
холод и усталость.
Не показно,
а искренне грустит.
Когда тебя
болезни посещают,
Двуличья же
веки не простит,
Как милому
измены не прощают.
Он недовольство
выскажет в глаза,
Но там, где друг,
тебя не опорочат.
Пусть не придет
прощаться на вокзал,
За отпуск
не напишет пару строчек.
Но если враг,
так это общий враг,
Его друзья –
твои друзья бесспорно,
И каждый шаг –
тебе понятный шаг,
Тропинкой узкой
и дорогой торной.
Чем больше лет,
дороже каждый день,

*Бесценностью
зову я дружбу нашу,
Свети же, солнце,
разгоняя тень!
За верность, искренность
я поднимаю чашу!
За дружбу я
не предлагаю тост...*

Книга вышла серенькая, набранная очень мелким шрифтом на газетной бумаге, в тоненькой серой обложке, со скромным названием «Стихи для друзей». В нее вошло 250 стихотворений. За 1000 экземпляров я заплатила 1000 рублей. Мне казалось, что книжка такая вряд ли кому понравится. Тогда я скажу, что это альбомная книжечка для друзей. Волновалась я очень. Но оказалось, зря. Книжка и дарилась, и продавалась по 5 рублей штука и разошлась за два месяца.

Народ просил выпустить отдельной книжкой детские стихи, басни, тосты и поздравления. Часто по праздникам, на банкетах стали звучать эти стихи для друзей, читали их от себя, как собственные, но мне это было приятно. Книжка с тостами и поздравлениями переиздавалась дважды.

Клуб «Парус»

Я постоянно участвовала в конкурсах, которые проводились областной организацией профсоюзов и на конкурсе сценариев для клубов на тему «Моя Родина» получила второе место. Когда центральная газета «Медицинский работник» объявила конкурс на лучшее стихотворение о медиках, мне присудили премию за стихотворение «Акушерка». Уже будучи в преклонном возрасте, в 2012 году я приняла участие в конкурсе-смотре чтецов авторских произведений и удостоилась диплома лауреата 1 степени.

Никогда не знаешь, откуда берётся идея новой книги. Однажды я получила из дома тревожную телеграмму о том, что тяжело болен отец. Я поспешила в родной дом. Сажу в поезде, плачу. Сидящая напротив женщина сочувственно поинтересовалась: «Что случилось?» Я поделилась своей бедой. Она вдруг спрашивает: «Ваш год и день рождения?» Я ответила. Она взглянула на мое маленькое колечко на пальце и говорит: «Что же вы своего врага на руке носите? Сапфир не ваш камень. Приедете и сразу подарите его молодой женщине, которая родилась в сентябре». И назвала мне камни, которые могут помочь мне в жизни. Приехав, я подарила колечко (подарок мужа) племяннице. Она как-то быстро вышла замуж и живет счастливо. И отец поправился тогда. А у меня появилось острое желание побольше узнать о влиянии драгоценных камней на жизнь и здоровье человека. Я говорила с геологами, археологами, ювелирами, медиками и другими специалистами. И в 1997 году в Москве трехтысячным тиражом, в подарочном оформлении вышла моя книга под названием «Ваш талисман».

Написана она в стихах и открывалась таким вступлением:

*Мечтает о бессмертье человек...
Есть у природы дар бесценный.
Меняется природа каждый век,
Не изменяется лишь камень драгоценный.
Природа камня уникальна,
А мастерская идеальна,
Двух одинаковых камней
Ты никогда не встретишь в ней.*

*Знак зодиака, день рождения,
Единство камня и растения
Рекомендуется и пожилым, и детям
По принадлежности рождения к планете.*

Успех был необыкновенный, друзья и знакомые, которым их приятели «забывали» вернуть книгу, приходили по 2-3 раза за новыми экземплярами, что стало поводом переиздать книгу.

Потом вышли подряд три книги стихов: «Только розы», «Последний романс» и «Пожалуйте в баньку». Последняя издавалась дважды, в ней в стихотворной форме рассказывается об истории бани в разных странах, от древности до наших дней, о пользе банных процедур, даются полезные советы.

Творческая встреча в областной библиотеке «У белого рояля»

Я постоянно читаю свои стихи в школах, клубах, институтах, библиотеках, и они всегда вызывают неизменный интерес, приходится отвечать на многочисленные вопросы читателей, особенно о камнях. Один из читателей в областной газете в рецензии на мои стихи так попытался объяснить эту популярность: «Стихи эти нужны людям. Ведь поэзия – взлет над тусклой обыденностью с ее грубой эгоистичностью, меркантильностью. Не обязательно быть поэтом, но иметь стремление к гармонии и красоте важно, как говорит поэтесса».

*Посредственность не терпит превосходства,
Не любит благородной высоты,
И топчет все талантливое просто
От бедности ума и пустоты.*

В 2005 году вышла моя книга «Стихи для детей». Многие из них дети часто читают на школьных олимпиадах и конкурсах чтецов.

Необыкновенную популярность получила книга «Поэзия трав». Я всегда хорошо относилась к фитотерапии, прошла специализацию и порой лечила больных с заболеваниями полости рта, пародонтозом настоями и отварами. Подбирала рецепты, и мы готовили травы непосредственно перед посещениями больных. Книга вышла под редакцией и с консультативной помощью академика, профессора терапевта Т.П. Сизых и профессора фитотерапии Г. М. Федосеевой. Я не просто зарифмовала сведения о пользе растений. Я постаралась дать широкие сведения о дикорастущих и культивируемых лекарственных и просто полезных растениях Восточной Сибири, показать их способность вылечить различные заболевания. И даже дать рецепты приготовления из них настоев, отваров и мазей. А то, что практически научное содержание книги облечено в легкую стихотворную форму, делает заключенные в ней знания доступными для самого широкого читателя. Потому она, вероятно, и пользуется таким большим спросом. В 1912 году я переиздала эту книгу в подарочном варианте, красочно оформленную, и уже получила восторженные отзывы читателей.

Многое из того, что делается сегодня в нашей стране, вызывает глубокое возмущение людей. Реформы ЖКХ, спесь нуворишей, порожденных перестройкой, равнодушие начальства к нуждам простых людей. Об этом я часто слышу на встречах с моими читателями. Не могу не разделять их негодования и тревоги. Наверное, этим и объясняется, что я вдруг обратилась к жанру басни. В 2005 году вышла моя небольшая книжка «Басни», которая вызвала добрые отзывы, меня часто просят прочитать их на встречах и даже подсказывают темы для новых «эзоповских произведений».

Во время моей работы мне часто приходилось оказывать помощь людям, получившим травму в пьяном состоянии. Я постоянно выступала на эту тему в газетах со статьями по этой проблеме, читала лекции в коллективах.

Собранные материалы были так объемны и значительны, что я решила объединить их в книгу, которую назвала «Это радость или боль – что такое алкоголь?». Книгу закупил авиационный завод для общественных организаций, которые ведут антиалкогольную пропаганду. Издание не всем пришлось по вкусу. А вот медицинская общественность оценила ее высоко. Доцент Иркутского медицинского университета А. Калягин отмечал в газете «Медик»: «Это издание – кладезь фактов и примеров о вреде алкоголя для здоровья человека. Если «Поэзия трав» – это учебник по фармакогнозии и ботанике, то книга по алкоголю – руководство по наркологии самого высокого уровня... Смело можно брать строфы профессионального врачебного языка для эпиграфов к руководству по алкоголизму... Автор по-доброму, по-матерински дает советы пьющим, чтобы они не стали алкоголиками, рассказывает, как предупредить тяжелое похмелье, предлагает методику аутогенной тренировки для предупреждения алкогольного пристрастия и так далее».

Потом вышла книга «Избранные стихи», дополненное издание, затем избранные поэмы, куда вошли 10 поэм: «Семнадцатилетние», «Поэма о любви», «Деревня», «Каракулевая драма», «Круиз» и другие. На последней я хочу остановиться. Както в один из отпусков мы решили отправиться по путевке в круиз. Путевки приобретал муж по месту работы. Он тогда работал директором завода, и группа подобралась из числа руководящих работников города. Самолет вылетел из Иркутска в 7.30 утра. А через 15 минут после взлета машина вдруг задрожала, накалилась обшивка, стюардесса заставила всех пристегнуть ремни, и мы начали летать над городом, пока не сожгли большую часть горючего. Наконец нас посадили и предложили пересесть на другой самолет. Это событие и связанные с ним переживания я описала в поэме «Круиз».

В следующем году вышла в свет книга лирических стихотворений под названием «Благодарю тебя, любовь». Вышло 3 книж-

ки детских стихов, последняя – в 2010 году, называется «От А до Я», книжка-раскраска, азбука в стихах.

Меня очень часто приглашают на встречи с читателями. Обычно, выступая со стихами, я читаю их наизусть, по памяти, но все-таки для подстраховки беру с собой сборники, которые, как правило, после выступления дарю организаторам встречи или кому-то из участников. Как-то у меня была назначена встреча с читателями в библиотеке Академгородка, на 17 часов. В этот же день меня неожиданно вызвали на обследование в Центр «Микрохирургия глаза». Так как это как раз по дороге, я не волновалась, что опоздаю. Но в центре во время осмотра мне ввели лекарство и предупредили, что я сегодня не смогу отчетливо видеть и читать. Я решила заехать в библиотеку, чтобы отложить вечер поэзии. Вхожу в библиотеку, а там уже чай приготовили, и народу полон зал. Я не посмела отказаться и читала при полной тишине наизусть два с половиной часа. Через неделю в газете «Мои года» вышла статья Александра Кошелева об этой встрече «Траектория большой жизни». В ней автор говорит о том, что в вечерней гостиной библиотеки с кем только ни были подобные встречи – представители науки, музыканты, архитекторы, краеведы, литераторы и альпинисты, все яркие и особые. «Но вот последняя гостья: Елизавета Никитична Родина, – продолжает автор, – разменявшая девятый десяток, практикующий врач-стоматолог, кандидат медицинских наук, автор тринадцати научных и художественных книжек и – вот это главное! – чрезвычайно интересный человек, занимательный собеседник, привлекательная женщина»... И далее: «Двухчасовой рассказ в стихах наизусть из своих сборников... И сборники-то какие! Там есть стихотворные монографии-учебники – подобного лично я не встречал. «Пожалуйте в баньку» – повествование об истории банного дела, о национальных особенностях и технологии этого лечебного и оздоровительного мероприятия. «Ваш талисман» – инструкция в стихах: какие камни каким знакам Зодиака соответствуют... Стихи у Елизаветы Никитичны информативны до удивления, а прозой она говорила проникновенно, как стихами». Статья большая и очень добрая. К сожалению, я не смогла позна-

комиться с автором и поблагодарить его лично за все эти слова, делаю это сейчас.

Я уже упоминала о творческом содружестве с композитором Михаилом Лаписом. По моим стихам мой дорогой друг создал целый цикл песен под названием «Сибирь», которые мы включаем в наши совместные выступления.

В их числе: «За окошком закружила непогода», «Ночь над Байкалом», «Последний романс», «Гимн медикам» и другие.

Моя первая прозаическая книжка «35 встреч. Записки врача» вышла в 2010 году. На ее написании опять-таки настояли мои друзья, которым я прочитала несколько рассказов из моей врачебной практики. «Да это же готовая книжка», – сказали подруги. В книге – вся моя трудовая жизнь, встречи с людьми – пациентами, коллегами, случайными знакомыми, добрыми и не очень, честными и не совсем порядочными, через которых я получала нравственные уроки, познавала наш мир, такой богатый и разнообразный. Мне хотелось, чтобы полученные мной жизненные уроки стали уроками и для других, тех, кто начинает свой жизненный путь, особенно в профессии врача. Это раздумья о нравственной ответственности врача перед людьми, перед своей профессией, перед жизнью. На презентацию книги собралось много моих друзей, просто читателей, уже знакомых с моим творчеством. Говорили много добрых слов. Как всегда, откликнулась газета «Медик»: «Рассказы «35 встреч» – жизненные заметки о пережитом, затронувшем душу и сердце, о человеческом благородстве и врачебном долге и о существующих рядом человеческом скудоумии, бесчестии и подлости».

Лиха беда начало, и в том же году я взялась за очень нелегкий труд написания книги об истории медсанчасти авиационного завода, которой исполнилось 75 лет. Называется она «Цех здоровья». Работать над ней было очень сложно. Архивных материалов – мизер, печатных тоже – ведь завод долгое время был секретным предприятием и его документы были закрыты. Тех, кто стоял у истоков создания медсанчасти, а потом работал в ней долгие годы, уже нет в живых. Общалась с их детьми, с нынешними сотрудниками-ветеранами, пришлось собирать материал по крупицам. Я, по сути, осталась чуть не единственным живым

свидетелем становления лечебного учреждения, помню многое и многих, и это помогло восстановить интересные страницы жизни лечебного коллектива. Книга, по сути, явилась первой и пока единственной попыткой обобщить 75-летнюю историю медучреждения, занимающего заметное место в истории здравоохранения города Иркутска. Книга стала хорошим подарком сотрудникам медсанчасти – ведь большинство из них там отмечено пофамильно, с изложением биографии и вклада в работу медучреждения.

Я не теряю надежды издать еще раз избранные стихи – подготовила к изданию циклы «Будь красивой» и «Сага об усольчанке». И должна сказать, что это вряд ли было бы возможно без участия моих верных друзей, тех, кто постоянно помогает мне в редактировании и подготовке к печати моих книг. Это Лина Викторовна Иоффе, редактор стихов, и Ливия Петровна Каминская, редактирующая мою прозу. И, конечно, мой всегдашний советчик и первый читатель, мой муж Виктор Андреевич Чурсин.

Заканчивая свою исповедь, я мысленно благодарю моих покойных родителей за то, что они воспитали нас в любви к труду и своим примером научили доброму отношению к человеку. Наши школьные учителя хорошо знали нас, детей, наши души и помыслы и тоже старались привить нам самые благородные чувства. Мои институтские учителя, большие ученые, помогли мне полюбить исследовательскую работу, щедро передавая свои знания и опыт, важность которых я оценила сразу, как только занялась практической врачебной деятельностью. Я благодарна моему трудовому коллективу, с которым прошла рядом 60 лет, из которых 50 была его руководителем.

Я благодарна моей семье – любимому мужу, моим дорогим братьям и сестрам, моим детям и внукам, племянникам и подругам, благодаря которым жизнь становилась богаче, интереснее, наполнялась новым смыслом.

Моя жизнь на исходе. В этом году мне исполнилось 89 лет. Но Господь дает мне силы помогать пожилым людям, передавать свой жизненный опыт молодым, заниматься творчеством и не быть обузой для окружающих. Спасибо.

УСОЛЬЕ

Песня

*Старый мой сибирский городок
На просторах Ангары залег,
Был ты от столицы так далек
В трясках необъезженных дорог.*

*А теперь самолеты летят,
Электрички по рельсам бегут,
Усольчане в Усолье поспят,
А к обеду в Москву попадут.*

*Город мудрых и талантливых идей,
Город добрых, ласковых людей,
Ты история моей Сибири всей,
Город детства, юности моей!*

*Здесь построили химкомбинат,
И проспекты столичных красивей,
Городов молодых старший брат,
Ты опора самой России!*

*Здесь спокойные, светлые лица,
Работающий, надежный народ,
Далеко, далеко от столицы,
Но он в ритме столичном живет!*

*Самолеты в столицу летят,
Электрички по рельсам бегут,
Усольчане в Усолье поспят,
А к обеду в Москву попадут!*

1992

Приложение

Отзывы читателей на творчество автора

Душа просит лирики

«Врач лечит телесные недуги, поэт – нравственные», – убежденно говорит Елизавета Никитична Родина, заведующая стоматологической поликлиникой медсанчасти Иркутского авиационного промышленного объединения, кандидат медицинских наук и ... поэтесса. Ее стихи, жизнеутверждающие, о мужестве честных тружеников, о любви и верности, на протяжении многих лет публикуются в заводской газете «Иркутский авиастроитель». Попадают они и в центральную печать, например, в журнал «Огонек», «Медицинскую газету».

Е. Родина стоматолог по профессии. После окончания Иркутского медицинского института пришла в заводскую медсанчасть. Заметила: люди, работающие в шумных цехах, чаще других жалуются на недомогание. Очевидно, производственные процессы: клепка, сверление, долбежка – действуют на человека не лучшим образом. Стала вести наблюдения, записывать в докторской тетради случаи заболеваний, систематизировать факты. Короче, подготовила диссертацию «Влияние производственных вибраций на здоровье человека».

Защитила диссертацию в Москве, заинтересовала известных медиков. Этим дело не ограничилось. Много ли у нас в стране женщин-изобретателей? Приоритет здесь явно за мужчинами. Среди редких представительниц прекрасного пола, авторов патентов на изобретения – Елизавета Никитична. Она имеет нагрудный знак «Изобретатель СССР». За какие заслуги? Усовершенствовала отечественные технические аппараты, помогающие врачам уточнить диагноз и вести профилактику заболеваний.

Поликлиникой, в штате которой около тридцати врачей-стоматологов, Е. Родина руководит уже не первый десяток лет. Пишет научные работы, у нее постоянно проходят практику студенты мединститута, стажировются молодые специалисты. Удивительно, но она находит время готовить докторскую диссертацию. Фундамент и основа серьезной монографии есть, остались детали. А годы ведь, кажется, такие, что позволяют уже и отдохнуть.

Можно ли при таких делах, такой нагрузке заниматься еще и поэзией? По мнению Родины можно и нужно – для зарядки души, для полного ощущения жизни. Видно, так устроен человек: голова болит о деле, а душа просит лирики ...

Точно по расписанию является доктор на службу, ведет занятия со студентами, делает зубные операции тяжелобольным, бывает на совещаниях, планерках ... А если на тебе еще и семейные обязанности по дому – до вдохновения ли тут? Елизавета Никитична – мать двоих сыновей: Евгений пошел по стезе отца, стал инженером, а Андрей – военным летчиком-испытателем. Живет в Улан-Удэ.

Но без стихов она уже не представляет своей судьбы.

Недавно в Иркутске издали ее первый сборник «Стихи для друзей». Тираж небольшой – 1000 экземпляров, но не в этом дело ... Сборник быстро разошелся. В нем 250 стихотворений, басен и песен. О семейной дружбе, любви, о детях.

Добавлю к этому, что Е. Родина готовит второй сборник своих стихов. Название будущей книги «Благодарю тебя, любовь». Стихи эти нужны не только людям, но и ей самой. Ведь поэзия – взлет над тусклой обыденностью, с ее грубой эгоистичностью, меркантильностью. Разумеется, не обязательно быть поэтом, но иметь стремление к гармонии и красоте важно. Даже в простой работе важно быть творцом. Как часто мы гасим в себе божью искру, зарываем даровитость в нагромождении «мелочей жизни», подавление суетой, заботами о скоротечном, преходящем. Потом сожалеем, но поздно ... Елизавета Никитична умеет быть выше суеты. Как говорит сама поэтесса:

*Посредственность не терпит превосходства,
Не любит благородной высоты.
И топчет все талантливое просто
От бедности ума и пустоты!*

*Владислав Пляскин
«Восточно-Сибирская правда», 10 августа 1994 года*

Депутат в белом халате

Пятиэтажное здание замерло в последних приготовлениях к сдаче. Большие светлые окна готовы дать живой свет в больничные палаты, но там еще видны следы строительного беспорядка, работы приостановились. У нового родильного дома из месяца в месяц откладывалось его собственное рождение. Строители не торопились ставить последнюю точку.

Депутату городского Совета Елизавете Никитичне Родиной было поручено поставить вопрос о строительстве роддома в Ленинском районе перед сессией городского Совета. Вопрос этот был сложным и требовал тщательного разбора. Поговорив с заказчиком и строителями, Елизавета Никитична составила целый список проблемных вопросов, решение которых должен был обеспечить генподрядчик «Иркутскпромстрой». Депутат передала эти вопросы руководителю треста и подготовила материалы к очередной сессии, где этот руководитель должен был отчитаться за свою работу и объявить сроки завершения строительства.

После вмешательства депутата стройка вновь ожила, здесь снова появились рабочие, приблизилось завершение строительства. А на сессии управляющий трестом «Иркутскпромстрой» дал обещание закончить строительные работы в марте этого года, а работы по благоустройству завершить в июне.

Надо заметить, что после разговора на депутатской сессии строители выполнили свои обещания.

Депутатская деятельность Елизаветы Никитичны Родиной началась восемь лет назад. Тогда она впервые была выдвинута в Ленинский районный Совет депутатов трудящихся, где возглавляла комиссию здравоохранения. А в следующий созыв она избирается уже в городской Совет, депутатом которого является и по сей день.

Работы у заведующей стоматологическим отделением медсанчасти много. Отделение большое, только зубоврачебных кабинетов 19, более двадцати зубных врачей и стоматологов занимаются лечебной практикой. Но, кроме работы лечебной,

большое внимание здесь уделяется профилактической деятельности. Предотвратить болезнь, пока зубы еще здоровы, гораздо полезнее и важнее, чем удалить их и заменить протезами.

Прямо в цех, на рабочие места, приходят врачи и осматривают состояние полости рта и, если кто-то нуждается в лечении, его тут же направляют на профилактическую санацию. Кроме заводских коллективов санируются все детские сады и школы. Недаром стоматологическое отделение считается ведущим и недавно ему вручена грамота за первое место среди подобных отделений в области, а его профилактическая деятельность считается школой передового опыта.

Всю эту работу возглавляет и направляет Елизавета Никитична. Кроме того, она и сама занимается лечебной практикой, она специалист по хирургической стоматологии.

Новот закончена работа у зуболечебного кресла, и Елизавета Никитична, сняв белый халат, отправляется по депутатским делам. Вопросов у комиссии здравоохранения много, все их надо решить депутату: проверка санитарного состояния заводов, проверка качества продуктов в магазинах, на рынках, в столовых...

В ангарской воде не хватает фтора, а это отражается на состоянии здоровья, выражается в болезни зубов. И опять депутат поднимает вопрос. И вот уже запланирована фторирующая установка, которая должна начать работу в этом году.

Кончатся полномочия депутата, но на новые выборы Е.Н. Родина вновь выдвинута кандидатом. Люди верят в нее.

В. Роцин

«За коммунизм», 5 июня 1973 года

Добрые руки, щедрая душа

«Женщина всегда чуть-чуть как море, море в чем-то женщина чуть-чуть», – сказал поэт. Да, женщина, действительно, сродни морю-океану своей таинственностью, животворной силой, врачующей нежностью, благородной умиротворяющей сущностью, ну и, разумеется, красотой, только не чуть-

чуть, а на все сто процентов!.. Такова героиня моего рассказа Елизавета Никитична Родина, заведующая стоматологическим отделением МСЧ.

Для всякого человека важны, а для женщин в особенности, обаяние, деликатность, доброта, отзывчивость и, не в последнюю очередь, ум, эрудиция, темперамент, любознательность, живость характера, умение подать себя, наконец. Всеми этими качествами природа щедро одарила Елизавету Никитичну. Потому-то она всегда и привлекала к себе людей.

В 1947 году Елизавета Никитична окончила Иркутский стоматологический институт и была направлена на работу на Иркутский авиазавод заведующей стоматологическим кабинетом, а в 1952 году ее назначили заведующей стоматологическим отделением. В 1979-ом году стоматологическое отделение было преобразовано в стоматологическую поликлинику со штатом в 25 врачей лечебного профиля и 6 врачей-ортопедов. Во всех школах и ПТУ авиазавода постоянно работают детские врачи-стоматологи, на предприятиях завода – 7 цеховых врачей. Более половины коллектива стоматологического отделения, которым руководит Е.Н. Родина, имеют высшую или первую квалификационные категории.

45 лет Елизавета Никитична совмещала административную работу с практикой хирурга-стоматолога. При такой огромной трудовой нагрузке она находила силы и время для научной деятельности. Имеет около сорока печатных работ по различным вопросам медицинской, врачебной практики, два изобретения: аппараты по капиллярскопии, приборы для лечения больных пародонтитом, девять рационализаторских предложений по методике обследования страдающих вибрационной болезнью, усовершенствованию гидромассажа больных пародонтитом, использованию рекомендаций фитотерапии при лечении пародонтита – этого тяжелого, ныне прогрессирующего недуга не только среди пожилых, но и среди молодых людей. В пародонтологическом кабинете, где сейчас ведет прием Родина, пациенты получают единовременно комплекс лечебных процедур: введение в десны лечебных препаратов и различных витаминов, массаж, гидромассаж, аппликации, по-

лоскание полости рта концентрированным отваром из множества (до 40 видов) лекарственных трав. Елизавета Никитична сочла свои служебным долгом окончить спецкурсы по фитотерапии.

Е.Н. Родина принимала участие в работе трех Всесоюзных и республиканских съездов врачей-стоматологов, на которых выступала с докладами. Написала и защитила в 1979 году в Москве диссертацию «Стоматологический статус больных вибрационной болезнью» на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Тема диссертации очень актуальна для самолетостроителей, в особенности для клепальщиков, страдающих этим тяжелым заболеванием.

За многолетний и добросовестный труд Елизавета Родина награждена орденом «Знак Почета», значками «Отличник здравоохранения», «Изобретатель СССР» и многими медалями. Однако же самозабвенный и поистине титанический труд на благородном поприще врача не закабалил, не поглотил Родину полностью, не лишил ее человеческих желаний и радостей. Елизавете Никитичне не грозила перспектива старой девы, заглушившей в себе женское начало и всецело отдавшейся работе: на нее и в студенческие годы заглядывались парни, да и позже мужчины не обходили ее вниманием. Но, выросшая в многодетной семье рядового служащего в Усолье-Сибирском, воспитанная по заповедям строгой морали, Елизавета Родина тоже была строга и серьезна.

А любовь свою, своего будущего мужа она встретила не в поселке авиастроителей, не среди коллег, а в тайге накануне Нового года!

Как в сказке со счастливым концом, принц нашел свою принцессу, и сложилась крепкая дружная семья, в которой выросли и ушли в большую жизнь два сына.

Так что Елизавета Никитична всем взяла, ни в чем ни от кого не отстала. Она и уважаемая на работе труженица, и верная супруга, и счастливая мать семейства, и нежная няня своих внуков. Назвать же ее бабушкой язык не повернется. Но и это не все ипостаси Елизаветы Родиной. Незаурядная личность, как правило, широко талантлива. Наука и искусство от-

нюдь не антагонистичны. С молодых лет Елизавета Никитична посещала занятия литературного клуба «Парус», что действует при заводской многотиражке, пробовала, и не без успеха, писать стихи.

В 1993 году Родина выпустила поэтический сборник «Стихи для друзей». Многочисленные ее друзья (а это практически весь авиазавод) читают стихи с интересом и благодарностью, потому что напоминают они о тех или иных событиях или известных людях родного завода. «Пилот», «Стюардесса», «Заводской гудок», «Офицеры», «Солдаты», «Присяга», «Свидание с курсантом», «Участникам Отечественной войны», «Защитникам Родины». По одним заголовкам видно, что автор живет и работает в поселке авиастроителей, что ей близки и дороги военные люди, курсанты военных училищ, солдаты и офицеры, что Великая Отечественная война для нее, как и для всех заводчан, не далекая, подзабытая история, а до боли в сердце дорогое, хотя и трудное, время молодости, время надежд и тревог, время громких и славных побед.

Вот цикл стихов о медицине, например, о не забываемом в поселке авиастроителей хирурге Промптове, о работе детского врача, о стоматологах, о добрых руках врача. Тут встречаются строки и о страхе больного перед необходимостью прийти на прием к «зубнику» («Ода о зубной боли»), и шуточная пародия на известную песню о монтажниках-высотниках:

*Не ушники, не гинекологи,
Но назначенья выше нет,
В высоком званье стоматологи,
Мы всем болящим шлем привет!*

Великолепные стихи о сыновьях, о матери. В них столько искренней любви, нежности, заботы, тревоги о родных людях!

*Пока есть мама – мы всегда моложе,
Есть что-то высшее – защита и опора.
Пусть старенькая мама – ну и что же?
Но ласково в глаза твои заглянет
И прикоснется теплою рукою.*

Прекрасны стихи о друзьях, дружбе, верности, бескорыстии настоящего друга.

*Твой друг придет, когда пришла беда,
А твой успех в нем не разбудит зависть.
И, отчисляя день за днем года,
Разделит радость, холод и усталость.*

Любовь к труду, неумемая потребность работать с полной отдачей физических, умственных и душевных сил замечательно отражены в поэтическом творчестве Родины. Об этом красноречиво сказано в ее стихотворении «Жизни не хватит мне»:

*Хочется больше сделать, успеть,
Больше узнать, больше помочь людям в беде,
Хочется внуков вырастить мне, правнуков тоже...*

И даже говоря о смерти, о переходе в загробный мир, Родина печалится, что в том свете ей не придется трудиться, что она там окажется безработной:

*Уходят годы, годы-корабли
Туда, где все мы будем без работы...*

Это и забавно, и глубоко симптоматично: праздность ей органически чужда, невыносима, нетерпима.

В 1997 году Елизавета Никитична опубликовала сборник стихов о драгоценных камнях, их влиянии на здоровье и судьбу человека. Это небольшая по размеру, но изящно, высококачественно изданная на прекрасной бумаге книжица интересная тем, что позволяет заглянуть в таинственный мир камня, находящийся в неразрывной связи с человеческой жизнью.

И вот в этом, 1998 году, вышел еще один сборник ее стихотворений – тостов и поздравлений, которые можно использовать на различных торжествах.

Великая труженица, к слову сказать, уже перешагнувшая пенсионный рубеж, о так называемом заслуженном отдыхе и не помышляет, как и в прежние времена, успевает справляться со всеми заботами – хлопотами и заведующей отделением, и хозяйки дома, не гнушается своими руками квартиру побелить, в летнее время с удовольствием отдается садово-огородным страстям на своем дачном участке. Ни о какой старости, ни о каких болезнях пока речи нет. Впрочем, старыми такие женщины, как Елизавета Родина, не бывают, не могут быть!

Природой-матушкой и запрограммированной еще в детстве жизненной установкой им это категорически запрещено.

В прошлом году Родина отметила славный юбилей – 50 лет трудового стажа на благородном поприще врача, целителя, стража нашего здоровья. Пожелаем же ей долгих лет жизни и успехов во всех сферах ее кипучей деятельности!

*Василий Гинкулов
«Иркутский авиастроитель», 27 мая 1998 года*

Вместе в радости и печали

Наблюдаешь за жизнью современного человека, отгородившегося от мира железными дверями, приковавшего себя к телевизионному экрану, и все чаще приходишь к мысли, что ему катастрофически не хватает живого общения – доброго слова, приветливого взгляда, теплого участия. И не удивишься тому, что женщины, уже достигшие определенного возраста, не хотят замыкаться в собственном узком мирке, а стремятся найти дело, которое помогло бы им сблизиться с другими людьми.

Когда-то модное только на Западе «клубное» течение возникло в России и докатилось до глубинки. В нашем микрорайоне совсем недавно появился еще один, пока не имеющий своего «устава», но уже нареченный клуб «Родина». Инициаторами его образования стали две женщины-активистки – Елизавета Никитична Родина, заведующая стоматологическим отделением МСЧ, и Екатерина Семеновна Скалацкая, председатель совета ветеранов при ЖЭУ № 4, в прошлом заводчанка. Но, как они сами говорят, возник клуб стихийно. Вначале подруги собирались у кого-нибудь дома за чашечкою чая, вели душевные беседы, делились личным – горестями и радостями, а потом почувствовали потребность расширить рамки общения, свой кругозор. Решено было выйти в мир. Стали собираться в районной библиотеке № 5. Ее хозяйки Елена Ефремовна Смагло и Евдокия Михайловна Печейкина приняли деятельное участие в становлении клуба.

Круг его участниц не широк. Но клуб и должен быть таким – собирать людей с общими интересами, взглядами, мировоззрением. Лариса Герасимовна Харченко, Таисия Петровна Парфентьева и Нина Константиновна Сидорова – в прошлом медицинские работники, трудились в заводской медсанчасти. Клавдия Максимовна Ожерельева – заведующая общежитием № 2, Рита Кондратьевна Чувашова заведует детской библиотекой. Объединила их всех любовь к литературе, поэзии. А своим индивидуальным, что есть у каждой, они щедро делятся с остальными. Поэтому и выбирают ведущего, который к очередному заседанию клуба готовит какую-нибудь тему. Прошли уже вечера, посвященные поэтам Сергею Есенину, Николаю Рубцову, Василию Федорову. Екатерина Семеновна Скалацкая знакомила с учением Порфирия Иванова о правильном образе жизни, Елизавета Никитична Родина поднимала проблемы долголетия.

На заседания клуба женщины спешат, как на праздник. С нетерпением ждут они каждой встречи, на которой выглядят помолодевшими и счастливыми. И в радости, и в печали знают, что есть кому их выслушать, понять, посочувствовать, ведь многие уже на пенсии, а переносить одиночество нелегко.

В последний день февраля клуб «Родина» проводил очередное, седьмое по счету, занятие, которое посвятил памяти поэта, нашего земляка Василия Федорова. Удобно расположившись в креслах небольшой уютной гостиной библиотеки, женщины с интересом слушали рассказ Евдокии Михайловны Печейкиной. Много любопытных подробностей о жизни и творчестве поэта сообщила Евдокия Михайловна. И то, что Василий Федоров в 40-х годах работал на нашем заводе, а проживал в комнате 19 общежития № 7 по улице Авиастроителей, и как он познакомился со своей будущей женой Ларисой. О жизни поэта в Москве, а затем в деревне Марьевке Кемеровской области, о том, что он поддерживал связь со своими друзьями-заводчанами – поэтом и художником Денисом Цветковым, который отнес первое стихотворение Федорова в газету «Советская молодежь», и ныне покойным писателем-сказочником Василием Стародумовым.

Заведующая детской библиотекой, носящей имя Стародумова, Рита Кондратьевна Чувашова прочитала письмо Федорова к Василию Пантелеймоновичу, которое тот вместе с архивом подарил еще при жизни библиотеке. Николай Васильевич Бердников, член литклуба «Парус», хорошо знал Василия Федорова, работал с ним до войны в одном цехе. Он принес на встречу свой архив – фотографии поэта, газетные публикации о нем и его жене, с которой Николай Васильевич поддерживал переписку. И конечно же, слушали стихи Василия Федорова. Его живой голос звучал в граммофонной записи.

Закончилась встреча традиционным чаем. Теперь все участницы клуба с нетерпением ждут новых встреч друг с другом, с новыми познаниями и открытиями.

Т. Хебнева

«Иркутский авиастроитель», 6 марта 1997 года

Медицинский халат

Удивительная фамилия у этой замечательной женщины – Родина. Елизавета Никитична много лет трудится в медсанчасти Иркутского авиапромышленного предприятия заведующей стоматологическим отделением. Е. Н. Родина известна не только в Иркутске и не только как высокопрофессиональный врач-специалист, она – автор научных работ, а еще – автор поэтических сборников.

*Медицинский халат
Я глажу свой халат,
Усталый, ненарядный,
Заслужен, без наград,
Натруженный изрядно.
Он видел все вокруг:
Страданье, боль и стоны.
Как самый близкий друг,
Минуя все заслоны.
Он приходил на зов
В любое время года.
Не закрывал засов*

*Он в дождь и непогоду.
Он столько познавал,
Он столько потрудился,
И недруг признавал,
А друг всегда гордился.
Не восхвалял чинов,
Не унижал собрата,
Не тратил льстивых слов
За лишний рубль к зарплате.
Не обижал в беде,
А рядом был в несчастье.
Коль повезло судьбе,
Он радовался счастью.
Не предавал, не льстил
И не был ядовитым,
Но уважаем был
Он местною элитой.*

Желаем Елизавете Никитичне дальнейших поэтических побед, счастья в труде и личной жизни.

*Редакция «Иркутской медицинской газеты»,
№ 3, март 2000 года*

Елизавета Родина. Стихи для друзей

К сожалению, я не знаком с Елизаветой Родиной. Сборники ее стихов в редакцию передал Василий Федорович Шаманский. Елизавета родилась, выросла и закончила среднюю школу в Усолье. В 1947 году она стала выпускницей Иркутского стоматологического института. Дальнейшие факты ее небезынтересной биографии я опускаю, потому что для нашей сегодняшней заочной встречи с удивительной женщиной гораздо важнее то, что она – поэт, автор трех поэтических сборников «Стихи для друзей» (1993), «Тосты и поздравления для друзей» (1998), «Ваш талисман» (1997)

Основное содержание ее стихов – дружеские лирические послания, когда-то чрезвычайно популярный жанр. Стихи А. Пушкина, Е. Баратынского, написанные в альбом своим зна-

комым в 19 веке, в 20-м вошли в академические издания поэтов.

На мой взгляд, именно такая «альбомная школа» написания стихов позволила поэтессе сохранить в ее лирике (о чем бы она ни писала!) трезвую заданность в раскрытии темы и одновременно раскованность, подчас добрую улыбку – все лучшее, что присуще так называемым стихам на случай.

Любит она и умеет писать стихи для детей и басни. Подборку последних мы и хотим предложить вам в нашем первоапрельском выпуске.

Александр Гордин.

Индюк

*Породистый индюк попал в куриный двор,
Курытник занял собственной персоной.
Он не терпел о деле разговор,
Являлся к курам шумный или сонный.
Писал указы – новый каждый раз,
Чтоб куры маршем отправлялись к гнездам.
Несли бы яйца в отведенный час
И кланялись во двор зашедшим звездам.
Молодок он приветственно встречал,
С собою рядом приглашал садиться
И царски властно поучал:
Нести им яйца вовсе не годится.
Они могли б ему украсить двор.
Им будут платья модные пошиты.
Они усвоят светский разговор
И будут шествовать в индюшьей свите.
Молодки ахают, гордятся, осмелели
И чтобы быть на индюка похожими,
Друг другу перья выдирают с шеи,
Для ожерелий очищают кожу.
И тут решеньем прочих лиц
Индюк исчез. И царственные дуры
Не индюки, и не несут яиц,*

*И мечутся с ободранною шкурой.
Скажите, курицы, своим подружкам:
– Уж лучше курой быть,
Чем щипаной индюшкой.*

Шатун

*Седой лысеющий медведь
На старость лет решил влюбиться.
И надо ж страстью возгореть
К молоденькой и рыженькой лисице.
Расправив на три волосок,
Спешит на лисий голосок.
Он для нее дает пиры
И носит чудные дары.
Его супруге-медведице
Все ночи до утра не спится.
Над ухом ей жужжит оса:
«Медведя увела лиса».
Медведь, лысея, лез из кожи,
Чтоб показаться помоложе.
Себе пристроил хохолок,
Лисы подарок – шерсти клоч.
Рычит жене: «Ах, ты не рада?
Вот амулет – ее награда,
Она – любовь и вдохновенье,
А ты исчезни с поля зренья».
Забросил дело и работу,
Ей угодить – одна забота.
Прогнал супругу-медведицу
И на лисе решил жениться.
Трещит спина и поясница,
Но возит на спине лисицу.
Она же ищет, ищет друга
Средь молодых друзей супруга.
Хвостом отчаянно вертела,
Себе моложе присмотрела.*

*Меж тем медведь дряхлел, дряхлел,
Лисе изрядно надоел.
Совсем плохи его дела,
Лисица зверя прогнала.
Спешит он к старой медведице,
В берлогу прежнюю стучится.
Но не впустили. Был мороз –
Шатун бездомный наш замерз.
Понятна басня и без слов.
Таков удел всех шатунов.*

Газета «Свеча», апрель 1999 год

Поэтический дар

10 мая в библиотеке № 5 состоялся творческий вечер самодельной поэтессы Елизаветы Никитичны Родиной. Собрались ее друзья, соседи, коллеги, члены литературного клуба «Парус». Пришли и профессиональные поэты и писатели: Владимир Скиф, Ким Балков, Татьяна Суровцева, Василий Гинкулов. Ведущей была заслуженный работник культуры Евдокия Михайловна Печейкина.

Кандидат медицинских наук, автор более 30 научных работ, изобретений и рацпредложений, Елизавета Никитична уже в течение нескольких десятилетий (ее рабочий стаж – 53 года) руководит стоматологической поликлиникой при медсанчасти ИАПО. Стихи пишет с детства, а первую книжку «Стихи для друзей», опубликовала в 1993 году. Всего же издала (в основном на свои средства) 6 поэтических сборников.

Не принадлежа к профессиональным литературным кругам, Родина сумела найти или нетронутые пишущей братией, или всем известные темы и подать их любознательному читателю в такой привлекательной форме, что отказаться от подобной творческой «конфетки» никак невозможно. Автор считает эти свои оригинальные произведения поэмами. Такова поэма «Пожалуйте в баньку», изданная отдельной книжкой, в коей повествуется о банях всех времен и народов, начиная от примитивных бань в шалашах древнего человека и кончая

иркутскими банями времен перестройки. Такова поэма о драгоценных и полудрагоценных камнях «Ваш талисман» тоже изданная отдельной книжкой. Уникальное по своим полиграфическим достоинствам издание осуществлено Восточно-Сибирским книжным издательством при содействии московской фирмы «Центр КГС». В поэме рассказывается о свойствах камней, их влиянии на здоровье и даже судьбу человека, что позволяет заглянуть в прекрасный и таинственный мир камня, который всегда находился в неразрывной связи с человеческой цивилизацией.

Сейчас Елизавета Никитична работает над очередной поэмой – о целебной силе растений, что ей очень хорошо знакомо по собственной врачебной практике.

Знаменательно, что книги Родиной не залеживаются, востребованы читателем. Иные знакомые приходят к ней домой и просят подарить или продать заинтригованную книгу.

Выступавшие поздравляли виновницу торжества с замечательными творческими успехами, рассказывали о давней дружбе с нею, читали ее стихи. Так Ким Балков прочел трогательные лирические стихотворения Родиной о матери и «Мне 18 лет», где ярко показано мироощущение энергичной, жизнерадостной девушки, у которой впереди вся жизнь, и любовь, и счастье. Владимир Скиф прочел специально для этого памятного вечера написанное шутивное стихотворение.

Василий Гинкулов припомнил, как Елизавета Никитична лечила ему зубы, и подарил на добрую память двухтомник своих произведений о природе «Живи, тайга». Художник и поэт Николай Бердников публично признался, правда, с запозданием на столетия, что всегда любил «дорогую, добрую, милую Елизавету Никитичну».

Галина Владимировна Майорова, соседка по подъезду и давний пациент Родиной, прочла ее стихотворение «Собака», предварительно предупредив присутствующих, что может не сдержать слез и расплакаться. Тема этого стихотворения действительно волнующая, вызывающая острое сердечное сострадание: о жестокости человека, бросившего поздней

осенью собаку на даче, обрекшего верного друга на голодную смерть.

Много говорили выступавшие о гражданственности в поэзии Родиной, о том, что она пишет обо всем, что волнует неравнодушного человека: стихи о самолетостроителях, стюардессах, курсантах, солдатах и офицерах Российской армии (сын Андрей, летчик-испытатель, трагически погиб, выполняя служебный долг), стихи о дружбе, о любви, о семье, о судьбах женщин, о малой родине своей. Есть у поэтессы Родиной стихи для детей, а басен столько, что хватило бы на целый сборник. Опубликовано восемь поэм, одна из них – «Деревня» – посвящена трагическому положению сибирского крестьянина.

Супруг Елизаветы Никитичны, инженер по профессии, сказал на вечере, что счастлив был встретиться в молодости на 50-м километре Байкальского тракта с будущей женой в новогоднюю ночь (молодые люди праздновали Новый год в лесу, возле живой елки), что не представляет, как бы сложилась его личная жизнь без этой случайной романтической встречи, что его жена очень целеустремленный человек, стремящийся реализовать себя во всех интересных для нее сферах жизни, что вызывает удивление, уважение и даже восхищение окружающих.

*Василий Шелехов.
«Иркутский авиастроитель», 1 июня 2001 года*

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались

Районная библиотека №5, привычная к разного рода событиям, принимала на этот раз гостей в возрасте. В середине февраля здесь состоялась практическая конференция «Пожилой человек. Взгляд в XXI век», которую проводил Ленинский окружной совет ветеранов. Подобные мероприятия обычно отдают духом официальности. Но вопреки устоявшимся канонам ветеранская конференция проходила в непринужденной, располагающей к беседе обстановке.

Приглашенные разместились за небольшими столиками со скромными угощениями. Здесь же, в зале, на стенах были раз-

мешены картины самодеятельных художников, на столах и за витринами шкафов – персональные мини-выставки рукодельных работ, выставка лекарственных трав (более 40 наименований), собранных ветеранами на своих огородах.

Чувствовалось, что готовились к встрече с душой. И люди пришли сюда, как на праздник – принаряженные, в хорошем настроении. Пришли, чтобы не только обсудить проблемы, но просто пообщаться друг с другом, поделиться своими мыслями, рассказать о своей жизни. Здесь собрался деятельный и, несмотря на возраст, увлеченный народ, который не замкнулся в собственном мирке, не спрятался за железными засовами, чтобы потихоньку вздохнуть и печься о своих болячках (а они теперь почти у каждого есть) и ждать приближения конца. И неважно, каким делом собравшиеся здесь люди заняты: общественным или личным, – ведь главное – продолжать жить и радоваться жизни.

Такой оптимистичный настрой был у всех присутствующих, и каждое из выступлений дышало и любовью к самой жизни, и стремлением помочь тем, кто нуждается в заботе и внимании.

Участвовали в конференции члены окружного совета ветеранов, председатели первичных организаций, ветеранский актив.

... А здесь на конференции, душевный контакт с ее участниками был установлен кандидатом медицинских наук, председателем окружной общественной комиссии по медицинскому обслуживанию ветеранов, заведующей стоматологическим отделением поликлиники МСЧ ИАПО Елизаветой Никитичной Родиной, которую все слушали с особым вниманием.

«Ученые говорят, что человеку отведено 200 лет жизни, самое малое – 150, и только своей неводержанностью, безобразным отношением к ней мы укорачиваем свой век. А ведь у нас есть долгожители. В Иркутской области более 3000 человек прожили более 100 лет и продолжают активную жизнь».

Много добрых и полезных советов дала Елизавета Никитична пожилым людям: «Есть такая категория стариков, которые встречаются и полчаса говорят о своих болезнях. И

если отнять у них эту болезнь, ничего не останется. Нужно помнить, что говоря о болезни, мы усугубляем свое болезненное состояние.

Главное сейчас – беречь нервную систему. И, конечно же, оберегать от волнений близкого тебе человека. Никогда никому не говорите: «Ой, что-то ты похудела, состарилась», наоборот: «Ну посмотри, какая ты красавица, умница, как у тебя все хорошо получается». Несите людям добро, спешите делать добро.

Не менее важен сон. Есть такое изречение: сон – это лучшее блюдо на пиру природы. Сон должен быть глубоким, ровным, спокойным. Пожалуйста, не смотрите на ночь фильмы. После них – только бессонница. Полезны вечерние прогулки, перед самым сном от бессонницы – горячий чай с ложкой меда.

Человек сейчас так много пьет лекарств, что начинается аллергизация организма. К каждому новому препарату нужно относиться очень осторожно. За границей сейчас широко применяется ароматерапия. Если у вас, например, гипертония, сшейте из марли маленькие мешочки, поместите в них цветы или плоды боярышника, лепестки розы или цветы герани и положите на ночь рядом с подушкой. У вас успокоится нервная система, улучшится сердечный ритм, нормализуется давление.

Нужно обязательно чередовать физический и умственный труд. Работать до утомления, а не до переутомления.

Берегите себя, успокаивайте других, будьте оптимистами, и не жалеите улыбок для людей».

*Тамара Хебнева
«Иркутский авиастроитель», 6 марта 2002 года*

Родина, мать «Икара»

От места, где потерпел катастрофу печально прославившийся на весь мир «Руслан», до дома Елизаветы Никитичны Родиной – рукой подать. Всего две минуты пешего хода. А в окно ее квартиры, выходящей на юг, в субботу шестого декабря шесть лет назад даже просматривался нелепо задранный

вверх хвост самолета и огромный хобот дыма. Сейчас там часовня, будто сметаной выбеленная, светится. При часовне – крохотная звонница. Зайдет в нее местный звонарь – и окрестности колокольная трель оглашает. Часами бы слушал эту сказочную мелодию.

В это время многие крестом себя осеняют, поминая погибших в той жуткой трагедии. Как только польется колокольная музыка, рука Елизаветы Никитичны крест в воздухе описывает. В превратившейся в доменную печь четырехэтажке жило немало ее знакомых. Может быть, полдома, никак не меньше ...

Елизавета Никитична работает в поликлинике, обслуживающей работников НПО «Иркут» и жителей второго Иркутска, заведует стоматологическим отделением. А известно, что встречи с врачебным креслом мало кому удастся избежать. Поэтому она их и помнит. Про себя помянет одного, второго, третьего ... и, конечно же, в такие моменты всенепременно вспомнит сына Андрея. Правда, в тот роковой воскресный день ее сына Андрюшеньки не было ни в исчезнувшей четырехэтажке, ни в «Руслане». Его в принципе не могло там быть, потому что к тому времени он жил только на фотографиях и в памяти родственников.

Восемь лет назад чуть в стороне от небольшого поселка городского типа, названного Каменск, расположенного между Иркутском и Улан-Удэ, сверля воздух лопастями винтов, рокотал двигателями новенький вертолет Ми-171. Управляющий им Тайгиб Толбоев, летчик-испытатель военного представительства Министерства обороны России по лётно-испытательной работе Улан-Удэнского авиационного завода, описывает круг, выбирая площадку для посадки. Обнаружив подходящий «пятачок», забирается повыше и начинает снижение. И в эти мгновения, когда приборы показали высоты почти пятьдесят метров, по борту машины пробежала легкая дрожь.

А дальше пилотам показалось, что вертушку схватила невидимая рука и резко стала дергать в левую сторону. Затем экипаж чувствует, что вертолет подкидывает вверх, и он начинает с огромной скоростью вращать вокруг своей оси.

По одной из версий, Ми-171 в это время попал в восходящие турбулентные потоки воздуха. Они вынесли вертолет к сопке, где он, хватанув хвостовым винтом за сосну, на несколько мгновений превратился в гигантскую юлу и, приподнявшись немного над сопкой, упал в двадцати метрах от поселка. Из деформированных баков машины с крутого откоса в сторону ближайших домов хлестануло горючее. Две с половиной тонны топлива ... над сопкой заколыхалось марево испаряющегося керосина. До беды недоставало случайной искры.

Согласно той же версии следивший за показаниями приборов бортинженер (это был Андрей) в самый критический момент, когда вертолет столкнулся с деревом и стал падать вниз, успел дотянуться до «стоп-крана» и остановить двигатель.

Потом было следствие, прекращение дела за отсутствием состава преступления. Оставшиеся в живых члены этого экипажа Тайгиб Толбоев и второй пилот Евгений Эрдынеев, залечив тяжелые переломы, продолжают летать.

А Андрея похоронили в Иркутске. Народу было как на демонстрации в советское время. Звучали красивые слова о подвиге парня, давались клятвенные обещания назвать в его честь одну из улиц Каменска ...

Когда в Иркутск пришло сообщение о падении вертолета, на самых близких Андрею людей опустились бесконечные суемерки.

Он дважды терпел аварии. Чудом выходил из них невредимым. Узнав о второй, Елизавета Никитична совсем потеряла покой. Ждала третьей. Интуитивно догадываясь, что третья, возможно, будет последней. За время ожидания беды поникла, а в глазах ее поселилась грусть. Она и раньше не особо-то давала волю эмоциям, а тут и вовсе замкнулась.

Вообще-то в нашем времени она выглядит пришельцем – то ли из прошлого, то ли из будущего. В ней есть что-то от романтической утонченности Наташи Ростовской из «Войны и мира», что-то от сентиментальной чеховской Любви Андреевны Раневской. Правда, персонажи писателей маются неприкаянностью, а Елизавета Никитична – трудоголик, имеет за свой безупречный труд сотни благодарностей.

А нынче в ее биографических данных появилась строчка о присвоении ей звания «Заслуженный врач Российской Федерации».

Отчасти к этому званию причастны ее дети. Они у нее с головой. Смекалистые, не ленивые, без дурной фантазии. В них она была уверена, как в себе. Сквозь свою занятость видела, как ее старший – Женя, сейчас он работает на авиационном предприятии – учит друзей толкать как можно дальше железное спортивное ядро, а в «космическое» пространство над Иннокентьевкой забрасывать самодельные пороховые ракеты. Видела, что без ее участия младший, Андрей, освоил швейную машинку. Сшитые им модные джинсы ничем не отличались от «фирмы». Уже в четвертом классе обеспечил себя собственноручно изготовленной парой перчаток. В подвальном помещении дома он открыл автоклуб и из разрозненных деталей собрал мотоцикл. Став постарше, оседлал дельтаплан. «Икара» до сих пор помнят жители Усть-Орды, недалеко от которой он соревновался с жаворонками и ласточками, осваивая воздушное пространство. Все характер оттачивал.

Ни тот, ни другой матери не досаждали неприятностями, как будто понимали, что спокойствие будущего заслуженного врача Российской Федерации нужно беречь. Они знали, что мать всегда занята каким-то важным государственным делом, касающимся какой-то странной виброболезни. Болезни, про которую они слышали каждый день и которая на Иркутском авиационном заводе был самым главным бичом.

Взгляните на обшивку самолета – она словно оспой покрыта головками заклепок. Художник, который их наносил на полотно, – клепальщик. Применяя основные орудия труда – пневматическую дрель и молоток, он за смену усаживает в нужное место тысячи заклепок, в сотни раз больше, чем с использованием обычного ручного инструмента. Но за этот производственный успех он получает дозу «облучения» вибрацией, которая подавляет нервную систему, выводит из строя кровеносные сосуды, разрушает костную ткань. Вибрация не щадит жестянщиков, выколотчиков, бульдозеристов, комбайнеров, шахтеров, проходчиков тоннелей, прессовщиков. Ее

могут приобрести летчики и даже космонавты при старте ракеты. В том, что посланники в космос не пренебрегают мерами безопасности от этой болезни, Елизавета Никитична убедилась, когда принимала участие в работе нескольких международных конгрессов в Москве. Среди врачей на ней всегда присутствуют представители Центра подготовки космонавтов.

Всеядность виброболезни поразительна. Но это не значит, что спутнику высокотехнологичных производств предоставлено право своевольничать. На виброболезнь уже наброшена уздечка. Как любое заболевание, оно излечивается. И лечится лучше всего на самой ранней стадии. А сегодня обнаружить это заболевание в состоянии любой терапевт. По методике, разработанной Родиной.

Тогда, занимаясь исследованиями, проверяя свои догадки, ей очень сильно помогли добровольные помощники большого отряда заводских стоматологов: Татьяна Ярошевич, Лидия Мартынова, Светлана Анисимова, Стефания Славецкая, почти все терапевты поликлиники. С их помощью ей удалось обследовать больше десяти тысяч рабочих, в той или иной мере сталкивающихся с вибрацией.

Установив истинную причину болезни, Родина создала целый комплекс профилактических мер.

Там, где в качестве эксперимента использовались рекомендации Родиной, уровень заболевания снизился вдвое. Все гениальное действительно просто. Оказывается, виброболезнь может лишиться шансов, если в производственный процесс ввести график разбивки рабочего времени. По этой методике рабочие, пользующиеся виброинструментами, на определенный период времени переключаются на иной вид деятельности.

Сама она придумала и сконструировала аппаратуру, регистрирующую шумы и вибрацию. Запатентовала несколько изобретений и рационализаторских предложений. Трижды участвовала во Всесоюзных съездах изобретателей, куда направлялись действительно люди с изобретательской жилкой.

В этом году ее борьба с виброболезнью завершилась изданием в Москве в соавторстве со столичным профессором Татьяной

Васильевной Никитиной книги «Вибропародонтальный синдром». В ней систематизированы все сведения о клинической картине виброболезни, способы ее лечения, профилактики и ранней диагностики. На этот труд у Родиной ушло больше трех десятилетий. Книга уникальна, представляет из себя специализированную энциклопедию, обобщившую все, что известно о виброболезни.

Два года назад Родина поставила точку еще в одной работе, посвященной динамике стоматологических заболеваний детей Иркутска всех возрастных групп за последние полвека. Благо, исследовательского материала было предостаточно.

На ее плечах создавалась мощная сеть стоматологических и ортопедических служб, охватывающих весь второй Иркутск. Эту сеть Елизавета Никитична «вязала» почти с нуля после войны. Тогда в поселке проживало уже тридцать две тысячи человек. И на всех имелось всего два стоматолога и две примитивные бормашинки. Ее напарник Анна Хломок лечила детей, Лиза – взрослых.

Сегодня – иное дело. Поселок располагает услугами тридцати специалистов. А стоматологические посты есть в каждой школе, детских садах, ПТУ и на территории авиапредприятия. Даже местный роддом оснащен стоматологическим кабинетом.

А еще Елизавета Никитична пишет стихи. Стихи это ее «высокая болезнь». Немало у нее их о Великой Отечественной войне, о природе, о дружбе, о любви, верности долгу. Издала уже несколько сборников.

Один из них – «Только розы», где есть стихи об Андрее, она отправила в Улан-Удэ его друзьям.

С Каменском все эти годы связь не прерывается. Оттуда постоянно приходят поздравления с праздниками. Почти каждый год выбирает Елизавета Никитична несколько дней, поднимает на ноги самых близких – детей Андрея – Кирилла и Леру, своего мужа Виктора – и едет на место происшествия.

Андрея в Каменске помнят. Там, где произошла авария, установлен монумент – большой куб из нержавеющей стали с вкрученной в него лопастью винта от того разбившегося вертолета.

та. На самой вершине сопки, у которой родился вихрь-убийца, Андрею возведен четырехметровый крест из листвяка. Почти все, что обещалось при прощании с ним, выполнено. Только улица его имени в Каменске еще не появилась, где-то что-то забуксовало ...

*Александр Иванов
«Восточно-Сибирская правда», 30 декабря 2003 года*

Предисловие к книге «Вибропародонтальный синдром»

Книга Т.В. Никитиной и Е.Н. Родиной «Вибропародонтальный синдром» представляет собой единственную в отечественной и, по имеющимся данным, зарубежной литературе монографию, которая вносит существенный вклад в стоматологическую науку.

Монография построена на материалах собственных многолетних наблюдений за динамикой стоматологического статуса большого контингента рабочих крупнейшего авиационного завода страны.

Основное внимание авторами уделено состоянию пародонта у обследуемого контингента, развитию преморбидных стадий вибрационной болезни и оценке динамики развития заболевания. Впервые выявлена высокая информативная возможность пародонтального региона в диагностике вибрационной болезни. Ценными являются новые сведения о специфике клинических, функциональных и морфоструктурных изменениях в тканях пародонта у больных вибрационной болезнью. Выявлена зависимость характера и интенсивности пародонтальных изменений от возраста больного, стадии вибрационной болезни и длительности работы под воздействием вибрации. Авторами впервые выявлены факты наличия вибрационной чувствительности десны и высокая информативность ее показателей при диагностике вибрационной болезни. Важно отметить, что функциональные и рентгенологические изменения в тканях пародонта предшествуют таковым и в других дистальных отделах скелета больных вибрационной болезнью.

Результаты сравнительной оценки метаболических нарушений костной ткани пародонта и костей кистей рук в сочетании с данными микроциркуляторных и морфоструктурных изменений в тканях пародонта при вибрационной болезни позволили авторам впервые оценить возникающие в пародонте изменения как «вибропародонтальный синдром», т. е. симптокомплекс единого патогенетического механизма, присущего вибрационной болезни.

Рекомендованы лечебные мероприятия, включающие как ранее предложенные и не потерявшие актуальности в пародонтологии, так и новейшие, в том числе перспективные, для использования при лечении вибрационной болезни. Впервые четко сформулированы принципы организации лечебно-профилактической помощи лицам виброопасных профессий.

Особый интерес вызывает глава «Вибропародонтальный синдром», в которой представлены убедительные сведения о специфике патологического процесса в пародонте при вибрационной болезни. Авторы рассматривают изменения в тканях пародонта как локальное проявление системных ангиодистонических нарушений, присущих данному профзаболеванию.

Приведенные в монографии новейшие сведения по основным аспектам пародонтальных заболеваний с учетом их новизны и многогранности несомненно представляют интерес не только для стоматологов, но и для специалистов других областей медицины.

Монографию отличают актуальность проблемы, высокий теоретический и методический уровень, новизна представленных данных, что обуславливает ее ценность и значимость для науки и практики. Книга рассчитана на научных работников, врачей-стоматологов, профпатологов и специалистов различных областей медицины, связанных с вопросами профессиональных заболеваний.

*Директор ЦНИИС, заслуженный
деятель науки РФ, член-корреспондент
РАМН, профессор В.М. Безруков
2003 год*

Судьба подарила мне встречу с Родиной

Елизавета Никитична Родина – человек необыкновенной судьбы и светлой души. Она завораживает своей открытостью, и уже после первых минут встречи приходит чувство, что знаешь ее всю жизнь. Поэзия Родиной полна неожиданностей, почти детский восторг сменяется юношескими сомнениями и не простыми философско-жизненными вопросами. Вероятно, в этом и заключается сила ее стихов, где в центре вечные ценности: добро, милосердие, сострадание, любовь и дружба. А вот эти строки, мне кажется, о ней самой:

*Средь грубых трав, предельно чистый,
Прозрачно-тонкий, серебристый,
Стоит на хрупкой, тонкой ножке,
Мир украшая на дорожках,
Такой молоденький и нежный,
Сибирский желтенький подснежник.*

*В минуту горечи не предавайте друга.
Пусть наговоры не тревожат душу.
Не принимайте лживую услугу
«Доброжелателей», кого б не надо слушать.
Гордец, не разобравшись, не простил
И друга, как чужого потерял.
Он все, что было дорого, забыл.
Себя в одно мгновенье обокрал.
Теперь один ... А третий? Тот ушел.
Столкнул вас лбами, завистью горя,
Вонзил в вас недоверия укол.
Кого винить? Лишь самого себя.
Цените дружбы каждый час и миг,
Не позволяйте ваш союз нарушить.
Там цели достигает злой язык,
Где слушают всеверящие уши.*

Великая Отечественная война – это ее юность. Принято считать, что после войны человек становится другим: жесто-

ким, равнодушным к жизни и окружающим. С этим трудно не согласиться, война – действительно не только материальные убытки, но и моральный, нравственный ущерб. И потому удивительно, каким образом удалось выстоять юной Елизавете в страшные годы войны и сохранить доброту и отзывчивость к чужой судьбе. Но лучше ее самой об этом не скажешь.

*Мое поколение девочек простеньких
С тяжелой косою на хрупких плечах,
В брезентовых туфельках, платьицах пестреньких,
Холодных стезжонках, суконных платках.
Мое поколение девочек строгих,
Взваливших на плечи невзгоды войны,
Шагающих грязной военной дорогой,-
Опора в труднейшие дни для страны.
Мое поколение девочек мудрых,
Умеющих все понимать с полуслова,
Быть сильными, добрыми, если вам трудно,
Надежность и верность – их жизни основа.
Мое поколение лесть презирающих,
Удобство берущих, как дар незаслуженный,
Познавшие холод, нужду понимающих,
Всегда до предела делами загруженных.
Мое поколение – замужних без выбора,
Война погубила любимых парней,
Несут они кем-то подписанный приговор
На благо семьи, ради счастья детей.
Мое поколение идущих упрямо
Во имя великих народных идей,
Я помню вас, девочки, взрослые мамы, -
Примите сердечный поклон от людей.*

Все ее материальное богатство военного времени составляла черная суконная шаль, а моральную и нравственную поддержку оказывал эвакуированный студент – Юра Паганель. Паганель – это прозвище, был болен гнойным стоматитом и, может, отчасти поэтому сподвигнул провинциальную девочку поступать в медицинский институт.

Он одобрял увлечение Елизаветы поэзией, с удовольствием слушал ее произведения, но считал, что стихи на хлеб не намажешь. Тем не менее безвозмездно делился с ней продуктовыми карточками, уж больно худа и синюшна была юная поэтесса.

Это сейчас принято считать, что духовная жизнь детей, подростков, молодых людей подвергается воздействию со стороны таких факторов, как социальный: условия проживания, беспросветность настоящего и отсутствие надежды на будущее. Тогда, во времена Великой Отечественной, это не бралось в расчет, и стихи Елизаветы Родиной, даже самые грустные, полны призыва к жизнеутверждению и оптимизму.

*На даче люди бросили собаку,
Породистую, гордую, красивую,
Она не знала голода и драки.
Всегда была любимой и сильной.
Хозяин приготовил ей обед,
Потом вдвоем они гоняли мяч.
Не предвещал им новый вечер бед,
Ни горя, ни потерь и неудач.
А вечером бежали к остановке
Так беззаботно, наперегонки.
Собака проявила всю сноровку!
Вот поезд – приближались огоньки.
Когда хозяин прыгнул на подножку,
А перед ней спеша захлопнул двери,
Она бежала вслед лесной дорожкой
И не могла в беду свою поверить.
Потом упала. Стала размышлять
И вовсе не могла никак понять
Вины своей – она служила верно,
Он просто позабыл ее, наверно.
Она его так радостно встречала,
Носила сумки и лизала руки,
И с ним гулять ходила вечерами,
А по утрам в постель носила брюки.*

Нет! Он любил ее и понимал,
Бежать, конечно, надо на вокзал!
Неделю электрички провозжала,
Глаза потухли, так она устала.
Ее жалели люди, замечали,
Кто бросит мясо, кто швырнет объедки,
Детишки ей конфетки предлагали,
Она брала и их, но очень редко.
Стеснялась, ожидала, чтоб ушли
За поворот, потом брала с земли.
Хозяин, возвратившись, не простит,
Что у нее такой бродячий вид.
И уходила на крылечко дачи,
Но не могла решить своей задачи,
Пока хозяин новый не пришел
И спящую в углу ее нашел.
Вначале он, пожалуй, испугался,
Потом сердито, матерно ругался,
И взял ремень и больно хлестанул,
И в тощий бок ее ногою пнул.
И выгнал. Стала вдруг она бездомной,
Ненужной на земле такой огромной.
Она тихонько побрела дорогой
И вспомнила, какой же недотрогой
Была она. Никто ее не бил,
Но и никто, пожалуй, не любил.
Прошли кроссовки фирмы «Адидас», -
Как у хозяина. И полились из глаз
Горячие слезинки на траву.
Да как же это вышло? Почему?
Красивая, большая, как теленок
Среди других собак – она ребенок,
Ей если удавалось кость найти,
Тотчас же шавки были на пути.
Бока ввалились, падал тонкий волос.
И стал осиплым прежде звонкий голос.
А позже, перед самую зимой,

*Пришлось ей стать подружкой и женой.
Облезлая, измученная, злая,
Она боролась, как могла, спасая
Своих щенят беспомощных, голодных,
Лишь телом согревая их холодным.
Соски у ней обвисли до земли,
Пустые. Нет огня в ее крови.
Она зимой к машине подошла,
Я только корку хлеба ей нашла.
Иди сюда, согреешься в машине!
Она как будто бы стоит на mine.
Трясется мелко, дикие глаза.
Вдруг за сугроб в отчаянье метнулась,
Упала в снег горячая слеза.
Затем вернулась, боль в глазах и страх.
Больной и синий, был в ее зубах
Щенок. Его к машине принесла,
Потом ушла и больше не вернулась,
А корку – корку сыну отдала.
Решила, видимо, спасти потомство
Свое. На том и кончилось знакомство.
Лишь мать могла такое совершить.
Уж если жить – так для кого-то жить.*

Новоиспеченный врач с длинными косами и красным дипломом Иркутского стоматологического института впервые появилась в авиазаводской поликлинике в подружкиной юбке и в ее же туфлях. С тех самых пор она хранит верность своему учреждению – в трудовой книжке единственная запись о приеме на работу.

Здесь Елизавета Никитична нашла свою судьбу, защитила диссертацию на материале завода, продвинула несколько своих изобретений и рацпредложений, а методы ее исследований были использованы в работе ИАПО. И как итог – более сорока печатных научных работ вошли в фундаментальный научный труд «Вибропародонтальный синдром при вибрационной болезни», недавно опубликованный в Москве.

*Жизни не хватает мне,
Нет, не хватает.
Что же ты, сердце, совсем некстати.
Радости каждой, каждой беде
Сердце заплатит.
Хочется больше сделать успеть,
Больше узнать,
Больше помочь бы людям в беде,
Всех понимать.
Хочется внуков вырастить мне,
Правнуков тоже.
Мягких – в общении, сильных – в борьбе,
С тонкою кожей.
Вот бы прожить мне столько же лет,
Хоть половину.
Что же ты, сердце, нынче чуть свет,
Так беспричинно?*

Возглавляя поликлинику, кандидат медицинских наук Е.Н. Родина сумела опубликовать не только более сорока печатных научных работ, но и восемь сборников стихов. Лирика, басни, стихи о детях и для детей, «Тосты и поздравления для друзей», и даже «Пожалуйте в баньку», где сделан не только исторический экскурс в историю возникновения бани с рецептами, советами и рекомендациями, но и проведена чуть ли не исследовательская работа по городам и весям в поисках лучшей бани. А если серьезно, то Елизавета Никитична большой любитель, хороший знаток и ценитель бани.

*Все бани хороши – нет гегемонии,
Их сущность в чистоте, гармонии.
Весь мир как будто бы иной,
Когда выходишь из парной
Приходит к вам раскрепощенье,
И свежесть, и умиротворение.
Неважно, каково ее название,
Но лучше всех бревенчатая баня.*

Совсем недавно Елизавета Никитична получила сигнальный номер своего очередного оригинального сборника «Поэзия трав» – это о целительных свойствах трав, их использовании для профилактики и лечения различных заболеваний. Ранее большой успех имела очаровательная книжица «Ваш талисман» – о таинственном мире камней и их влиянии на здоровье и судьбу человека для каждого знака Зодиака. Сама автор по знаку Зодиака Телец, и вот что мы узнаем о ней.

*Тельцы мягки и не бывают грубы,
Интеллигентные сугубо.
И здоровым смыслом обладают,
Беспомощным и слабым помогают,
Честны, сильны они, настойчивы,
Практичны, веселы, устойчивы.*

В стихах непременно присутствует гармония с окружающей живой природой и соединение цельного православного мировоззрения с достижениями медицины. Добро для Елизаветы Никитичны – это сохранение жизни, содействие жизни, а страдание – это некий призыв, почти сторожевой крик, обращающий внимание на опасность.

*Маленькой Маринке
Третий год идет,
Но уснуть Марине
Сердце не дает.
Синие ручонки,
Пальчики раздулись,
Черные глазенки
Грустно улыбнулись.
В маленьком сердечке
«Тух, Бах, Тах»,
В маленьком сердечке
Все не так.
У Марины маленькой
Сердце с кулачок.
Как у самой старенькой,*

У нее порок.
Прыгнуть бы – не может,
И не побежит.
Ручки к сердцу сложит,
Сядет и сидит.
И считают близкие
День и год.
Час разлуки близок,
Сколько проживет?
А она, как взрослая,
Все молчит,
Слово к делу скажет
И сидит.
В операционной
Третий час
Над Маринкой сонной –
Пара глаз.
Дышит над палатой
Тишина.
Человек в халате
И она.
Губы прошептали:
«Дайте пить».
Капелькой связали
С жизнью нить.
Через месяц села,
Завтра побежит,
Яблочко поела.
Все спешит.
Прыгает, смеется,
Щечки словно розы,
Песнею зальется –
Исчезают слезы.
У Марины маленькой
Только так.
Ритм еще и слабенький,
Но – тук-так!

Раздумья о любви, о смысле жизни раскрывают в ней незаурядного человека. Ее лирику, написанную незатейливо, но чрезвычайно тонко, пронзительно, с большим чувством, наизусть знают не только друзья. Удивительнее всего, что ее стихи переписывают от руки девчонки. Казалось бы, велико расстояние между поколениями, но ведь что-то трогает юную душу ...

*Как хорошо, что выбирали Вы.
Меня не выбрали, а встретили другую.
Я шла, не поднимая головы.
Себе твердила: «Нет, я не ревную».
Она красивей, женственней и выше,
Я – неуклюжий маленький цыпленок.
Вы в танце говорили с нею тише,
Я любовалась вами, как ребенок.
Потом я плакала ночами неутешно,
А Вы не знали о моей тоске,
Искала встречи с вами безуспешно
И строила свой замок на песке.
Теперь вы рядом – милый и доступный,
Восторженный, влюбленный и безгрешный
Я вам кажусь скалою неприступной,
Слова и вздохи ваши безуспешны.
А я грущу о той любви далекой,
Красивой, светлой, чистой, незабытой.
Я вас любила нежно и глубоко.
Увы! Теперь душа для вас закрыта.*

Для искреннего открытого общения, для полнокровной человеческой жизни она имеет сердце, не запертое на замок. До сих пор, будучи а пенсии, кандидат медицинских наук скромно продолжает заведовать стоматологической поликлиникой и вести консультативный прием.

Работа для нее, скорее всего, это потребность в общении и постоянное стремление быть нужной людям, востребованной, как сегодня говорят.

*Не справляли моих юбилеев,
Не дарили подарков возами,
Я об этом ничуть не жалею.
Не хвалили с трибуны часами,
Не ласкали на каждом шагу,
Но считалась я просто поэтом,
Что писать я, конечно, могу.
Но я людям дарила мгновенья,
Много радостных, светлых минут,
Я стихами снимала сомненья,
Вдохновляя и душу, и труд.
Может, были стихи и бездарны
И не смогут с великим сравниться,
Люди были всегда благодарны,
И хотелось им мне поклониться.*

Застать Елизавету Никитичну дома практически невозможно, так как она возглавляет еще и совет ветеранов, и дачу любит содержать в порядке, сама водит машину. А недавно ее квартира превратилась в оранжерею – букеты цветов от друзей, приятелей и просто почитателей – это поздравления с присвоением высокого звания «Заслуженный врач Российской Федерации». В этот день губернатор Иркутской области торжественно вручил ей удостоверение и нагрудный знак.

Наталья Смирнова.

«Шмель и К», июль 2003 год

275 тысяч пациентов Елизаветы Родиной

В канун Дня медицинского работника заведующая стоматологическим отделением МСЧ ИАПО Елизавета Родина была удостоена высокого звания «Заслуженный врач Российской Федерации». Кандидат медицинских наук и заслуженный изобретатель СССР, автор уникальных технологий и соавтор научного труда, недавно изданного в Москве, – все это Елизавета Никитична.

– Позвольте от имени редакции и пациентов поздравить вас с заслуженным званием! Пожелать успехов в таком нужном деле, как ваше. А вы пробовали хотя бы примерно подсчитать, сколько больных за все это время работы вы лечили?

– Ой, нет, никогда не считала. Ну, давайте попытаемся: в день положено принять 20 пациентов, значит, в год – около 5000, а за 55 лет, которые я проработала в стоматологии – быть такого не может – 275 000! Впрочем, вполне возможно за столько-то лет ...

– **И все годы – в нашей поликлинике?**

– Да, после окончания с отличием стоматологического института (было раньше в Иркутске такое отдельное учебное заведение) сразу пришла в нашу больницу. Сначала просто врачом-хирургом, затем заведующей стоматологией, главврачом стоматологической поликлиники, а после реорганизации вновь стала заведующей отделением стоматологии.

– **Я не знаю того, кто не боялся бы садиться в кресло зубного врача. Как вам удается успокоить пациентов? Есть, наверное, свои рецепты?**

– А как же. Чаще лаской, добрыми словами, шутками ... С другими – наоборот, построже. К каждому свой подход – разные люди, разные характеры ...

– **А кто, по-вашему, сильнее боится зубы лечить – мужчины или женщины?**

– Однозначно – мужчины!

– **Ваш колоссальный опыт в лечении зубов бесспорен, потому и потому и обращаюсь к вам с вопросом: есть ли какие-то универсальные способы профилактики зубных болезней?**

– Не секрет, что в целом здоровье россиян за последние десятилетия изрядно ухудшилось. А значит, заниматься простой и достаточно эффективной профилактикой болезней не только можно, но и нужно! Вода и почвы в нашем регионе крайне бедны фтором, столь необходимым для здоровья зубов. В свое время мы даже предлагали продавать фторированную воду. И получили на это согласие, но ... власть сменилась, и в финан-

сировании проекта отказали. Советую пользоваться пастой с фтором и кальцием, есть пищу, богатую этими микроэлементами – тогда проблем с зубами наверняка станет меньше. Ну и не следует забывать о регулярной гигиене полости рта – самом простом и действенном методе профилактики. И к стоматологам нужно идти не тогда, когда уже болит, а заблаговременно. Что касается детей, они должны кушать твердую пищу – тогда зубки «тренируются». Почаще давайте ребенку морковку, яблочко, вместо мягкой булочки предпочтительней сухарик, вместо котлетки, которую жевать не надо – лучше мясо на косточке, чтобы погрыз, а также полезные овощи, свежая зелень, ну и так далее ... к тому же, в детских садах, и в школах мы ежегодно покрываем детям зубки фторлаком. А что касается зубной пасты (не считите за рекламу), в школах проводились долгосрочные акции, когда ребяташки пользовались только пастой blend-a-med – и результат был очень неплохой.

– **Ваша книга, разумеется, тоже посвящена стоматологии?**

– Мы написали ее в соавторстве с профессором Т.В. Никитиной. И называется она «Вибропародонтальный синдром при вибрационной болезни». Эта проблема интересовала нас давно. На нашем заводе очень многие страдают вибрационной болезнью. На первый взгляд, она никак не связана со стоматологией. Но на самом деле, при более подробном исследовании, мы выяснили, что работая с вибрирующим инструментом, человек обычно сильно сжимает зубы – отсюда и возникают серьезнейшие проблемы стоматологического характера. Некоторые мои пациенты после установления такого диагноза добивались даже дополнительной пенсии.

– **На днях страна отметила очередной раз День медицинского работника. Что бы вы хотели пожелать коллегам в связи с этим?**

– Медицина сегодня переживает не лучшие времена. Но пациенты, приходящие к нам на прием, ждут от нас помощи и облегчения своих страданий. А значит наш долг – оказать

им эту помощь. Желаю всем здоровья, долготерпения и оптимизма!

*Марина Лукинская.
«Иркутский авиастроитель», 20 июня 2003 года*

Ешь бруснику при подагре, ревматизме и пеллагре

Иркутский хирург-стоматолог Елизавета Родина уже полвека лечит пациентов при помощи скальпеля. А шесть лет назад выпустила первую «лечебную» книжку стихов. В ней она рассказывает, как избавляться от болезней при помощи минералов. Книга разошлась мгновенно. И Елизавета Никитична, без отрыва от хирургической практики, продолжала поэтические опыты по переложению медицинских знаний в стихи. Совсем недавно в продаже появились новые поэтические сборники Родиной. В одном из них она рассказывает о том, как лечиться травами, в другом – как избавиться от хвороб с помощью обыкновенных бань. Сейчас доктор готовит к изданию новую книгу – по винотерапии.

Елизавета Родина всегда была очень серьезным врачом. Уже 50 лет она занимается стоматологической практикой и только года три назад перестала делать сложнейшие операции. Еще в молодости защитила диссертацию, получила степень кандидата медицинских наук. Написала несколько серьезных научных монографий. Сейчас Елизавета Никитична – заслуженный врач России, заведует стоматологическим отделением медсанчасти авиазавода. И вдруг – медицинская поэзия.

– Я не претендую на лавры поэта, – смеется доктор. – Но считаю, что раз своими книжками могу доступнее объяснить людям пользу камней или грамотно подобранных вин – то и это достаточно серьезно. Ведь не только пилюли лечат. Перед тем, как выпустить каждую из своих книг, я лет пять изучаю вопрос, консультируюсь со специалистами, отдаю свои книжки на рецензию не литераторам, а профессиональным врачам, потому что людям нужно абсолютно достоверная, доходчиво изложенная информация.

Первую лечебно-поэтическую книжку Елизавета Родина создала почти случайно. Она ехала в поезде к больному отцу и очень переживала за него. Случайная попутчица сказала Родиной, что колечко, надетое на палец, мешает ей жить. Сразу при приезде к родне его надо подарить какой-нибудь родственнице, Рыбе или Водолею по знаку. А себе купить то, что подходит по Зодиаку. Выходило, что нужно купить изумруд или бриллиант. Про знаки Зодиака и камни-амулеты Елизавета Никитична слышала впервые. Да и перстенок было безумно жаль – сапфир все-таки.

– И все же я его тогда подарила, – говорит Елизавета Никитична. – И отец поправился! Я вернулась, рассказала на работе об этом случае. И ко дню рождения девчонки скинулись и преподнесли мне безумно дорогой презент – колечко с бриллиантом. Я его никогда не снимала. Может, оно и приносило мне удачу. Только во время похорон сына, летчика-испытателя, я его вдруг потеряла. Нашлось колечко уже потом, несколько дней спустя.

Столкнувшись с таинственными свойствами камней, Елизавета Родина начала их изучать с точки зрения медицины. Перерыла уйму литературы – и современной, и древней. Беседовала не только с врачами, но и с астрологами, астрономами, минералогами. Раньше в странах Востока лечение минералами было очень распространено, современная таблечная медицина лишь на время исключила его из обихода. Так появилась первая медицинская книжка в стихах – «Ваш талисман». Изданная в Москве тиражом всего три тысячи экземпляров книжка разошлась сразу. И Родина приступила к созданию новой – про травы.

Полезная книжка в стихах про травы вышла летом этого года. Тираж – 1500 экземпляров. Но сейчас у Елизаветы Никитичны осталась последняя книжка. Остальные частью распроданы, частью раздарены. Народ охотно приобретает инструкции о том, как лечиться лопухом, а как – черемшой. Каждому стихотворению даются вполне прозаические рецепты – что и в каких пропорциях смешивать.

– Конечно, это не медицинское пособие по применению трав. Но написано доступно, понятно и легко запоминается, – говорит Елизавета Родина. – Я несколько лет изучала свойства растений, в списке использованной литературы – 26 серьезных академических изданий. Когда написала книгу – отдала ее на экспертизу не кому-нибудь, а профессионалу, заведующей кафедрой фармакогнозии и ботаники ИГМУ, заслуженному деятелю науки профессору Галине Федосеевой. Она хорошо отозвалась о книге. И только тогда я решилась на издание.

Открываю книжку: «В сборнике «Поэзия трав» в стихотворной форме представлены сведения о дикорастущих и культивируемых лекарственных и полезных растениях Восточной Сибири, а именно: о биологически активных веществах этих растений, о том, какие части растений и в каком виде можно использовать в домашних условиях. Имеются данные и о препаратах заводского приготовления», – пишет в предисловии профессор Федосеева.

А в поэзии трав все в рифму:

*«Эффективно, в сжатые сроки
Снимет почечные отеки.
И поможет, несомненно,
При ожогах, ожирении.
При экземе, аритмии,
Склерозе, гипертонии».*

О чем это? О фасоли! Доктора – фитотерапевты согласны: все написанное – правда и вполне применимо на практике. А что в стихах – так почему бы и нет?

*«Ой, подружки, помогите
Мне с любимым справиться.
Вы Алешке подскажите –
Пусть со мной попарится».*

Вместо частушечного Алешки в эти строчки Елизаветы Родиной можно вставить любое мужское имя – и идти в баню. Тоненькая книжка «банных стихов» только что увидела свет и уже является раритетом. Потому что тираж маленький, а сама книжечка – не только полезная, но и веселая. Создавая ее, Елизавета Никитична подошла к процессу с поистине научной

основательностью. Она побывала во всех иркутских муниципальных банях, испробовала все парилки. И описала в книжке каждую отдельно. Чтоб народ знал, что выбирает.

– Я постаралась также описать все виды бань, – смеется Елизавета Никитична. – От японских офуро до восточных. Есть у меня в перечне даже колумбийские. В каждой стране, где бывала, непременно заходила в баньку, если случай помогал. А бывала я много где. Сама-то я большая любительница попариться, каждую пятницу непременно бываю в бане. У меня даже коллекция мыла есть, почти 200 разных кусков. Уже 30 лет собираю – из разных стран знакомые привозят, друзья. Так что про правильную парилочку мне грех было не написать.

В маленькой книжке Елизаветы Родиной «Пожалуйте в баньку» есть все, что нужно человеку, собирающемуся в помывочную – от полной экскурсии по всем видам бань до советов – как выбрать веник и оказать первую помощь в случае, скажем, простуды. Все весело, в рифму и с медицинским уклоном.

*«Положить горизонтально.
Ниже голову склонить,
Свежий воздух запустить,
Нашатырный спирт вдохнуть,
Холод положить на грудь».*

Угадали про что? Про обморок. Право, любопытно было бы почитать, что напишет Елизавета Родина про то, как лечиться вином.

*Ольга Липчинская
«Комсомольская правда», 12 января 2004 г.*

Это песни о нас

Удивительно теплым и светлым оказался этот очередной вечер «У белого рояля». Литературно-музыкальные встречи под таким названием постоянно проводит Областная библиотека имени Молчанова-Сибирского.

На этот раз главным героем читательского клуба стала врач, кандидат медицинских наук Елизавета Никитична Родина.

Правда, выступала она совсем не в медицинском амбулатории. Вот уже более полувека известный в Иркутске стоматолог в свободное от чужой зубной боли время пишет стихи. Композитора Михаила Лаписа познакомила с творчеством Родиной коллега Елизаветы Никитичны – просто предложила своему старому другу посмотреть очередной сборник поэтессы.

– Меня привлекли ее предельная искренность и душевность, – скажет потом композитор. – Нам не хватает этого в сегодняшней жизни! И я понял, почувствовал, что стихи хорошо лягут на музыку. Так родился (и достаточно быстро) цикл песен под названием «Сибирь».

Для автора стихов это стало приятной неожиданностью. И вот концерт. Стихи, которые читает сама поэтесса, сменяются песнями в исполнении вокалистов Николая Прошина и Галины Григорьевой. О том, что песни нашли дорогу к сердцам слушателей, свидетельствовал заполненный до отказа зал, не вместивший всех желающих. Об этом говорили аплодисменты и крики «Браво!». И, наконец, пронзительная сочувственная тишина при исполнении песни «Журавли» ...

*А журавли, курлыча, пролетают,
Один отстал и машет мне крылом,
Его друзья, наверно, понимают,
Что мой сынок приветствует свой дом.*

Стихи эти были написаны Родиной в трагические дни потери младшего сына Андрея, летчика-испытателя, ценой своей жизни спасшего город от падения самолета, а экипаж – от гибели.

Какая-то женщина в первом ряду, сдерживая слезы, тихо проговорила: «Это и про мою судьбу ...».

На концерте звучало и соло на контрабасе Михаила Лаписа, дуэт скрипки и контрабаса в исполнении супругов Лапис. И все-таки гвоздем программы стали песни, о которых слушатели, долго не желавшие расходиться, говорили: «Это песни о нас».

*Елена Булдакова
«Мои года», 16 февраля 2004 года*

Траектория большой жизни

Завсегдатаи вечерней гостиной при публичной библиотеке Иркутского научного центра с кем только ни встречались: представители чуть не всех отраслей науки, музыканты, архитекторы, литераторы, краеведы, альпинисты, барды, редакторы СМИ, девушки-хоккеистки ... все знающие свое дело и умеющие о нем рассказать – все разные, все особые, все яркие – к такому привыкли. Но вот последняя гостья: Елизавета Никитична Родина – разменявшая девятый десяток практикующий врач-стоматолог, кандидат медицинских наук, автор тринадцати научных и художественных книжек и – вот это главное! – чрезвычайно интересный человек, занимательный собеседник, привлекательная женщина.

Двухчасовой рассказ в стихах наизусть из своих сборников. И сборники – то какие! Кроме собственно сборников, там есть стихотворные монографии-учебники – подобного лично я не встречал. «Пожалуйста в баньку» – повествование в стихах об истории банного дела, о национальных особенностях и технологиях этого лечебного и оздоровительного мероприятия. «Ваш талисман» – инструкция в стихах: какие камни каким знакам зодиака соответствуют, каменные талисманы удачи, любви, счастливого детства. У Елизаветы Никитичны есть стихи прямо обо всем – о мужчинах и женщинах отдельно и вместе, о своей профессии («Нет, у врача несладкий хлеб ...»), о погоде и временах года, о лечебных растениях поштучно, о печали и радости, о сыне (летчик-испытатель, он гибелью своей спас других – его именем названа улица ...). В напряженной тишине звучали стихи о брошенной собаке – поэма печали, пронизанная болью за тихое предательство, спокойную жестокость – тема не новая, тема классическая, но как подана ... Стихи у Елизаветы Никитичны информативны до удивления, а прозой она говорила проникновенно, как стихами. Отец перед уходом на работу своим шестерым детям «раздавал наряды» на выполнение работ по хозяйству, где был полный комплект домашних животных – корова, поросята, куры, собака, кошка. Руками рвали сочную, деликатесную траву на калтусах, подсушивали на кочках,

потом транспортировали сено домой на телеге с «ручным приводом», наградой отличившимся в этот день было проехаться на душистой поклаже. Вечером с помощью багра вылавливали в Ангаре плывущие бревна ... Затем учеба, потом работа, «науку превративши в хлеб». Молодой врач со свеженьким дипломом совершила свой первый профессиональный подвиг: используя только что поступивший в больницу биомицин (по всем отделением бутылочки собрала), остановила метастазы на пороге легких у молодого пациента, который потом нормально дожил до старости. Впервые самостоятельно сев за руль «москвича», полученного по списку «передовиков производства» (кто постарше помнят распределение сверхдефицитов), вместе с двумя лошадиными подводами устроила транспортную пробку длиной во весь ангарский мост. «Венцом удачи стала собственная дача».

Посещая занятия литературного клуба «Парус» при заводской многотиражке, стала писать стихи, в 1993 году выпустила сборник «Стихи для друзей». Название в самую точку, но можно было добавить «и о друзьях». Вот названия стихов: «Пилот», «Стюардесса», «Заводской гудок», «Свидание с курсантом», «Защитникам Родины ... » Есть там цикл интересных адресных стихов и о коллегах-врачах: хирурге, логопеду, «Ода зубной боли» – сочувственная ирония над извечной всеобщей боязнью необходимости сесть в кресло возле ужасной бормашины, сверкающих крючочков, щипчиков. В 1998 году был выпущен упоминавшийся сборник стихов о драгоценных камнях, в 1998 году – сборник поэтических тостов и поздравлений (в 2004 году он был переиздан ВостСибкнигой в дополненном виде под названием «Поздравления, пожелания, тосты»). Следует подчеркнуть особенность стихов в перечисленных сборниках: они не только для души, они и методические пособия, инструкции для прямого использования – к примеру, есть даже тосты на разные случаи: поднимай бокал и произноси. А сборник «Только розы», изящный и карманного формата, как все книжечки – это уже избранные произведения, образцы лирики (далее – классификация моя) краеведческой, гражданской, профессиональной, христианской, критической, шутливой, моралистиче-

ской, городской, деревенской, материнской, бабушкинской. Вот несколько образчиков ее поэзии, коротеньких отрывков-цитат, которые не нуждаются в комментариях.

Полет в морозе – страшный труд.

Живут, пока летают,

А те, кто на колодцах ждут,

Тихонько умирают.

(«Воробышек»)

Городов молодых старший брат,

Ты опора самой России!

(«Усолье»)

Лишь мать могла такое совершить.

Уж если жить, так для кого-то жить.

(«Собака»)

Коль гордость женщина теряет,

Она, того не зная, – умирает.

В последний путь летел на самолете,

Мой испытатель, милый мальчик мой.

Как в том последнем роковом полете,

Тебя в цветах везли ко мне домой.

А я не верила, что ты погиб,

И город спас, и спас свой экипаж.

Тебе уменье, опыт помогли,

Все спасены, а ты один угас.

(«В последний путь»)

Мужчины деревни! Кругом посмотрите,

Не в водке, а в разуме ваше спасенье,

Вы хлебом страну и семью накормите,

просить с заграниц – мужику униженья!

Как странно, что это в Москве не поймут.

Подачки закончатся, знаем, когда-то.

Вот разум и руки Россию спасут.

Ведь вы же крестьяне.

Услышьте, ребята.

(«Деревня»)

И третья жизненная траектория – чисто женская, семейная – у Елизаветы Никитичны тоже наполненная. Любовь – одна. Первая встреча с суженым – не на совещании, не на танцах и даже не у зубного кресла, а в тайге, да еще и под самый новый год.

Да, конечно, «это все зовется просто жизнь», но жизнь у гостыи клуба, незаурядной женщины, получилась с очень большой буквы. И эта жизнь продолжается – жизнь не только для других, но и для себя.

*Александр Кошелев.
«Мои года», 19.12-26.12 2005 года*

Очерк о враче – выпускнице Иркутского государственного медицинского университета Елизавете Никитичне Родиной (к 80-летию)

Славен достойный подражанию жизненный путь Елизаветы Никитичны Родиной – вездущего лицевого хирурга, организатора, ученого, изобретателя, педагога, Отличника здравоохранения, Заслуженного врача РФ, поэта, автора 13 поэтических сборников, нескольких романсов, песен, гимна медицинского университета.

Родилась Е. Н. Родина (в девичестве Быкова) 5 мая 1924 года в городе Усолье-Сибирское в семье, с почтением и любовью относящейся к человеку, делу, труду, слову. «Уж если жить, то для кого-то жить», часто в ее доме пелась эта песня.

Окончив среднюю школу, она прошла курсы инспектора Госбанка, где и работала в 1942 и 1943 годах.

В 1943 году Е.Н. Родина поступает в Иркутский государственный стоматологический институт и блестяще завершает его в 1947-ом. Согласно государственной комиссии распределили ее врачом-стоматологом в поликлинику престижного машиностроительного завода (позже переименованного в Иркутский авиационный завод, а теперь ОАО НПК «Иркут»), где она будет работать всю свою трудовую жизнь. Начала она врачом-стоматологом и по совместительству ортопедом. Спустя 9 лет, в марте 1956 года, ей поручают организовать и воз-

главить стоматологическое отделение, а в 1979 (22 года после окончания вуза) открыть на его базе стоматологическую поликлинику, главным врачом которой стала Е.Н. Родина. Почти 60 лет Е.Н. Родина беспрерывно работает в МСЧ авиапредприятия – от распределения по настоящее время, при этом в должности руководителя 50 лет. Это говорит о верности профессии, делу, об уважении, доброте, любви к коллегам, оказанном ей доверии, что позволило вырасти и в полную меру раскрыться всем членам коллектива. Тому свидетельство – две трети врачей имеют высшую и первую квалификационную категории, как и средний медперсонал. Коллективу поликлиники, ею возглавляемому, было присвоено звание «Коллектива коммунистического труда», «Школа передового опыта» по Иркутской области. Ежегодно в разных регионах области Елизавета Никитична проводила областные, межрайонные и районные семинары по обмену опытом. В настоящее время Е.Н. Родина лечит уже четвертое и пятое поколения в поселке. Знает она не только состояние здоровья каждого сотрудника авиапредприятия, их детей, внуков, правнуков, но и их радости и беды. Как и ее родной завод «Все выше, выше и выше ...», так и она со своим коллективом трудится, чтобы своими делами, достижениями, самопознанием, самосовершенствованием подняться на такие высоты самореализации своих способностей, которые далеко не многим дались. Она, как семя, выросшее на благодатной почве, дала урожай в тридцать, шестьдесят и сто крат.

Научно-исследовательской работой она занялась в годы учебы в стоматологическом институте. В годы студенчества Е.Н. Родина показала свою незаурядность. Она училась только на «отлично» и была сталинской стипендиаткой, была беспрерывным старостой и секретарем ВЛКСМ курса.

С третьего курса и до окончания вуза являлась членом двух студенческих научных кружков: на кафедрах госпитальной терапии у профессора М.П. Михайлова и челюстно-лицевой хирургии – доцента (позже профессора) В.И. Высоцкой.

Под руководством Михаила Павловича Михайлова выполняла научную работу «Фитонциды при лечении заболевания

легких». Кроме того, выезжала в составе им организованных летних экспедиций для изучения влияния целебных свойств грязей курорта «Усолъе» при патологии суставов.

На кафедре же челюстно-лицевой хирургии Вероника Ивановна Высоцкая побудила Елизавету Никитичну к изучению очень сложной научно-практической проблемы «Актиномикоз». Тема, предвосхитившая события в ее последующей врачебной практике.

С третьего курса она начала активную хирургическую практику. В.И. Высоцкая, увидев высокую мотивацию и способности Елизаветы Никитичны, привлекала ее ассистировать во время операций.

Профессор М.П. Михайлов отмечал у Елизаветы Никитичны высокую творческую потенцию, трудолюбие, дисциплину, знания изучаемого предмета, ее мягкость, открытость, жизнерадостность. Особенности ее характера и даровитость покорили М.П. Михайлова. Он и его супруга относились к ней как к дочери. Они оказывали Лизе отеческую родительскую опеку. Не раз она бывала у них в доме.

Неуемность характера, желание все знать и уметь, созидать, сострадание к больному, но особенно личный пример хирурга В.И. Высоцкой, великолепно владеющей отточенной филигранной техникой выполняемых пластических операций, окончательно определили выбор ее профессионального пути. Она приняла решение стать челюстно-лицевым хирургом. За годы учебы в институте она ассистировала в 82 операциях! Можно по добродушию позавидовать, но за этим просматривается большая целеустремленность и труд, готовность к самопожертвованию и полному раскрытию своих способностей.

Наряду с отличной учебой в институте, хирургической и научной деятельностью Елизавета Никитична активно занималась в студенческой художественной самодеятельности. Неистощимый идеями комсорг, заводила и вдохновитель разного направления художественного творчества: хора, драмкружка и литературных концертов, которые стоматологический институт проводил совместно с военным училищем. Она сама писала программы концертов, сочиняла юморески,

сценарии, стихи и их декламировала. В годы учебы в институте стоматологическом она поступила и училась еще и на филологическом факультете ИРГОСУНа, Марк Сергеев был на курс младше. Там они вместе посещали студенческий литературный кружок. Профессор-филолог отметил высокую поэтическую одаренность Лизы Родиной, выделял ее талант и предвещал незаурядное будущее в поэзии. Получить второе высшее образование не дали, решили: не положено. Марк Сергеев стал известным, любимым и почитаемым прозаиком, декабристоведом, поэтом, Лиза Родина – лицевым хирургом, ученым, поэтом. Все годы своей жизни с почтением относился Марк Сергеев к поэзии собрата Е. Родиной.

Кончилась Великая Отечественная война, в институт пришел фронтовик – лицевой хирург доцент Константин Константинович Алкалаев, который был назначен ректором стоматологического института. Несколько позже, объединив его с Восточно-Сибирским медицинским институтом, он станет ректором Иркутского государственного медицинского института (ИГМИ – ныне университет) и заведующим кафедрой лицевой хирургии. Он был одаренным организатором. В.И. Высоцкая из медицинского института ушла в НИИ травматологии и ортопедии, заведующим кафедрой стал К.К. Алкалаев. На кафедре у него работал удивительный, талантливый лицевой хирург Татьяна Алексеевна Петрова. Она была интеллигентнейшим человеком, с самозабвением отдававшим любимому делу хирургии и больным всю свою жизнь. Так и не создала семьи, осталась одинокой. Под ее непосредственным руководством и профессора К.К. Алкалаева после окончания вуза Е.Н. Родина прошла 5-месячную первичную специализацию по челюстно-лицевой хирургии. До последнего дня одинокой жизни Т.А. Петровой Елизавета Никитична со своей семьей не покидала своего учителя, наставника, относилась к ней, как к матери. Чувство благодарности, личной ответственности за все происходящее – черты Е.Н. Родиной.

Первый самостоятельный опыт челюстно-лицевого хирурга она приобрела в alma mater. Однако, как сама оценивает Елизавета Никитична, стала она лицевым хирургом в 1952 году

после 5 лет самостоятельной работы и второго пятимесячного курса усовершенствования в Сталинском (Новокузнецком) ГИДУВе, где выполнила сама 80 операций. Стажера в ГИДУВе заставили принять больного, проработать литературу по выявленной патологии, технике предстоящей операции, топографической анатомии, предоставить больного на разбор врачебной конференции, защитить план и тактику лечения, самому оперировать, выхаживать.

Однажды наш недавний выпускник Иркутского государственного медицинского университета, неоднократно воевавший в Чеченской республике, при встрече сказал, что выпускники сибирских вузов отличаются от выпускников других вузов тем, что способны принимать в экстремальных условиях неординарные решения, позволяющие справляться с угрожающей ситуацией. И привел тому ряд серьезных доводов. Действия врача Е.Н. Родиной в начале шестидесятых годов, на стыке и до начала эры антибиотиков, тоже тому подтверждение. Незаурядность, отмеченную учителями, еще не раз подтвердит она своей жизнью. Оба случая излечения актиномикоза ею были опубликованы в центральном журнале «Стоматология». Больной К. дожил до 80 лет, подарком ему была плодотворная жизнь, продолжительностью после случившегося почти в 50 лет. Больной оценил подвиг врача Е.Н. Родиной. До конца своих дней два раза в год неизменно на 8 марта и день рождения ей он дарил огромный букет роз.

Будучи же в Москве, он информацию о своем чудесном исцелении донес до Министерства здравоохранения Российской Федерации. Е.Н. Родиной – врачу, выпускнице ИГМУ в возрасте 28 лет была вручена Почетная грамота Министерства здравоохранения. Кроме того, Всесоюзному Московскому государственному НИИ микробиологии было дано задание изучить опыт врача Е. Родиной. Профессор Сутеев пригласил ее в аспирантуру для углубленного изучения проблемы актиномикоза. В ее жизни дважды уже были приглашения работать в институте и заниматься научной деятельностью. Скромность, отсутствие гордыни, желание быть полезным конкретному больному и страдающему народу – она в какой уже раз отка-

зывается от лестного престижного предложения. Как и передовые земские врачи в конце 19 и начале 20 веков шли в народ и отказывались от почестей и славы, так поступила выпускница ИГМУ Елизавета Никитична Родина.

Позже профессор Сутеев создаст препарат актинолизат из актиномицета для лечения больных актиномикозом.

Своими учителями она называет профессоров М.П. Михайлова, В.И. Высоцкую, К.К. Алкалаева, доцента Т.А. Петрову, академика РАН К.Р. Седова, принципом жизни которых был девиз «Сгорая сам, свети другим». Это были талантливые, неординарные личности.

С ненасытной жадностью в течение всей жизни Елизавета Никитична упорно учится, совершенствует свои профессиональные навыки. За свою почти 60-летнюю трудовую вахту обучалась не только в сибирских вузах: ИГМУ (1948 – по челюстно-лицевой хирургии, 1987 – терапевтической стоматологии); Иркутском ГИДУВе (1995 – заболевание твердых тканей зуба, 1999 – кариес и его осложнения, 2001 – неотложная стоматология, 2003 – фитотерапия); Новокузнецком ГИДУВе (1952 – челюстно-лицевой хирургии), но неоднократно в ведущих клиниках центральных вузов; Москвы – Центральный стоматологический институт (1966 – челюстно-лицевой хирургии у профессора Дмитриевой), ЦОЛИУ (1979 – по стоматологии и 1980 – по пародонтозу), Ленинграда (1971 – челюстно-лицевой хирургии и восстановительной хирургии у профессора Лемберга) и Киева.

Не безразлична ей была и чужая судьба, страдание больного поражало до физической боли ее душу, ее сердце. Уже спустя 10 лет после вуза она пришла сама к научной работе как к объективной необходимости. Ее не могли не волновать проблемы кариеса, пародонта, вибрации, которые массово поражали рабочих и членов их семей курируемого ею предприятия. Она взялась на изучение этих проблем. И первое, что она установила, что занимаются уже тушением возникшего и «похлающего пожара». Изменить же ситуацию на опережение этих заболеваний нет условий, т.к. нет нормативов по стране стоматологической службе, а следовательно, и принципов ор-

ганизации профилактической и реабилитационной направленности. Решение проблемы одного больного, уже пораженного патологическим процессом, не могло удовлетворить пытливого разумного врача, которым являлась Е. Родина. Отстояв за операционным столом, решая многочисленные проблемы и задачи, стоящие не только в поликлинике, а во всем Ленинском районе, городе, области, как депутат комитета и ряда областных комиссий, она приходила домой, и для нее, матери двоих детей, начиналась вторая вахта – за письменным столом. Елизавета Никитична занялась самостоятельно, без руководителя изучением распространенности, структуры, причин, факторов риска кариеса, пародонтита и другой патологии у населения Ленинского района г. Иркутска в разных возрастных группах, особенно у детей дошкольного, начального школьного и подросткового возраста. Впервые в нашей стране в 60-е годы на основе ею проведенных эпидемиологических исследований были даны расчеты потребности на 10000 человек населения в стоматологической помощи, штатные нормативы врачей (хирургов, терапевтов-стоматологов). Нормативы по штатам в стоматологии были рассмотрены из расчета численности детского населения, беременных, взрослых, в т.ч. рабочих с учетом профессиональной вредности. Первый вариант диссертации Е.Н. Родина представила на соискание кандидатской степени в Московский стоматологический институт (в 1971 г.) «распространенность стоматологических заболеваний у детей». Успешно прошла предзащиту. Но затем полтора года молчания. Как позже станет известно, ее материал институт представил как свою разработку в Министерство здравоохранения, и он стал основой выхода приказа по штатным нормативам стоматологов в Российской Федерации. Не мог институт сказать Министерству, что это разработка одиночки-врача из глубинки Сибири. По ее нормативам и теперь работает вся страна. За проведенную работу директор института поблагодарил Е.Н. Родину и предложил продолжить работу по вибрационной болезни. О результатах этой научной работы он знал, т. к. ею уже был сделан доклад на одной из Всесоюзных конференций. Предлагалось его представить в стоматологический

институт на защиту докторской диссертации, так высоко были оценены исследования по вибропародонтальному синдрому. Случившееся не сломило Елизавету Никитичну, сложившиеся обстоятельства она приняла как должное и продолжила научные исследования уже по вибрационной болезни.

На Иркутском авиазаводе у клепальщиков в 2 раза чаще диагностировалась вибрационная болезнь. Ее наблюдательный пытливый ум обратил внимание на необычное состояние пародонта и костных тканей, не укладывающееся в известные процессы и не описанное в литературе как отечественной, так и зарубежной. Так как эти процессы выявлялись у лиц, связанных с вибрацией, она решила проверить свое предположение. Для этого осваивает методы капилляроскопии, микрофотокапилляроскопии, реографии, радиоизотопной индикации, измерения вибрационной чувствительности пародонта и ногтевого ложа, морфологические и другие. Разрабатывает сама необходимые приборы, устройства. Всем этим она овладела в совершенстве. Тому подтверждение очередное приглашение на работу в столичный институт НИИ хирургии им. А. Вишневого для развертывания лаборатории по изучению микроциркуляторного кровообращения у больных с сосудистыми заболеваниями. Она помогла внедрить методику в данном институте, а работать продолжила в своей поликлинике.

Мировым приоритетом второй научной работы Е.Н. Родиной явилось освещение вопросов влияния производственной вибрации на ткани и органы полости рта. Обнаружены специфические функциональные и чисто структурные изменения в микроциркуляторном русле пародонта у лиц, работающих с инструментами, генерирующими вибрацию. Было установлено, что периферический ангиодистонический процесс в пародонте при вибрационной болезни является наиболее ранним признаком, развивающимся у больных с системными ангиопатиями. Это позволяет на ранней стадии диагностировать сложную патологию – вибрационную болезнь и принять действенные меры профилактики. Впервые в мире ею эти патологические изменения были названы термином – вибропародонтальный синдром. И вновь повторение, работа центральным стома-

тологическим институтом принята к защите, но на протяжении 8 лет автор ее не был приглашен на защиту. Счастливый случай: однажды академик С.К. Седов услышал доклад Е.Н. Родиной на одной из областных конференций г. Иркутска, заинтересовался результатами работы и самим автором. При беседе выяснилась вся сложившаяся ситуация, академик взял на себя руководство работой. Диссертация блестяще защищается в 1980 году. В 2003 году вышла в Москве в издательстве «Медицина» монография Т.В. Никитиной-Ивановой и Е.Н. Родиной «Вибропародонтальный синдром». В предисловии к монографии директор ЦНИИС, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАМН, профессор В.М. Безруков пишет, что «книга ... представляет собой единственную в отечественной и, по имеющимся данным, зарубежной литературе монографию, которая вносит существенный вклад в стоматологическую науку. ... Монографию отличают ... высокий теоретический и методический уровень, новизна представленных данных, что обуславливает ее ценность и значимость для науки и практики».

Елизавета Никитична делала это во имя рабочего человека, а не только ради званий и науки. Поэтому главным для нее было предотвратить процесс. Она вносит в график разбивки рабочего времени у работника, пользующегося виброинструментом, переход на иной вид деятельности. По ее предложению открывают гигиенические комнаты, где практически на рабочем месте проводят гидромассаж, вакуумный массаж, грязевые аппликации, тепловые процедуры. Конструирует совместно с инженерами завода аппаратуру, регистрирующую шум и вибрацию для мониторинга на рабочем месте.

Параллельно она методично продолжала все эти годы свои первые научные эпидемиологические исследования, которые когда-то представляла на защиту, обобщив тогда распространенность стоматологической патологии за 20 лет. Перспективные исследования она вела на протяжении 50 лет, она изучала распространенность у детей кариеса, пародонтита и других заболеваний. Это уникальный подвиг – труд, который Елизавета Никитична представила главному стоматологу об-

ласти. Работа имеет большую научную и практическую ценность. Будем ожидать выхода второй монографии по эпидемиологии стоматологической патологии у детей.

Этот научный анализ распространенности стоматологической патологии дал Е.Н. Родиной возможность провести профессионально реорганизацию стоматологической службы. Начинала она работать врачом-стоматологом в 1947 г. с создания стоматологической помощи, с нуля, их было 2 врача-стоматолога на 32 тысячи населения с 2 бормашинами. Теперь ею созданная стоматологическая служба представлена стоматологической поликлиникой, в которой трудится 30 врачей. Организована цеховая служба: 7 цеховых участков стоматологических на территории завода, сеть стоматологических постов: в каждой школе, детском саду, ПТУ. Кроме того, в женской консультации организован стоматологический кабинет, где беременная женщина осматривается, берется на диспансерный учет, активно оздоравливается, как затем и ее ребенок в первый год жизни. Цель одна – совершенствование качества оказываемой стоматологической помощи населению.

Данная организационная работа позволила Е.Н. Родиной и ее славному коллективу провести сплошные профилактические осмотры в дошкольных учреждениях, школах, во время оздоровительных мероприятий – в пионерских лагерях, на дачах, в здравпунктах предприятия, женских консультациях. Проводилась профилактика кариеса с реминерализующей терапией покрытием фтористым лаком и др.

В результате такой многоэтапной работы в 90-е – начале 2000 годов отношение удаленных зубов к вылеченным увеличилось с 1 удаленного зуба на 4.7 запломбированных. Процент санированных от первично принятых возрос с 45 % до 79 %. Произошло снижение заболеваемости по больничным листам на 15.5 %. уменьшилось количество осложненных форм кариеса с 1:16 у детей и 1:8 – у взрослых, а количество удаленных зубов к запломбированным сократилось в 65 раз у детей и в 8 – у взрослых. В целом нуждаемость в стоматологической помощи равнялась почти 80 %, а теперь 48-50 %. А процент санированных от нуждающихся после профосмотров

увеличился с 60-70 % до 90 %. Была ликвидирована очередь на протезирование. На протяжении не одного десятилетия коллегтив, вверенный Е.Н. Родиной, занимал 1 место среди других стоматологических подразделений города и области. К сожалению, последние 10 лет такая работа в городе и области не ведется.

На сегодняшний день, трудный и сложный, стоматологическое отделение МУЗ авиазавода, руководимое Е.Н. Родиной, оказывает все виды современной стоматологической помощи бесплатно. Исключением явилось удаление зубов под наркозом, пломбирование зубов светоотверждающим материалом, лечение заболевания слизистых, пародонта и протезирование, при этом в 5-10 раз цены ниже коммерческой стоимости. Это дается только богоданному врачу, любящему, сочувствующему, понимающему сложность жизни рядового члена общества. Как ей удастся сделать доступной стоматологическую помощь в настоящее время? «Имеющий глаза видеть – да увидит, имеющий уши слышать – да услышит ... »

Как-то Н.М. Амосов при встрече сказал: «Если кто может изменить ситуацию, так это энтузиаст на своем месте». Таковым примером является жизнь-подвиг кардиохирурга, действительного члена академии РФ Н.М. Амосова и лицевого хирурга Е.Н. Родиной. Оба они великие труженики одержимые, энтузиасты, оптимисты, созидатели, свет среди тьмы. Они яркий пример для настоящего и будущего поколений. Неустанный поиск, желание помочь, использовать любой шанс во благо больного, доброта и любовь к ближнему, открытость, простота, скромность, доступность – их главная созидательная сила и опора.

Елизавета Никитична – изобретатель. Имеет 2 патента на изобретения, 15 – рационализаторский предложений и 20 – НОТ. Ею опубликованы около 50 научных работ, монография, а ведь она не сотрудник какого-либо института – практический врач, хирург, организатор, деятель науки. Как диктует необходимость, жила в буднях практики врача с переполненными, перегруженными и зачастую неординарными сложными делами. Она избиралась делегатом на три Всесоюзных съезда

стоматологов, съезд изобретателей РФ, активный участник Всесоюзных конференций, симпозиумов, зональных и межобластных конференций. Всего этого она достигла, оставаясь практическим врачом и организатором здравоохранения.

Елизавета Никитична необыкновенный, неординарный, талантливый человек. Она автор 13 поэтических сборников: «Ваш талисман», «Поэзия трав», «Пожалуйста в баньку», «Деревня», «Стихи детям», «Последний романс» и др., на ее стихи написана музыка. Проходят теплые камерные творческие концерты, где исполняются ее песни, романсы, читаются автором стихи. Их участники композитор, солист-контрабасист Михаил Лапис, пианист Н. Барковская, солисты Галина Григорьева, Николай Прошин. Как миг духовного праздника проходят они. До глубины души растроганный слушатели не хотят расставаться и ждут новых встреч.

О высоком мужестве Елизаветы Никитичны и созвучном гражданском долге ее детей говорит и ею пережитая трагедия – гибель сына младшего, Андрея, испытателя-вертолетчика, который, спасая город, отдал жизнь, дотянув машину до безопасного района. А она продолжает шагать, работать, творить прекрасное.

Свой богатый опыт работы врача-стоматолога Е.Н. Родина активно и щедро передает молодежи. Она на протяжении 40 лет читала лекции, вела занятия по хирургической стоматологии в железнодорожном медицинском училище на курсе зубных врачей и ИГМУ, являлась многие годы руководителем врачей-интернов. Подготовила 10 врачей хирургов-стоматологов по лицевой хирургии.

Как в студенческие, так и во все последующие годы напряженного труда ведущего врача челюстно-лицевого хирурга, главного врача, ученого, педагога Елизавета Никитична очень активно занималась общественной деятельностью. Она создала и несколько десятков лет являлась председателем общества стоматологов Ленинского района, была членом областного правления. С 1962 года на протяжении 20 лет была депутатом Ленинского районного исполкома, затем городского Совета, заместителем председателя комиссии здравоохра-

нения Иркутского городского Совета, была членом партконтроля горкома КПСС, членом культурно-массовой комиссии обкома, председателем общества «Знание», членом редколлегии многотиражной газеты авиазавода «Сталинец», председателем городского совета наставников. В настоящее время она председатель общества ветеранов труда, член областной аттестационной квалификационной комиссии стоматологов, член литературного клуба «Парус». Почетный член областного общества стоматологов.

Елизавета Никитична Родина за добросовестный труд, высокие показатели по профилактической и лечебной стоматологической помощи награждена орденом «Знак Почета», значком «Отличнику здравоохранения», почетным званием «Заслуженный врач РФ», медалями «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», «Ветеран труда», дважды знаками «Победитель социалистического соревнования», многократно награждалась почетными грамотами, благодарностями областного, районного комитетов, администрации завода и МСЧ. Не только за трудовые успехи, а за организацию художественной самодеятельности, за работу в газете «Сталинец», за пропаганду знаний и так далее Е.Н. Родина занесена в «Книгу Почета» МСЧ авиазавода. Главный стоматолог области назвал Е.Н. Родину матерью стоматологической службы. «Сколь много, – он подчеркнул, – сделано Елизаветой Никитичной для страны и Восточной Сибири. Богата наша Русь такими самородками, которые, как маяки в разных отраслях Отчизны ведут нас к истине, правде, любви и мудрости».

Д.С. Самойлович, основоположник отечественной медицины, в 18 веке изложил достоинства врача для выпускников госпитальных Российских школ. Он пишет: «Чтоб стать врачом, надо быть безупречным человеком. Иметь тонкий и просвещенный ум. Обширные знания всех наук, глубокое знание своего искусства ... Ничего не должно быть грубого ... Нрава ему надлежит быть исключительно кроткого, а главное – ему следует усвоить любезность и вежливость, искреннюю и простую, которые должны господствовать во всяком хорошем обществе и быть главной ее привлекательностью». Все эти качества от

природы даны Е.Н. Родиной, и все испытания, которые выпали на ее долю, упрочили их. Она является достойным примером для подражания для молодого поколения врачей, выпускников ее alma mater. Свою любовь к родному вузу она выразила в сочиненном ею гимне, на слова которого композитор Михаил Лапис написал музыку. Гимн опубликован в нашем вузовском «Сибирском медицинском журнале» в 2000 году, 8 номере.

Елизавета Никитична книголюб, любит природу, работу на даче, славная гостеприимная хозяйка, кулинар. Круг общения ее очень велик и многообразен: коллеги, ученые, писатели, поэты, актеры, музыканты, композиторы, художники, журналисты. Ее домашний очаг наполнен миром, взаимоуважением, сердечной теплотой, комфортностью. Она имеет трех славных внуков, уже ответственных, дисциплинированных, а главное тружеников, отличников в учебе.

Ректорат ИГМК, редколлегия «Сибирского медицинского журнала», члены клуба «Парус», общественность города Иркутска, почитатели Вашей поэзии, дети, внуки, любимый муж поздравляют Вас, Елизавета Никитична, с юбилеем. Желают здоровья, творческих и трудовых успехов, материнского и личного счастья, гармонии во всем. Оставайтесь и радуйте нас на трудовом Вашем посту.

*Профессор Т.П. Сизых
«Сибирский медицинский журнал»,
февраль-март 2005 года*

Ее энергия неиссякаема

Не так давно нам посчастливилось познакомиться с удивительной женщиной, которая умеет дарить радость людям. Это Елизавета Никитична Родина, председатель Иркутского Совета ветеранов здравоохранения, заслуженный врач РФ, ветеран труда, кандидат медицинских наук и к тому же ... поэтесса!

Елизавета Никитична отдохала в санатории-профилактории «Улан», но и на отдыхе не смогла быть без дела. она познакомилась в деятельностью нашего совета ветеранов и дала кон-

сультации по многим вопросам. А насколько замечательны были ее поэтические вечера! Первый прошел в санатории, а второй состоялся в Центральной библиотеке. Ее удивительные – легкие певучие, добрые – стихотворения мы слушали с замиранием сердца. Все они были приняты восторженно, и каждое заслуживало отдельных аплодисментов.

Мы очень рады столь приятному знакомству с этой милой и талантливой женщиной. Хочется от души пожелать ей здоровья на долгие годы и неиссякаемой энергии в творчестве, а также выражаем надежду на продолжение завязавшихся дружеских отношений.

*Н.И. Сапунова,
председатель совета ветеранов
медработников*

Об одной книге

Имя Елизаветы Никитичны Родиной – врача-стоматолога с огромным стажем, кандидата медицинских наук, заслуженного врача РФ, автора более чем 45 научных печатных работ, представлять не нужно. Она, уроженка г. Усолье-Сибирское, многие годы живет и работает в г. Иркутске. Наряду с профессиональным служением в должности стоматолога она автор многочисленных сборников стихов. Приятно, что эти стихи имеют широкую палитру тем и красок. Это лирические, детские и даже, не побоюсь этого слова, пропагандистские стихи.

Впервые мне довелось познакомиться с ее творчеством после прочтения сборника «Поэзия трав». Стихи увлекли меня удивительным знанием вопроса их целительного действия и гармонией слога. Фактически сборник стихов можно смело включать в программу обучения студентов любого медицинского учебного заведения. Немного позднее мне посчастливилось прочесть и другие стихотворные сборники автора, которые широко издавались в Москве и Иркутске: «Ваш талисман» (1997), «Только розы» (2001), «Пожалуйте в баньку» (2002), «Басни» (2005), «Избранное» (2006), «Избранные поэмы» (2007) и другие. Эти стихи заставили меня задуматься о том, что та-

лантливые люди талантливы во всем. Им мало только хорошо лечить, можно при этом еще и хорошо учить, блистать писательским талантом, быть душевным и теплым человеком.

Особенно мне хочется сказать об одном из последних творений автора – книге «Это радость или боль? Что такое алкоголь?». Это издание – кладезь фактов и примеров о вреде алкоголя для здоровья человека. Если «Поэзия трав» – это учебник по фармакогнозии и ботанике, то книга об алкоголе – руководство наркологии самого высокого уровня.

Как в любом учебнике, в книге Е.Н. Родиной есть главы и подглавы. Приведу их перечень: «Что такое алкоголь?», «Вино», «Пиво», «Животные и алкоголь», «Алкоголь и здоровье», «Побереги себя», «Религии мира и алкоголь», «Обычаи и обряды», «Великие мира сего». Например, в главе «Алкоголь и здоровье» в стихотворной форме рассматриваются самые нужные знания о влиянии алкоголя на здоровье: типы пьянства, внешний вид алкоголика, влияние на плод, фазы опьянения, делирия и т.д. Смело можно брать строфы профессионального врачебного языка для цитат, эпитафов руководства по алкоголизму. Очень насыщена метафорами и живописна глава «Побереги себя». В ней автор по-доброму, по-матерински дает советы пьющим, чтобы они не стали алкоголиками, рассказывает, как предупредить тяжелое похмелье, предлагает методику аутогенной тренировки от алкогольного пристрастия и т. д. Любопытна глава «Великие мира сего» в ней можно прочесть поучительные истории про А. Македонского, Лукулла, Петра Великого, Омара Хайама и даже про Гиппократ, который ввсю в древности лечил алкоголем.

Мне хочется поздравить автора с замечательной книгой, а читателей с возможностью прикоснуться к полезной и душевной работе автора. Доброго Вам здоровья, Елизавета Никитична!

*А. Калягин,
доцент ГОУ ВПО ИГМУ Росздрава
«Медик», декабрь 2009 год*

Свершилось!

Свершилось. Книга, главы из которой писались едва ли не в течение всей трудовой жизни и не раз публиковались в газетах, вышла в издательстве ООО «Типография «Иркут». В замечательном полиграфическом исполнении читатели увидели рассказы «35 встреч. Записки врача» Елизаветы Никитичны Родиной, замечательного человека и врача, чей трудовой стаж намного превышает полвека. Жизненные заметки о пережитом, затронувшем душу и сердце, – о человеческом благородстве и врачебном долге, о сосуществующем рядом человеческом скудоумии, бесчестии и подлости.

Редактор книги Ливия Петровна Каминская предпослала рассказам обращение к читателю «От редактора»:

«Сегодня едва ли не хорошим тоном считается ругать отечественную медицину. И, наверное, многое в ней, в самом деле, заслуживает критики – и грубость медперсонала, и равнодушие к пациентам, и рвачество, и недобросовестность врачей. Но любое дело движается людьми. А они, как известно, разные. И на другую чашу весов, если вдуматься, ляжет не меньше фактов самоотверженного служения своему врачебному долгу, творческого отношения к делу спасения больных, а то и подвига во имя здоровья людей.

Автор этих документальных записок – врач-стоматолог Елизавета Родина, кандидат медицинских наук, Заслуженный врач России – относится в тому поколению врачей, для которых клятва Гиппократа и принцип «Не навреди» и бейся за жизнь и здоровье пациента до последнего, всегда были не просто профессиональным правилом, но человеческим долгом.

60 лет простояла Елизавета Никитична у стоматологического кресла. И тот, кто думает, что стоматолог лишь лечит зубы, далеко не самый главный орган в человеческом организме, ошибается. Наш автор спасала жизни пациентов, делая серьезные челюстно-лицевые операции, излечивая опасные для жизни болезни, и вела серьезную научную работу по профилактике профессиональных заболеваний.

И тем не менее эти записки – не научный труд, не учебник по стоматологии, не пособие по передаче профессионального опыта, хотя коллеги найдут здесь для себя немало полезного. Это раздумья, прежде всего, человека – о нравственной ответственности врача перед людьми, перед своей профессией, перед жизнью. В этой жизни, как всегда, трагическое и комическое, серьезное и смешное ходят рядом. Автор – наблюдательный человек, умеющий сострадать и сочувствовать людям, видеть их достоинства и слабости, к тому же с хорошим чувством юмора. Все это делает заметки привлекательными не только с точки зрения знакомства с медицинской «кухней», но главное – благодаря метким наблюдениям автора за областью человеческих отношений.

Кстати, Елизавета Родина в литературе не новичок. Она выпустила 16 поэтических сборников, 2 научные монографии и более 50 научных статей.

В этой книге Родина впервые предстает перед читателем как прозаик.

«Медик», сентябрь 2010 год

Сестра таланта

Рассказывать о таком известном человеке, как Елизавета Никитична Родина, легко и в то же время невероятно трудно. Ее многие знают в городе: медики, литераторы и тысячи бывших пациентов. Как за насыщенной «объемистыми» фактами биографией не потерять остроумного собеседника, интересную женщину, литературно одаренного человека? Как не упустить те фрагменты жизни, которые и сделали ее столь ценной личностью – будь то голодная юность военных лет или обиды на медицинских чиновников молодого врача, личные драмы и победы? ..

Возраст свой она не скрывает, а, наоборот, гордится им. Ярко красный пиджак, помада ему в тон, черные брюки а-ля Марлен Дитрих, новые лаковые туфли на высоком каблуке ... А что? Праздник же – открытие пристроя к поликлинике. В нем целый этаж отведен под родную стоматологическую службу,

на создание и становление которой Елизавета Никитична положила почти 60 лет своей жизни. Ведь и на пенсию ушла совсем недавно – всего-то пять лет пролетело ...

Перекрестки судьбы

– Я родилась в семье самого мудрого человека в нашем городе, – твердо уверена в родительском авторитете Родина (в девичестве Лиза Быкова). – В Усолье все так и говорили: самый умный – это Ленин, а второй – Никита Семенович Быков.

Имея образование в 17 букв, именно столько он успел их выучить, мальчишка был вынужден уйти из школы в коневоды на маслобойку – кормить осиротевшую семью. Однако сам освоил грамоту, да еще как! Он очень красиво и грамотно писал, а если у детей-старшеклассников возникали проблемы даже с тригонометрией, то им было к кому обратиться – к отцу.

– Нас в семье было шестеро, и мы все приучены были к труду и дисциплине, – вспоминает Елизавета Никитична. – Отец говорил: «Главное – труд. Все остальное чепуха, не лезьте в начальство, труд все за вас сделает». Он очень склонности наши подмечал. И меня прочил в медсестры ...

А еще вспоминается очень насыщенная школьная жизнь – активистка Лизавета была редактором школьной газеты, говорит, потому что «басни из нее сыпались, как горох». Отлично училась и планировала жизнь студенческую. Но вместо этого пришлось срочно оканчивать курсы кредитных инспекторов госбанка. А потом работать целый год в отделе кредитования промышленного сектора, заменять специалистов, ушедших на фронт.

Все у нее получалось. И может быть, девушка с характером и трудолюбием дослужилась бы и до высоких постов на этом поприще. Но не судьба. Тем более очень хотелось учиться, а не сверять дни напролет колонки скучных цифр. И здесь ее судьба делает еще один зигзаг – Лиза поступает учиться в Ленинградский горный институт.

– Институт был эвакуирован в Черемхово из блокадного Ленинграда. И вступительные экзамены там принимали по

выходным дням. А в военное время и нельзя было уйти по своим делам с работы – за это в тюрьму могли посадить, – просто объясняет выбор будущей профессии несостоявшийся, как вы догадываетесь, маркшейдер Елизавета Никитична. – Так началась моя студенческая жизнь ...

Первый семестр девушка закончила отлично. Группу отличников премировали поездкой в Иркутск. Эта награда все изменила в ее жизни до неузнаваемости – словно она вышла на новый перекресток судьбы и повернула в нужную сторону.

Один из ее студенческих друзей предложил срочно переводиться на филологический факультет. Очень уж ему Лизины стихи нравились. Однако филфак юную поэтессу не принял. Хотя в зачетке все пятерки были, но не по тем предметам. Тогда настойчивый друг повел ее в стоматологический институт. Сказал как отрезал: «Ты должна быть врачом».

– О чудо! Меня сразу взяли. В коридоре общежития поставили кровать – холодно, неуютно, – вспоминает, сверкая глазами, Елизавета Никитична, – и очень скоро я догнала своих сокурсников.

А на филфак она все-таки поступила. Проучилась полгода параллельно, а потом пришлось сделать выбор – совмещать анатомию с древнегреческой литературой стало уже невозможно. И тут свое взяла крестьянская практичная жилка. «На стихи ведь не проживешь и семью не прокормишь», – решила Елизавета и осталась верна стоматологии и лицевой хирургии на всю жизнь.

Родинские нормативы

Закончилась война. Лиза Родина (на 3-м курсе вышла замуж) получила диплом врача-стоматолога. И оказалась в поселке авиастроителей. Бывала там и раньше, у сестры – заводчанки в гостях. «Как-то раз надо было срочно к зубному, да так и не попала, – рассказывает Елизавета Никитична. – потому что на 30 тысяч населения поселка приходилось всего два врача, да и те без высшего образования». Это сейчас в распоряжении жителей Иркутска-II великолепная стоматологическая

поликлиника, а в те времена в очередях с больными зубами часами стояли и номера на руках записывали.

Так вот эту очередь предстояло «разгрести» нашей героине. Первым делом вдумчивая и основательная Елизавета Никитична заинтересовалась: а как должно быть. И выяснилось, что нормативов обеспеченности стоматологами не было не только в Иркутске, но и во всем Советском Союзе. Было только известно, что на одного больного положено тратить 20 минут. И все.

Так что параллельно с первым опытом лечения кариеса пришлось вспомнить математику – села считать. И разработала методику расчета нормативов и потребности в кадрах. Таким образом, получилась диссертация. Даже предзащиту прошла в НИИ стоматологии в Москве. А потом .. Вот она, первая большая несправедливость – материалы были переданы в Министерство здравоохранения СССР, а потом по ним издали брошюру с нормативами и приказом узаконили для всех нормы, просчитанные нашей Елизаветой Никитичной. Автора, конечно, никто ни о чем не спрашивал, а в НИИ ей заявили: «Ну, вы же для народа проделали эту работу». Поплакала, да этому горю слезами не поможешь – вернулась в родной Иркутск трудиться дальше, уже по «своим» нормам. Кстати, нормативы «от Родины» действуют в системе оказания стоматологической помощи населению до сих пор.

Своя тема

На этом жизнь не остановилась, а человеку творческому, хорошему честному, активному всегда найдется тема для научной работы. Так и вышло. Сначала Родина вылечила больного актиномикозом. Тогда, в 50-е, то была неизлечимая болезнь. Елизавета Никитична нашла метод – простой, как все гениальное. Промывала язвочки на лице раствором редкого, даже диковинного по тем временам антибиотика. Позже она обнаружила, опять же на собственной лечебной практике, что страдания больного с воспалением тройничного нерва может уменьшить компресс с сибирскими травами. Все это она провела, внедряла, рисковала. И очень верила, что встретит

свою коронную тему для диссертации, которую никто не сможет отнять.

И это в конце концов произошло. Доктор Родина, к тому моменту уже заведующая стоматологическим отделением медсанчасти завода, задумалась о том, почему почти у всех работников клепальных цехов обнаруживался пародонтоз. Более глубокие исследования позволили сделать вывод, что спазм сосудов слизистой оболочки рта происходит из-за вибрации. Именно во рту появляются первые признаки вибрационной болезни.

Она стала тщательно изучать эту тему, описала вибропародонтальный синдром, а главное – четко обозначила пути профилактики этого тяжелого профессионального заболевания. Именно благодаря научной работе Елизаветы Никитичны вибрационная болезнь была внесена в перечень вредных, со всеми вытекающими отсюда льготами для работников предприятий авиационной промышленности (и не только) России. Ну не получается у Родины ниже рангом и уже охватом!

О любви и работе

Все свою жизнь Елизавета Никитична Родина описала в рассказах. Наверное, хорошему врачу просто необходимо выплескивать на бумагу пережитое, делиться наболевшим. Молодец она, что не подавила в себе желание писать лирические стихи и автобиографическую прозу, тосты и поздравления для близких и коллег. И несмотря на огромную занятость никогда не откладывала на потом запись строчек, которые в течение длинного рабочего дня, до предела заполненного совещаниями, консультациями, операциями, всплывали в голове.

– А помните своего первого пациента, – спрашиваю.

– Конечно, – отвечает доктор. – У меня есть рассказ об этом. «Не надо задаваться» называется. О том, как несколько часов я мучила больного, пытаюсь вырвать зуб.

Так она и про актиномикоз написала, и про унижительное хождение по кабинетам московских медицинских чиновников, и про горечь утраты любимого сына, испытателя вертолетов ... Любовь и работа – вот две основные темы ее творческой

деятельности. А сейчас она, будучи пенсионеркой, проделала фундаментальный труд – собрала, дополнила, систематизировала историю медсанчасти. Кроме того, общественная работа председателем совета ветеранов медицинских работников города Иркутска скучать не дает.

– А я все равно жалею, что ушла на пенсию, – тем не менее сетует Елизавета Никитична. – Сейчас, со стороны и опираясь на собственный опыт, конечно, вижу, как можно было бы улучшить профилактику, уровень которой, к сожалению, снизился ... Я бы все по-своему сделала!

Кстати про Елизавету Никитичну рассказывают одну очень интересную историю. Якобы однажды она встретила на улице знакомого мастера цеха и заметила у него в зубах дырку. Придя домой, она тут же позвонила цеховому врачу-стоматологу и устроила форменный разнос – дескать, а чего это человек у вас с таким кариесом непролеченным ходит?! «Было!» – смеется Родина и признается, что цеховые специалисты даже ей объяснительные писали на предмет таких упущений в работе. И поделом, уверена Елизавета Никитична, которая по-прежнему исповедует одну истину: «Если зубы здоровы, то и все будет здорово!».

Елена Вторушина.

«Иркутский авиастроитель», 8 сентября 2011 год

Живы свидетели – жива история

В ряду изданий, вышедших в Иркутске к юбилею нашего города, не должна остаться незамеченной книга Елизаветы Родиной. Называется она довольно специфично – «Цех здоровья». Но это легко объяснимо: в жизни областного центра авиационно-производственное объединение «Иркут» занимает очень заметное место, а «Цех здоровья» – это рассказ о 75-летней истории одного из важных подразделений завода, его медико-санитарной части. Медсанчасть прошла за эти годы путь от первого на начавшем строиться заводе карантинного барака с двумя штатными единицами – до солидного,

хорошо оснащенного медицинского учреждения с почти тысячным трудовым коллективом.

Автор книги, заслуженный врач России, кандидат медицинских наук, более 60 лет проработавшая в этом «цехе здоровья», прекрасно знает то, о чем пишет, - и с точки зрения профессиональной, и с позиции человеческой. На ее глазах медсанчасть становилась, развивалась, сменяли друг друга руководители и специалисты, многие из них были ее коллегами и близкими друзьями. Вот почему книга совсем не похожа на сухую научную работу.

Рассказ о профессиональной деятельности сопровождается живыми воспоминаниями очевидцев и подробностями из жизни коллектива, в котором сама Елизавета Никитична Родина была не только заведующей крупным стоматологическим отделением, но и комсомольским, а потом профсоюзным активистом.

Впрочем, автор не ограничивается лишь собственными воспоминаниями. Собран огромный материал об истории медсанчасти, в основу книги легли архивные документы, встречи и беседы с ветеранами медсанчасти, детьми и родственниками ее бывших работников, а также с нынешними сотрудниками учреждения: руководителями, врачами, медсестрами.

Надо иметь в виду, что первые двадцать лет деятельности завода как оборонного предприятия проходили под грифом секретности, и медсанчасть, считаясь его подразделением, попадала под эту же категорию. А значит, вся информация о том периоде была под запретом. Тем не менее автор сумела восстановить события из жизни коллектива той поры, и эти страницы – едва ли не самые интересные в книге. Здесь представлены имена и биографии всех руководителей медсанчасти со дня ее основания до наших дней, автор рассказала о вкладе каждого в становление медицинского цеха завода, об их человеческих и профессиональных качествах и даже о том, как сложилась судьба этих людей.

Кстати, именно из числа начальников заводской медсанчасти выдвигались руководители областных отделов здравоохранения. Имена В.А. Берденникова и Ю.Н. Кушеверского на-

верняка помнят старожилы Иркутска. Из медсанчасти вышли и другие прекрасные специалисты, ставшие профессорами, докторами наук, руководителями других медицинских учреждений, наконец просто известными высокопрофессиональными практикующими врачами.

Вообще рассказы о людях, которые составляли и составляют славу медсанчасти, занимают в книге очень большое место, о них автор пишет с большой теплотой и уважением, начиная с руководителей и кончая санитарками и нянечками.

Не забыта и огромная работа общественных организаций, которые сыграли большую роль в воспитании персонала, самоотверженно исполняющего свой долг по сбережению здоровья тружеников завода и их семей.

В книге подробно, в исторической перспективе представлены все отделения и подразделения нынешнего современного медицинского учреждения, которое сегодня имеет статус муниципального учреждения здравоохранения, обслуживая население всего микрорайона.

Работа тем более ценна, что это первая и пока единственная попытка обобщить славную 75-летнюю историю медучреждения, занимающего важное место в истории здравоохранения Иркутска.

Это большая удача, что живы еще ветераны, которые помнят давние и важные события нашей истории, а главное, – что они способны написать об этом интересно и правдиво. Елизавета Никитична Родина – одна из них, и за это ей большое спасибо.

*Елена Булдакова
«Мои года», 26.01 – 2.02, 2013 год*

Вечер для друзей

28 сентября в библиотеке № 5 состоялся творческий вечер Е.Н. Родиной – автора, хорошо знакомого нашим читателям. Елизавета Никитична – врач с 60-летним стажем, кандидат медицинских наук, член заводского литературного объединения, не раз публиковалась в нашей газете. Первый ее стихот-

ворный сборник «Стихи для друзей» вышел в 1993 году. С тех пор свет увидели около 20-ти книг Елизаветы Никитичны. В основном это сборники стихов, среди которых «Поэзия трав», «Это радость или боль – что такое алкоголь?», «Басни», «Стихи для детей» и другие. Нынешний творческий вечер ознаменовался выходом в свет книги рассказов Е.Н. Родиной «35 встреч. Записки врача».

Ведущая Е.В. Крашец начала рассказ об авторе с чтения одного из стихотворений «Друзьям». И это не случайно, потому что в читальном зале собрались люди, хорошо знакомые с творчеством поэтессы, почитатели ее таланта, а также те, кому она помогала, работая врачом, друзья и подруги. Е.Е. Смагло рассказала о книгах Е.Н. Родиной, о ее многогранном творчестве, затем слово взяли старшеклассники школы № 37, которые прочли полюбившиеся стихотворения автора.

Елизавета Никитична проникновенно и просто прочла ребятам свою поэму «Семнадцатилетние», повествующую о тех, чья юность пришлась на годы военного лихолетья. В зале, казалось, не было ни одного человека, которого бы оставили равнодушным волнующие строки. В новой книге тоже есть рассказ «Нам не было и семнадцати», который дает нам, не знавшим войны, представление, какими были те годы.

Собрата по перу поздравляли члены заводского литературного объединения: А.Г. Щербаков, Л.Н. Чертовских, А.К. Шимохин. Л.К. Казанцев прочел посвященные ей стихи, а А.Н. Старинский, процитировав строки из стихотворения Е.Н. Родиной «Мои цветы» о нелегком труде врача («Не так уж часто нам целуют руки и дарят с благодарностью цветы ...»), галантно поцеловал ей руку.

Среди выступавших были люди, которые работали с Е.Н. Родиной в медсанчасти и знакомы с ней более 50 лет. Были и те, кому она спасла жизнь. Все говорили об ее огромном трудолюбии, о том, что вокруг нее собираются хорошие люди, желали автору новых творческих успехов, а значит – новых книг!

Нина Годовикова

«Иркутский авиастроитель», 7 октября 2010 год

Мы – поколение с прочным хребтом ...

Законодательное Собрание Иркутской области продолжает информационный проект, посвященный 75-летию Приангарья, которое отметили 27 сентября 2012 года. Открывая рубрику, спикер ЗС Людмила Берлина сказала, что «достижения нашего региона имеют свои имена и фамилии. Мы хотим сказать этим людям спасибо и сделать их примером для остальных». Героем сегодняшней публикации стала заслуженный врач России, кандидат медицинский наук Елизавета Родина.

60 лет Елизавета Никитична Родина проработала в стоматологической службе медсанчасти ИАПО. Ведущий лицевой хирург, организатор, изобретатель, она спасала жизни пациентов, делала серьезные операции, излечивая опасные болезни, вела научную работу по профилактике профессиональных заболеваний. А еще она – писатель, автор десятков книг – сборников прозы, стихов, мемуаров.

В Елизавете Никитичне чудесно сочетаются острый ум и мягкий юмор. Светлый человек, говорят о таких. Беседовать с ней – роскошь. О своей судьбе 88-летняя собеседница рассказывает подробно, но без пафоса.

– Родом я из Усолья-Сибирского. Бабушка и дедушка ссыльные политзаключенные, пришли в Сибирь по этапу. А мама и папа познакомились уже здесь. Так сблизилась Тамбов и Херсон.

Когда началась Великая Отечественная война, Лизе исполнилось 17 лет.

Елизавета училась в мединституте на стоматологическом факультете и работала. Самым сильным испытанием тех лет был голод.

– По карточкам полагалось 400 граммов хлеба. Одну булку продавали, покупали картошку, пшено, постное масло. Остальной хлеб делили между собой. В столовой давали котлеты из мороженой капусты, до сих пор не выношу этого запаха. А тогда есть хотелось постоянно.

Общежитие института располагалось на улице 3-го Июля. Деревянное здание не отапливалось, девочки ходили по окру-

ге и собирали дрова, иногда крали. Фронту помогали, как могли, ухаживали за ранеными в иркутских госпиталях, сдавали кровь. А по вечерам писались самые первые, трогательные стихи, которые будут опубликованы в 1945 году. «Нам в эти годы не хватало ситца ... », – напишет Родина о том времени. А о своем поколении скажет: «Мы – люди с очень прочным хребтом ... », «Нет, у врача не сладкий хлеб ... »

После окончания института Елизавета Никитична в 1947 году получила направление на Иркутский авиазавод. Именно она при поддержке коллег с нуля создала здесь стоматологическую службу. Заведовала стоматологическим кабинетом, в 1952 году возглавила стоматологическое отделение, а в 1979 году руководила уже стомклиникой, где работало свыше 20 врачей.

Хирург-стоматолог, администратор, Елизавета Никитична занималась и наукой. В ее активе – десятки печатных работ, изобретения и рационализаторские предложения, связанные с методикой и практикой лечения пародонтита и вибрационной болезни – тяжелого профессионального недуга авиастроителей.

После долгих исследований врач пришла к выводу, что вибрация подавляет нервную систему, выводит из строя кровеносные сосуды, разрушает костную ткань. Установив причину болезни, Родина создала целый комплекс профилактических мер. Сама сконструировала спецаппаратуру, регистрирующую шумы и вибрацию, запатентовала несколько изобретений и рацпредложений, трижды ездила на Всесоюзные съезды изобретателей.

– Работников на участках, связанных с вибрацией, перевели на неполный рабочий день. Рабочие носили специальные шины, периодически переходили на иной род деятельности, – вспоминает доктор.

Там, где в качестве эксперимента использовались рекомендации Родиной, уровень заболеваний снизился вдвое. Работники завода, которые трудились в условиях вибрации, получили специальную пенсию. До сих пор многие называют это пособие «Лизиной пенсией».

В соавторстве с московским профессором Татьяной Никитиной была написана книга «Вибропародонтальный синдром». Специалисты описали болезнь, способы ее диагностики и лечения. Книга стала пособием. В 1979 году по этой теме Родина защитила в Москве кандидатскую диссертацию.

– Еще одним большим делом моей жизни стало изучение заболеваемости детей в моем районе. – рассказывает Елизавета Никитична.

Доктор изучала и сопоставляла стоматологические заболевания каждого ребенка, сравнивала, как растут и развиваются больные дети и те, кто подвергался лечению и санации. За десятки лет работы накопилась внушительная доказательная база. Исследования легли в основу создания в Иркутске одной из самых мощных стоматологических служб. Также был написан уникальный труд о влиянии окружающей среды на состояние полости рта детей. Как итог ее работы – в каждой школе, детском саду, ПТУ, на территории авиапредприятия появились стоматологические посты.

«Нет, у врача не сладкий хлеб ... », – призналась однажды Елизавета Никитична в своих стихах. Про медиков по призванию принято говорить, что они не работают, а служат. На своем посту моя героиня прослужила до 84 лет.

Сегодня она – член правления ассоциации стоматологов Иркутской области, председатель Совета ветеранов работников здравоохранения Иркутска. И по-прежнему ведет активную общественную работу.

В квартире Родиных особое место занимают фотографии детей и внуков. Двое сыновей – особая гордость семьи. А сын Андрей, летчик-испытатель, навсегда оставшийся 31-летним майором, – еще и затаенная боль.

8 августа 1995 года на транспортном вертолете Ми – 171 Андрей с экипажем проводили испытательный полет. В небе машина повела себя нештатно. Трагедия разворачивалась прямо над населенным пунктом Каменска, в Бурятии. Пригодной местности для посадки не было, летчики направили вертолет на поросший лесом горный склон. В самую последнюю секунду Андрей успел выключить двигатель. Машина не взорвалась,

хотя в ней было три тонны горючего. Своими действиями бор-тинженер спас экипаж и поселок, но погиб сам. Его товарищи Тайгиб Толбоев и Евгений Эрдынеев после пережитой трагедии еще летали.

На месте аварии был установлен монумент с лопастью винта от разбившегося вертолета. Благодарные жители поселка поставили в память о героизме пилота поклонный крест.

– Мы работали с мужем на даче. Смотрим: стая журавлиная пролетает, один отделился, покружил над нашим домом и догнал своих. Муж говорит: «Это наш Андрей привет передает», – вспоминает мама.

*А журавли курлычут, пролетая,
Один отстал и машет мне крылом.
Его друзья, конечно, понимают,
Что мой сынок приветствует свой дом ...*

На эти стихи написана песня, которую исполняет заслуженный деятель культуры Николай Прошин. Сыну посвящен и большой цикл стихотворений.

Литературные занятия сегодня для Елизаветы Никитичны стали смыслом жизни. Она ежегодно издает книги – прозу, стихи, мемуары. Написан и готовится к печати роман – семейная сага, основанная на реальных событиях. Недавно увидела свет и новая книга «35 встреч. Записки врача». Это повествование о человеческом благородстве и врачебном долге, нравственное напутствие тем, кто придет после.

Комментарий к статье

Депутат Законодательного Собрания Иркутской области Дмитрий Красноштанов:

– Елизавета Никитична Родина – женщина неординарная, удивительно светлая и очень талантливая. Медик, писатель, ученый, изобретатель, педагог, поэт в одном лице – явление примечательное в наше время. Есть мнение, что медики каждый день спасая людей от боли, привыкают к ней, становятся менее чуткими, отзывчивыми. Но не в случае с Елизаветой Никитичной, которая стала поэтом, продолжая оставаться врачом, а это бывает не столь часто.

Талантливость и многогранность Елизаветы Никитичны выразились как в медицине, так и в творчестве. Об этом свидетельствует множество опубликованных научных работ, исследований, изобретений, сборников стихов, рассказов, басен ... А как она читает свои стихи! Она в них живет! Мне кажется, что этот человек близок любому, имеющему совестливую, отзывчивую душу, каждому, умеющему любить, сострадать, видеть прекрасное. В ее биографии так тесно и плодотворно переплелись наука и творчество, что понимаешь, вот это действительно жизнь, которой можно гордиться!

В настоящее время Елизавета Никитична, находясь на заслуженно отдыхе, так и не сняла медицинского халата. Она не пытается и не хочет себя ограждать от чужих страданий, продолжает помогать всем, кто стучится в ее двери или звонит в полночь по телефону, еще и еще раз показывая своим примером, что врачебная деятельность, как и писательская, обязательно предусматривает внимание и любовь к каждому человеку, желание разобраться не только в физиологии, но и в душевных делах.

*Людмила Шагунова
«Областная», 28 сентября 2012 год*

Поэзия всегда прозрачна

Поэзия всегда прозрачна ... Она не только отражает самые тонкие движения души автора, одаренного поэтическим взглядом, но сквозь рифмованные строки всегда проступают в ней контуры окружающего нас «прекрасного и яростного мира». Того мира, в котором по-разному устраиваются и живут наши современники. В нем борются между собою извечные контрасты: добро и зло, прямодушие и лесть, нежность и черствость, сострадание и жестокость, отчаяние и надежда. И по-прежнему этот сложный, огромный мир неутихающих человеческих страстей украшают чудачки и поэты. «Чем?» – спросите вы? А мы ответим: «Умением слушать тонкую гармонию небесных сфер, живым состраданием к слабым и беззащитным существам, благодарной памятью сердца, в котором

живет опыт ушедших поколений, бескорыстным трудом любимого дела на земле и неистребимой верой в силу добра».

Именно такое впечатление оставляют в душе стихи, которые вам предстоит прочесть.

Они незатейливы по форме и просты как суровое полотно самой жизни, в которое автор умеет вплести серебряные нити зимних узоров, пышный орнамент горящих осенних листьев, тихое пламя багульника и щедрое разноцветье стремительно-го сибирского лета.

В стихах Е.Н. Родиной много будничного, узнаваемого. В ее творчестве есть много шуточных застольных стихов, написанных для узкого круга давних друзей, ради их улыбки, одобрения или утешения. Они не лишены остроумия и написаны, как говорят, по случаю. Мягкая женская ирония, а порой горькая усмешка сопровождают те строки, которые посвящены острой и актуальной в наши дни полемике о взаимоотношениях «прекрасного» и «сильного» пола. Другие стихи напоминают теплые, душевные письма к родным, это стихи-воспоминания. Они посвящены матери и малой родине, встречам с однокашниками и давними, надежными друзьями. Третьи, как странички заветного дневника, хранят самое сокровенное, то, что лежит на дне души и что не выскажешь иной раз даже самому близкому другу – это стихи о любви или пережитом предательстве.

Но какое бы разное настроение ни водило пером автора, все стихи отмечены искренностью и возвышенным строем поэтической души, умеющей видеть и подмечать прекрасное в самых, казалось бы, обыденных обстоятельствах. Восторгом и благодарностью к «Творцу всяческих» отмечены стихи, посвященные природе, о которой автор не устает говорить каждый раз по-новому. Полны теплотой и восхищением перед нравственной красотой человека те беглые поэтические зарисовки, которые посвящены коллегам-хирургам и медсестрам: «Сострадание», «Медицинский халат», «Врачебные руки» и другие. Не мудрено, ведь профессию врача автор понимает как особую миссию нелегкого служения ближним. «Уж если

жить, так для кого-то жить», – замечает автор в одном из своих произведений.

Страдания и боль многих людей, с которыми в больничной палате или операционной столкнула автора стихов профессия врача (Маленькая Маринка с больным сердцем, трусоватый мужчина, которого страшит кресло зубного врача, одинокий, заброшенный родными старик), автор переживает как свои собственные. Через стихи он делает нас причастными к их боли, а значит, учит состраданию. Именно это качество, все более исчезающее в наши дни, как одно из главных достоинств уходящего в прошлое поколения наших отцов, – людей чести и долга, более других отличает творчество данного автора.

Сострадание – это чуткость к миру, живое сердце, способное на мгновенный отклик. Такое сердце видит не только чужую человеческую боль, но и страдание «братьев наших меньших». Трогательные стихи в этом смысле посвящает автор бездомной синице, брошенной «новым русским хозяином» на даче породистой собаке, озябшему голодному воробью.

Отдельные темы в сборнике – это сердце любящей женщины и любящей матери. Неспешно перечитывая одно стихотворение за другим, следуя за автором из одного календарного года к другому, мы видим, как в горниле сердечным мук и метаний вызревает самое драгоценное, неподвластное переменчивым житейским ветрам, качество высокой пробы – умудренность женского сердца:

*Годы уходят, мечты улетают,
Чувствовать стала я тоньше, острее.
Вот почему меня ласки пугают,
Честность и верность волнуют сильнее.
Можно без страстных твоих поцелуев,
Крепких объятий и облачных слов.
Лишь в чистоте, простоте разгляжу я
Это великое слово – любовь.*

Лилия Ладик

Предисловие к книге «Благодарю тебя любовь», 2008 год

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Не живу я в Усолье	4
Откуда я родом	6
Детство	14
Помню и школу, и класс.	34
Годы испытаний.	42
В поиске призвания	49
Первые пациенты.	82
Замужество	84
Вступление в профессию	89
Дела семейные	96
Расту на службе.	110
И снова о семье	111
Я всегда любила свою работу	120
Как мы боролись с вибрацией	128
В роли водителя	132
Суженый	136
Детство Вити	153
Защита провинциалки.	158
Дачные хлопоты	170
Сыновья	176
Братья и сестры.	200
Подруги.	222

Перестройка.	230
О моей профессии	231
И ещё одно любимое дело	240
Усолё.	253
Приложение. Отзывы читателей на творчество автора . . .	254

Елизавета Родина

Я всё люблю на этом свете...
(Автобиографическая повесть усольчанки)

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 25.12.2013. Формат 60/84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,4. Уч. изд. л. 15,5.
Тираж 250 экз. Заказ № 310.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
Тел. 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru